

Игорь
Ноздрин

**ХРИСТОФОР
КОЛУМБ**

Игорь Валерьевич Ноздрин

Христофор Колумб

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64927781
Христофор Колумб / И. В. Ноздрин: Руда; Москва; 2021
ISBN 978-5-9073550-8-8

Аннотация

Книги И. В. Ноздрина представляют собой синтез захватывающей приключенческой литературы и оригинальных научных исследований автора.

В представленной книге автор рассказывает о временах славы и трудных годах забвения Христофора Колумба, воплотившего в себе противоречивое мировоззрение испанского Возрождения.

Читатель узнает о его происхождении, об истинных силах, способствовавших организации экспедиции, о возможной принадлежности мореплавателя к тайным орденам, о подготовке перехода через Атлантику и посещении островов Нового Света.

Но на этом история не заканчивается. Отдельное внимание уделено описанию походов португальских капитанов в Индию, их стремлению завершить поиски западного пути в азиатские страны. В книге подробно освещена история развития колониальных отношений с туземным населением в Новом Свете, в Африке, на берегах Индийского океана.

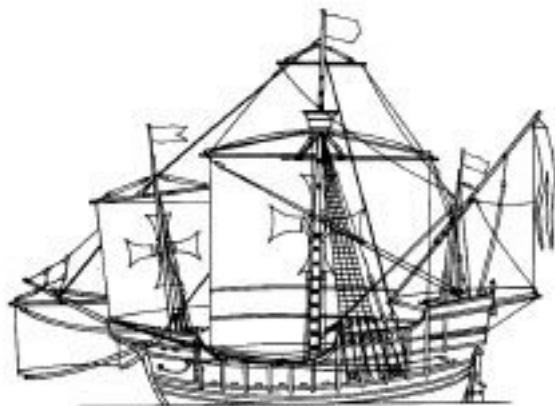
Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Содержание

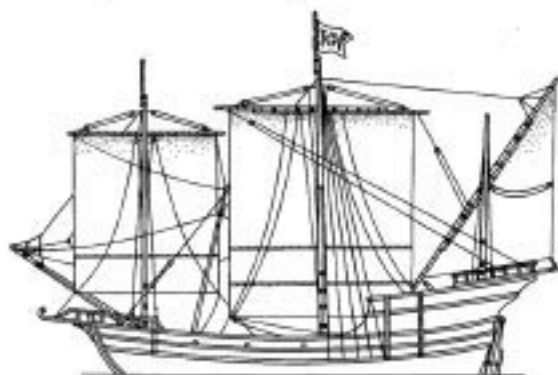
Предисловие	8
Часть I	17
Глава I	18
Глава II	39
Глава III	67
Глава IV	107
Глава V	128
Глава VI	159
Глава VII	182
Глава VIII	210
Глава IX	229
Глава X	253
Глава XI	291
Глава XII	326
Конец ознакомительного фрагмента.	332

Игорь Ноздрин Христофор Колумб

*Посвящается моей дочери Марии, названной в
честь флагманских каравелл Колумба*

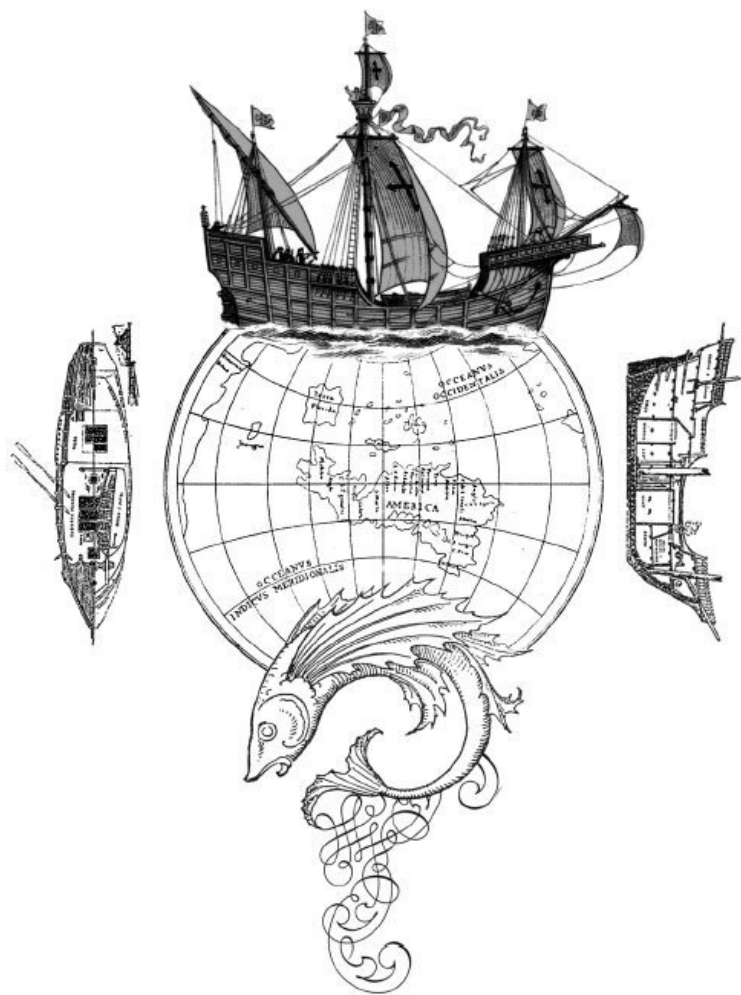

Santa Maria

La Pinta

Предисловие

Золото создает сокровища.

*Тот, кто владеет им, может совершить все,
что пожелает.*

*Он способен даже вводить человеческие души в
Рай.*

Христофор Колумб

Каравелла знакома каждому человеку по книгам и фильмам. Это корабль эпохи Великих географических открытий. Ветер раздувает паруса, скрипят мачты, поднятый нос с божеством, поддерживающим бушприт, режет волны. Кто не плавал по морям в поисках легендарных земель, не сражался с пиратами, не выкапывал клады на далеких островах, не тонул в бушующем океане? Каравелла стала частью наших школьных лет, символом доблести и отваги. Мы ждем ее алые паруса всю жизнь. Однако мало людей знают размеры судна, водоизмещение, площадь парусности, скорость, внутреннее устройство. Четверо из пяти опрошенных полагают, будто каравелла соответствует среднему современному кораблю. «Маленькое судно не способно пересекать моря, — уверены они, — бороться с волнами высотой в пятиэтажный дом, выдерживать ураганные ветры».

Прошла половина тысячи лет с тех пор, как португальские корабли боязливо опустили за Гибралтарский пролив

и вдоль северной оконечности Африки направились к морю Тенибраско, где по убеждению просвещенных людей, цитировавших Птолемея и Тацита, находился предел земли, водились огнедышащие драконы. Изменилась карта мира, расширились просторы человеческого мышления. Европа пережила инквизицию, Возрождение, войны. Люди познали законы природы, поставили себе на службу силу пара, электричества, атомной энергии, взлетели в небо, приблизились к звездам, ходили по Луне. Мы привыкли видеть на реках крупные суда, сопоставлять их с каравеллами, дерзнувшими отправиться за горизонт. Многие из них погибли (в гавань возвращалась только треть судов экспедиций), но даже легендарные корабли не обмерили, не зарисовали, не сохранили в памяти.

Наибольшая известность выпала на долю каравелл Колумба, в 1492 г. пересекших Атлантический океан. В любом справочнике вы найдете их изображения, но везде они разные. Измерения флагманской «Санта-Марии» колеблются от 24 до 36 метров. Хотя неоднократно делались попытки создать для круизных плаваний копию каравеллы, специалисты основывались лишь на единственном эскизе судна, изображенном на полях рукописи Колумба, похожем на каракули пятилетнего ребенка. Не лучше обстоят дела с кораблями других капитанов.

По рисункам судов того времени можно представить каравеллы конца XV – начала XVI столетия. В среднем их дли-

на составляла 30 метров, ширина – 8, осадка – 2 м, грузоподъемность – 150 тонн. На таких кораблях до сотни человек подолгу плавали, жили, работали в океане.

Что такое 30 метров? Это размер капитанского мостика современного танкера. «Санта-Мария» проплыла бы под его кормой, а с борта гиганта ее бы не заметили. Но не думайте, будто все корабли первооткрывателей не превышали указанных размеров. Древний мир знал суда, втрое превосходившие каравеллы. В наше время со дна озера Неми откапали из ила плавучую дачу императора Калигулы, плоскодонку изящной формы, в 70 метров длиной и 17 шириною. Полые колонны из обожженной глины служили в деревянном корпусе опорами верхней палубы. Мраморные плиты покрывали помещения, в кадках росли цветы. Полтора тысячелетия назад строители предотвращали гниение корпусов обшивкой из тонкого слоя свинца. Плоскодонка Калигулы для отдыха на спокойной воде – самое крупное сохранившееся античное судно.

В древних источниках встречаются удивительные описания кораблей. В царствование египетской царицы Хатшепсут мастер Инеми в XV в. до н. э., для перевозки по Нилу каменных монолитов длиной в 29 метров и весом по 350 тонн, высеченных из скал Асуана для храмов священного города Фивы, построил баржу водоизмещением в полторы тысячи тонн. На протяжении последующих столетий египтяне увеличивали размеры судов. При Птолемее IV Филопаторе

(221–204 г. до н. э.) они создали многоярусный военный корабль длиной в 128 и шириной в 17 метров, приводившийся в движение четырьмя тысячами гребцов. Весла верхнего яруса достигали 19 метров. С высоты 22 метров из-за кованой брони бортов лучники взирали на подплывавшие лодки. Весла уравнивали свинцом, закрепленным на внутренних частях рукояток. Противовесы облегчали работу гребцов. Судно имело два носа и две кормы, но не являлось катамараном. Египтяне пользовались одним парусом, трехмачтовая система появилась позже в Европе на Средиземном море.

По сообщению греческого писателя Афинея (III в. до н. э.), правитель Сиракуз, Гиерон II велел архитектору из Коринды Архию и молодому Архимеду построить трехпалубный 90-метровый корабль с парадным и гимнастическим залами, храмом Афродиты, тремя ванными, банями, библиотеками, садами, рыбным «озерцом», просторной кухней, конюшней, огромным трюмом. Каюты украсили картинами, вазами, статуями, росписью, ценными породами деревьев. Восемь многоэтажных башен, катапульты, камнемётные рей на мачтах обеспечивали безопасность корабля. Опускавшаяся за борт железная ограда предохраняла от abordажей. Гигант назвали «Сиракузянкой». Она плавала вдоль побережья и однажды добралась до египетской Александрии.

В Китае мастера строили джонки до 164 метров. Марко Поло описал в устье реки плавучую крепость невероятных

размеров – 180 **5** 180 метров. Имея опыт строительства крупных судов, люди вышли в океан на рыбацких баркасах. Каравелла с маленьким, широким, глубокосидящим, обтекаемым днищем каплевидной формы оказалась хорошо приспособленной для длительных плаваний. Она не переворачивалась, легко всходила на волну, скатывалась вниз. Благодаря короткому корпусу не разламывалась пополам. Набитый грузом вместительный трюм не позволял судну ложиться парусами на воду.

Потребовалось пять веков экспериментов и поисков, чтобы появился 145-метровый стальной пятимачтовый фрегат «Пруссия» водоизмещением в 11,6 тыс. тонн. Он не только в пять раз превосходил каравеллу размерами, но и в пять раз быстрее плавал. Фрегат построили в Германии в 1904 г. До сих пор он является самым крупным парусником. Совершив кругосветные плавания, фрегат случайно столкнулся с пароходом и затонул на скалах Ла-Манша. Сопоставьте водоизмещение каравеллы с грузоподъемностью «Пруссии» и вы увидите, как далеко шагнуло парусное кораблестроение. Это стало возможным благодаря применению новых материалов и промышленных технологий. А самым большим деревянным судном была американская шхуна «Вайоминг», достигавшая 107 метров. Ее сделали в 1910 г. по методу египтян и греков, сколачивая железными гвоздями. «Вайоминг» плавал вдоль восточного побережья США, перевозил песок, соль, прочие грузы. В марте 1924 г. шхуна погибла во время

шторма в Чесапикском заливе.

Парусники-гиганты покажутся крохотными суденышками по сравнению с танкерами, сохраняющими лидерство в последние десятилетия. Самый крупный из них спустили на воду в 1980 г. В трюме японского судна «Сиуайз Джаэнт» помещается более полумиллиона тонн сырой нефти, что равнозначно железнодорожному составу из обычных 60-тонных цистерн длиной в 120 километров! Он способен перевезти высотное здание Московского университета, масса которого превышает 500 тыс. тонн. Танкер в семь раз превосходит водоизмещением боевые надводные корабли. Его длина – 458, ширина – 69, высота борта – 55, осадка – 25 метров. Строительство обошлось в 73 млн. долларов.

За шесть веков суда ежегодно увеличивались на 70 сантиметров. Развитие человеческой мысли нельзя выразить в метрах, тоннах, километрах, но и такое сравнение отражает общественный прогресс. Колумб, при попутном ветре, почти месяц пересекал Атлантический океан, экспедиция Магеллана два с половиной года огибала земной шар. Скорость каравелл составляла 3–5 узлов (миль в час), иногда доходила до 8–10. В рекордные дни суда проплывали за сутки 150–160 миль.

Современное парусное судно имеет скорость в два-три раза выше. В 1908 г. «Пруссия» совершила кругосветное плавание за 295 суток ходового времени, а сейчас в этот срок укладываются яхтсмены-одиночки. В 1989 г. Оливье де

Керсозон совершил кругосветное путешествие на тримаране «Отр Регар» за 125 дней и 19 часов.

В 1905 г. трехмачтовая 56-метровая шхуна «Атлантик» капитана Чарльза Барра прошла от английского мыса Лизард до Нью-Йорка за 12 суток и 4 часа. Семьдесят пять лет парусники не могли повторить ее достижение. В 1980 г. Эрик Табарли перекрыл его на тримаране «Поль Рикар». В 1988 г. Серж Мадек на катамаране пересек океан с запада на восток за 7 суток 6 часов 30 минут, в пять раз быстрее «Санта-Марии» Колумба, а ведь адмирал шел коротким путем. В 2003 г. установлен новый мировой рекорд: Федор Конюхов с международным экипажем на катамаране «Алые паруса» за 16 дней пересек Атлантику и вернулся назад в Европу. Средняя скорость составила 34 узла, то есть в 8 раз выше каравелл!

Суда с механическими двигателями плавают быстрее. В 1952 г. американский лайнер «Юнайтед Стейтс» пересек Атлантику за 82 часа. Рекорд продержался 33 года, пока катер «Вирджин Атлантик Челенджер II» не сократил его на 2 часа. В 1989 г. «Джентри Игл» переплыл океан за 62 часа 13 минут.

Абсолютный рекорд скорости на воде установлен в 1978 г. К. Ворби на турбореактивном глиссере «Спирит оф Австралия» на глади озера Блауеринг Дэм, достиг 511,11 км в час.

От высоких скоростей наша земля не стала меньше, а моря – спокойнее. Ежегодно свыше двух тысяч кораблей гибнут

в пучине, сиротеют семьи на берегу. Океаны не прощают людям ошибок. Бермудский треугольник с кораблями-призраками, тайна зарождения пятидесятиметровых «волн-убийц» ждут разгадки.

Человечество построило огромные суда, плавучие лаборатории, доки, искусственные острова с буровыми вышками, атомоходы, подводные лодки, способные обойти земной шар, не всплывая на поверхность.

Все это будет потом, а сейчас выходят из гавани тяжело-грузные рыбацьи баркасы, ловят пассаты, мчатся к неведомым землям в поисках золота, пряностей, слоновой кости, рабов. Жаркое солнце конца XV столетия плавит палубную смолу, обжигает кожу, слепит воспаленные глаза. За богатством и славой плывут каравеллы во все части света!

* * *

А теперь, дорогие читатели, представьте себе живущего в Испании сорокалетнего итальянца. Он провел половину жизни на родине, где научился читать и красиво писать, так аккуратно, что друзья говорили, будто его письма «вкусно смотреть». Это качество человека свидетельствует о трудолюбии, усидчивости, стремлении познать истину, достичь совершенства. Он самостоятельно изучил науки, овладел латинским языком. И вот, образованный итальянец, обладающий каллиграфическим почерком, почему-то скверно пи-

шет на родном языке, шлет послания генуэзцам на чистом испанском языке или пользуется латинским (коим владел свободно). При этом он совершает ошибки, свойственные кастильскому наречию. – Какой же он итальянец? – воскликнете вы. – Он выдает себя за него!

Это – Христофор Колумб, первооткрыватель Нового Света, самый известный на земле человек! Так звучит его имя по-русски. Англичане называют мореплавателя на латинский манер – Колумбус, французы – Коломб, испанцы – Колон, португальцы – Коло, итальянцы – Кристофоро Коломбо.

Его личная жизнь до сих пор остается загадкой.

Часть I

Глава I

Сражение у мыса Сан-Висенти

13 августа 1476 года четыре генуэзских и один фламандский корабль подходили к юго-западной оконечности Португалии – мысу Сан-Висенти. Они везли во Фландрию драгоценную мастику с острова Хиоса, надеясь сбыть дороже в Северной Европе. Итальянские корабли принадлежали генуэзскому торговому дому Чентурионе и Негро. Иностранное судно было зафрахтовано в соответствии с международными правилами, о чем свидетельствовали документы. Итальянские капитаны имели охранные грамоты французского короля, воевавшего с испанцами на стороне португальцев. Забыв о маврах, иберийские народы делили свою часть полуострова. Соседи помогали им. Людовик XI поддерживал португальцев. Его непримиримый враг герцог Бургундский, Карл Смелый (владелец фламандских земель) сочувственно относился к испанцам. Генуэзская республика придерживалась нейтралитета. Стало опасно перевозить товары из Италии во Фландрию.

Владельцы торгового дома учли обстоятельства перехода и не погнушались помощью сомнительных людей, опытных моряков, часто оказывавших им серьезные услуги. Из пяти кораблей двумя командовали представители фирмы – Джованни Антонио Негро и Никколо Спинола, коим подчиня-

лись три капитана, старавшиеся не попадаться на глаза правительственным чиновникам.

Солнце клонилось к западу, откуда дул ровный ветер, прижимавший суда к побережью. Итальянцы опасались пиратов, боялись взять мористее, тянулись к портам. Кормчим казалось, будто на виду у городов и поселков враги не посмеют напасть на маленькую флотилию. Здесь испанские моряки чувствовали себя неуютно, а не ладившие с законом наемники рисковали вдвойне.

Генуэзцы обогнули знаменитый мыс с замком принца Генриха Мореплавателя, заложившего основы португальского владычества на морях, и с удивлением обнаружили впереди далеко уходящую от берега линию сторожевых кораблей. В последней гавани купцов не предупредили об эскадре у Сан-Висенти. Дозорные сосчитали суда. Пять португальских и тринадцать французских флагов реяло на горизонте. Обойти их было нельзя.

С французского корабля раздался выстрел, адмирал потребовал от итальянцев убрать паруса, лечь в дрейф. Негро со Спинолой повиновались, прочие каравеллы замедлили ход. Одна подошла к командирам на расстояние полета стрелы. Две других закачались на волнах недалеко от флагмана.

Не нравится мне это, – признался капитану двадцатипятилетний купец, сопровождавший груз на итальянской каравелле.

Он познакомился с офицером на Хиосе три года назад,

когда по поручению торгового дома совершал путешествие за благовонной мастикой. Молодой капитан хорошо служил неаполитанскому королю Рене Анжуйскому. С малым марсельским флотом Рене сражался в 1472 году в каталонских, сардинских, неаполитанских водах с изгнавшим его из Неаполя арагонским королем. Среди примкнувших к Рене молодых испанцев выделялся рослый, светловолосый, голубоглазый моряк, с детства выросший в море. Мятежный француз сделал его капитаном, доверял ему ответственные поручения. После войны испанец перешел в торговый флот, где встретился с купцом из Генуи, бывшим ткачом, сменившим отцовскую прялку на счета торговца. Итальянца звали Христофором Колombo. Они подружились и плавали вместе.

– В чем дело? – спросил моряк.

– Французы опускают на воду много лодок, – пристально разглядывая сторожевую линию, ответил генуэзец.

– Не волнуйся, – успокоил испанец. – У наших хозяев есть охранная грамота.

– А вдруг это пираты? – заволновался купец. – Двигутся нам навстречу. Скоро они закроют выход в море и обратную дорогу!

– Тебе это кажется. Ветер сносит каравеллы на юг, – пояснил моряк.

– Давай вернемся назад? – предложил Колombo.

– Поздно уже, – промолвил моряк. – Французы арестуют флагман и погонятся за нами.

Пока на итальянских судах обсуждали неожиданное появление эскадры, ее адмирал Гийом Казенов, известный как пират Колон, или Кулон Старший, отдавал матросам и солдатам последние распоряжения. На воду спустили шлюпки с соседних кораблей, коим предстояло арестовать встретившиеся суда, а если генуэзцы откажутся подчиниться воле командующего, взять на abordаж. Гийом грабил встречные суда, делился добычей с португальскими помощниками и французским королем, за что тот закрывал глаза на его «подвиги». Сегодня выдался особенно благоприятный случай. С итальянцами шло судно под фламандским флагом Бургундского герцога Карла Смелого. За это Людовик простит адмиралу любое преступление.

Джованни Негро и Никколо Спинола почувствовали неладное, велели слугам принести сопроводительные документы, приготовить корабли к бою. Орудия зарядили рублевым свинцом, намереваясь достойно встретить подплывавшие лодки.

У французов не хватило ума хитростью захватить корабли. Они приблизились к генуэзцам, надменно потребовали у них сдаться в плен, отдать товары. Представители торгового дома попытались предъявить взошедшему на борт офицеру охранную грамоту. Он не взглянул на нее. Солдаты в лодках кричали, чтобы им позволили подняться на палубы. Итальянцы отказались впустить гостей. Тогда те замахали сигнальным флагом, велели флотилии подойти к непокорным

судам. Бросив на генуэзской «Бекалле» товарища, французы поспешили отплыть на безопасное расстояние. Купцы позволили им сделать это в надежде, что адмирал не посмеет нарушить повеление короля.

Когда лодки отошли от торговцев, Гийом приказал закрыть выход на юг, стрелять по каравану. Пиратская эскадра начала медленно выстраиваться полукольцом, прижимать жертвы к побережью. Ядра подняли столбы воды рядом с итальянцами.

– Проклятье! – выругался Христофор. – Они решили разнести нас в щепы!

– Ты ошибаешься, – возразил капитан. – Французы хотят завладеть грузом, гонят нас на отмели, но это им не удастся.

Он приказал поднять паруса, развернуть каравеллу в море.

Пока генуэзцы ставили прямые родонды, пытались выйти на запад встреч ветру, пираты обошли их с юга, заперли у мыса.

Гийом не сомневался: тайные союзники Карла Смелого сдадутся! Он выиграл ветер, обрел половину успеха в предстоящем сражении, имел численный перевес. Что сделают пять тихоходных доверху груженных кораблей против восемнадцати боевых судов? Ничего, только героически погибнут.

Корсар недооценил генуэзских моряков, имевших опыт борьбы с турецким флотом в Средиземном море. Недаром они славились в Европе! Итальянцы не приспустили флагов

в знак капитуляции, мужественно двинулись туда, куда позволял ветер – на северо-запад, на флагман Гийома. С бортов каравелл в ответ ударили пушки. Они били точнее, отчего шансы генуэзцев на успех значительно возросли, но купцы не успели набрать скорость, чтобы прорваться через линию врагов. Французы сомкнули кольцо. Итальянцы шли неудобным галсом, слишком круто к ветру, пираты же успешно лавировали. Корабли сблизились и почти в упор принялись расстреливать друг друга.

Генуэзцам требовалось много мужества, чтобы в неравной борьбе не пасть духом. На десять пиратских выстрелов они отвечали одним, количество пушек не позволяло вести равную дуэль. И все же искусство итальянских канониров победило численность вражеских орудий. Они первыми потопили корабль, прикрывавший французский флагман, но капитаны не успели направить каравеллы в образовавшуюся брешь. Французы закрыли проход, теснее окружили купцов, с трех сторон палили по судам. Только у берега, куда корсары боялись подплыть, сохранялось защищенное камнями и отмелями свободное пространство.

Так продолжалось около часа. К началу второго Гийом поджег флагманскую «Бекаллу» Спинолы, а тот уничтожил португальский корабль. Море наполнилось тонущими людьми, обломками судов. Удушливая гарь с беловатыми ключьями дыма стлалась над волнами, скрывала от глаз моливших о помощи моряков. До берега было не менее восьми

километров, редкий матрос мог проплыть это расстояние.

Итальянские корабли сбились в кучу. Пожар на «Бекалле» усилился, команда не справлялась с огнем. Пламя расплзлось по палубе, лизало мачты, жгло канаты. Черные клубы дыма потянулись к побережью. Отчаявшись потушить пожар, люди прыгали в воду, плыли к соседним кораблям, где их поднимали на палубы. Там положение было не лучше. Ключья парусов хлопали над головами, ломались мачты, рвались ванты. Генуэзцы истекали кровью, дрались из последних сил.

«Бекалле» вспыхнул факелом, повалился боком на воду. Люди, пушки, ядра, камни, бухты тросов, лодка, корабельные снасти посыпались с палубы в волны. Раненый корабль за шипел, увлек на дно капитана. На месте гибели флагамена расплзлось грязное пятно с обломками рангоута да ломаными досками, среди которых барахтались несчастные моряки.

Пираты вопили от радости, потрясали кулаками, обещали сопротивляющимся итальянцам подобную смерть. Гийом велел офицерам взять судно на abordаж. Французские корабли приблизились вплотную к генуэзцам, но точными выстрелами из пушек были отброшены назад. Одна пиратская каравелла получила дыру в борту и затонула. Прочие не осмеливались выполнить приказ адмирала. Он возмущался, орал, требовал немедленно покончить с торговцами.

После смерти Спинолы Джованни Негро надумал вдоль берега выйти из окружения. Матросы подняли на бушприте

косые паруса, поймали ветер, тяжело развернули судно кормой к Гийому, поплыли в опасную зону, увлекая за собой флотилию. Лишь один корабль, меньше других пострадавший от вражеских орудий, последовал за ним. Прочие были неуправляемыми. Итальянцы надеялись на чудо, отстреливались от врагов, пытались заменить снасти, выбросить корабли на берег, спасти себе жизнь.

Гийом разгадал замысел торговцев, плюнул на убежавшего командира, сосредоточил силы против двух разбитых судов. Град ядер обрушился на палубы каравелл, ломал надстройки и мачты, дырявил борта. В таком ужасном состоянии генуэзцы потопили четвертый пиратский корабль. Они видели, как прижавшиеся к берегу друзья вырвались из кольца и на всех парусах уходили на юг.

Через полчаса неравное сражение закончилось. Французам не удалось захватить в плен торговые суда. Обломки итальянских каравелл опустились на дно.

– Сеньор капитан, сеньор капитан! – отчаянно кричал Коломбо уплывавшему к берегу товарищу. – Помогите мне! Я ранен.

Моряк задумался на мгновение, потом решительно повернул назад.

– Держись за мое плечо! – велел испанец. – Господь спасет нас от смерти.

Они поплыли вместе, оглядываясь по сторонам в поисках досок или обломков мачт, но ничего не попадалось на пути.

Слабые матросы утонули, сильные – ушли вперед.

Через полчаса Христофор выбился из сил. От усталости и потери крови его трясло, грудь кровоточила. Он несколько раз срывался с плеча испанца. Тот подхватывал и удерживал его на поверхности, пока он приходил в себя после обморока. Непривычный к холодным водам Атлантики Христофор быстро замерз.

– Бросьте меня, – сказал он капитану после затяжного приступа бессилия. – Я не дотяну до берега. Мы плывем целую вечность, а он все также далек. Спасайте свою жизнь.

– Перестань, Христофор, нам осталось немного...

– Нет, – ответил приятель. – Я чувствую смерть, она пахнет солью.

– Это не смерть, это океан, – выплевывая воду, пробормотал моряк. – Посмотри, ты видишь землю?

– Я зрю Преисподнюю. В моих глазах темно.

– Не умирай, – с трудом выговаривая слова, просил испанец, – потерпи!

– Попробую, – пообещал Колombo.

Он выдержал десять минут, затем пошел ко дну. Капитан нырнул, поймал друга за волосы, вытянул на поверхность. Христофор не шевелился, однако жизнь еще теплилась в нем. Моряк был в этом уверен. Держа торговца за плечи, он лег на спину и поплыл. Утомленный испанец знал, что утонет вместе с ним, но терять ему было нечего. На суше моряка ждала виселица. Даже если португальцы выдадут плен-

ника арагонцам, те повесят его за пиратство под флагом Рене Анжуйского. Да и без неаполитанского короля на совести испанца скопилось достаточно того, что тянуло в могилу.

У итальянца началась агония, его трясло и корежило, будто некая сила неудержимо рвалась из тела. Капитан испугался, выпустил друга из рук, но сразу подхватил, не дал опуститься на дно. «Господи, спаси!» – прошептал он перекошенными губами и мысленно прочитал молитву. Христофора знобило, сознание не возвращалось к нему. Капитан почувствовал, как друг уходит в иной мир, покидает его в волнах у чужого берега.

Он держал итальянца и ждал, когда свершится этот переход, чтобы последовать за ним, избежать унижительной казни.

Судороги ослабли, на искривленном лице генуэзца показалось подобие улыбки. Он затих. Испанец прижал его к себе, словно прислушивался, затем выпустил из рук. Тело исчезло в волнах.

Капитану захотелось закричать, ударить кулаками по воде, нырнуть глубже, чтобы не сохранилось сил выбраться на поверхность. Вместо этого он «выпрыгнул» из воды и увидел над океаном огромное багровое солнце, а перед ним черные точки вражеских судов. «Не для того Всевышний спас меня от смерти, чтобы я покончил с собой!» – пронеслось в сознании моряка. Неутолимая жажда жизни пришла на смену отчаянию. Он поглядел вокруг и поплыл к берегу.

Когда стемнело, у деревни Сагриш португальские рыбаки, подбиравшие трупы и вынесенные волнами на берег вещи, выловили чуть живого обессиленного человека.

— Кто ты и откуда? — спросили они.

— Итальянец из Генуи, — выплевывая воду, пробубнил моряк, — Христофор Колумбо.

— Ты хорошо плаваешь, — удивились они. — Там есть море?

— Да, — выдохнул капитан.

* * *

«Вот еще одна версия происхождения Христофора Колумба!» — воскликнут просвещенные читатели. «Зачем она нужна? — удивленно и разочарованно пожмут плечами специалисты. — Существуют десятки гипотез, для их описания потребуется целая книга!»

Не спешите с оценкой. Давайте обратимся к документам, попробуем разобраться в фактах.

Откуда взялось утверждение, будто великий мореплаватель родился в Генуе? Кто сообщил об этом?

После смерти Колумба это сделал генуэзский банкир Антонио Галло, оставивший потомкам записки о знаменитых соотечественниках. Сторонники генуэзской версии утверждают, будто биограф дружил с отцом мореплавателя. Галло написал: «Братья Христофор и Бартоломео, лигурийцы родом, принадлежали к плебейскому сословию шерстяников.

Отец их был ткачом, сыновья – чесальщиками шерсти. Они жили торговлей». Банкир не имел доказательств тождества названных братьев со знаменитыми капитанами. Современникам следовало принять на веру утверждение итальянца, либо не согласиться с ним. Так оно и произошло. Сам Колумб не вспоминал о ткацких станках, говорил, что плавает с раннего возраста. В письме 1501 го да он сообщает корреспонденту, что отдал морю 40 лет жизни. Авторство документа не вызывает сомнений. Значит, Колумб вступил на палубу корабля десятилетним ребенком, что соответствовало практике обучения мореходному делу. Но мы вернемся к письму, в нем кроется противоречие, требующее объяснения.

Итальянцы приняли утверждение Антонио Галло, испанцы – нет. Они говорили о каталонском происхождении моряка. Соседние народы не участвовали в споре, равнодушно отнеслись к сообщению банкира. «Колумб должен быть генуэзцем!» – решили они. Почему именно генуэзцем? Потому что «большинство иностранцев, живших в Испании, были генуэзцами. Может быть, их было в стране больше, чем всех проживавших там иностранцев, вместе взятых. Король святой Фернандо, покоритель Севильи, даровал генуэзцам особые привилегии в благодарность за то, что их корабли помогли ему отвоевать этот город у мавров. Почти все иноземные купцы в Испании были генуэзцами или выдавали себя за таковых. Они вели самую доходную торговлю, они хозяйни-

чали в портах, им принадлежало множество судов, стоявших в гаванях. Успехи в Кастилии толкнули их в Португалию, где к ним в руки постепенно стала переходить вся торговля пряностями, привозимыми из Гвинеи. Эти купцы, обосновавшиеся в обоих королевствах, поддерживали и защищали друг друга, как братья по племени. Будучи генуэзцем, Кристобаль Колон мог быть уверен, что его предложения всегда выслушают, и что он всегда найдет кого-нибудь, кто облегчит ему доступ всюду, куда он захочет попасть»¹.

В то время самыми опытными моряками слыли итальянцы, как в XX веке бразильцы считались лучшими футболистами, американцы – баскетболистами, канадцы – хоккеистами. Джон Кабот, Америго Веспуччи, Жан Верразано, многие другие прославленные моряки родились в Италии. А так как на протяжении веков существовали сомнения в происхождении Колумба, ученые искали материальное доказательство этому факту. Сделать это было легко. Колумбов и Колонов в Италии столько же, сколько Голубевых и Птицыных в России.

«Colombo» по-итальянски означает птицу, ставшую символом мира. В архивах тщательно отбирали похожие фамилии, сортировали, раскладывали по полочкам. Особый интерес представляли ткачи, ведь Галло говорил о шерстяниках «lanificii». История сохранила множество генуэзских нота-

¹ Ибаньес Б. В поисках великого хана. Избр. соч.: В 3 т. Л.: Гослитиздат, 1959. Т. III. С. 51.

риальных документов, копий, черновиков. Искомое, разумеется, нашли. Так у первооткрывателя появилась родословная. Заметьте, дорогие читатели, ее создали историки. Сам мореплаватель, его братья и дети не имели к ней отношения.

Скажем сразу: документы великолепны! Пожелтевшая от столетий бумага, присыпанные песком кляксы, разноцветные печати и подписи, подпорченные мышами края. Нет сомнений в подлинности текстов. Противники генуэзской версии напрасно утверждают, будто документы поддельные. Все истинно. В 1932 году купчие, закладные, акты о рождении и смерти собрали и опубликовали в книге, переведенной на многие языки.

По документам можно представить историю семьи безвестных ткачей, в поте лица зарабатывавших на жизнь. Ее родословную проследили до 1321 года (как положено в дворянских родах), но она оказалась слишком сомнительной, и ученые ограничились февралем 1429 года – детством отца Христофора.

«Джованни де Колумбо из Маконезе, житель селения Кинто, обещал Гильельмо де Браманте, выходцу из Германии, ткачу-суконщику, здесь присутствующему, и торжественно подтвердил, что исполнит и действенным образом совершит нижеследующее: отдаст своего сына Доменико, одиннадцати лет или около того, в услуги и ученики названному Гильельмо на шесть ближайших лет, дабы тот обучил его ткацкому ремеслу».

Отсюда мы определяем, что отцу мореплавателя Доменико в 1429 году исполнилось одиннадцать лет или «около того». В 1440 году на свет появился заверенный нотариусом Джованни Рекко второй документ, из которого узнаем, что монахи генуэзского бенедиктинского монастыря святого Стефана «уступили право на аренду участка монастырской земли Доминикино Коломбо, ткачу-суконщику и не только ему, но и его наследникам от законного брака, ныне живущим и еще не рожденным. А на упомянутом участке стоит дом, расположенный в Генуе, в проулке Оливелла...». Если допустить, что речь идет в обоих документах об одном человеке (итальянцы в этом уверены), то получается, что за одиннадцать лет обучения Доменико успел получить профессию, стать самостоятельным мастером, родить от законного брака наследников.

Далее начинается путаница. В угоду следующим документам с фамилиями Колумбов, ученые «забывают» о последнем акте и в 1445 году женят Доменико на девице Сусанне Фонтанароссу. Вы спросите: «Наверное, жена и дети от первого брака несчастного ткача умерли?» Не думаю. Но если есть нотариальный акт с подробной описью недвижимого имущества из приданого невесты домовладельца и ткача Доменико Колумба, то теперь он становится будущим отцом Христофора. Отныне все, что с ним связано, приписывается мореплавателю. Одного этого факта достаточно, чтобы показать, как грубо вытесана биография Колумба, но мы про-

должим анализ документов. Пусть у капитана второй раз, в 1445 году, появится законный отец. Значит, сам он мог родиться не ранее следующего года. Получается, будто Христофор скончался в 1506 году в возрасте шестидесяти лет. А ведь его друг и исповедник, испанский священник Андрес Бернальдес уверял, что Колумбу в год смерти исполнилось семьдесят лет! Как не поверить человеку, от которого Христофор не имел секретов? Но тогда он не мог быть сыном Сусанны Фонтанароссу (в то время десятилетней девочки), и вряд ли родился от шестнадцатилетнего ученика немецкого мастера. Опять неувязка. Ну да ничего, главное – есть еще подлинные документы с фамилиями Колумбов!

В 1904 году итальянский ученый Уго Ассерето раскопал в геновском архиве бумаги нотариуса Джироламо Вентимильи. В них говорилось, что 25 августа 1479 года купец Людовико Чентурионе через своего посредника Христофора Колумба, неполных двадцати восьми лет от роду, закупил на Мадейре сахар. Отсюда мы видим, что вышеназванный Христофор Колумб родился в 1451 году. Это подтверждается другим документом, в котором говорится, что 31 октября 1470 года Христофору Колумбу, сыну Доменико, исполнилось девятнадцать лет. Нет сомнений в том, что мы имеем дело с одним человеком, родившимся между 25 августа и 31 октября 1451 года. Вот дата рождения великого мореплавателя!

– Позвольте, а как же предыдущие документы? – восклик-

нут читатели.

Черт с ними! — скажу я вам. — Кто будет их сверять?!

* * *

Дела ткача Доменико Колумба и его старшего сына не блистали успехами. Отец разорился, если бы не приданое Сусанны, владелицы трех домов, пошел бы с детьми по миру. Дома продавались, закладывались, перезаклаывались; в нотариальных конторах подшивались документы, свидетельствующие об основных событиях в жизни семьи. Это поистине бесценное наследие позволяет ученым год за годом проследить жизненный путь будущего мореплавателя. Да вот беда: точные даты и факты не облегчают, а затрудняют исследование биографии Колумба, противоречат друг другу. Рассмотрим главные из них.

Христофор рано становится опорой отцу. После захвата турками Константинополя в 1453 году резко сократились доходы генуэзских ткачей, нарушились старые торговые связи, прекратился подвоз дешевого сырья, упал спрос на итальянские ткани. Разорились многие мастера Сан-Стефанского предместья Генуи, где издавна селились суконщики и шерстяники. Среди них оказался Доменико. Чтобы прокормить семью, он занимается продажей сыров, торгует вином, арендует дома с земельными участками, сдает их в субаренду, пытается открыть таверну. Его ткацкие дела и раньше шли

из рук вон плохо. Еще до рождения сына, в 1447 году мы видим бедолагу привратником у городских ворот с жалованием семь лир в месяц, на которые можно было содержать семью.

Здесь мы опять попадаем в неловкое положение. Вы помните, как Антонио Галло утверждал, будто братья Колумбы в зрелом возрасте чесали шерсть? Как же они этому научились, если отец бросил ремесло задолго до рождения Бартоломео и до того, как первенец Христофор подрос до рабочего стола? Вы не найдете ответа на вопрос, ученые не замечают его, а беспристрастные документы говорят уже о торговцах Колумбах.

На основании бумаг мы видим, что 22 сентября 1470 года, вероятно, за долги Доменико попадает в тюрьму. Вскоре он выходит из нее и поздней осенью покидает Геную, перебирается в Савону. Кредиторы преследуют семью. В нотариальных записях последующих трех лет Христофор Колумб называется компаньоном и «содолжником» отца. В одной из них, 20 марта 1472 года он упомянут «шерстяником из Генуи». Возможно, отцу удалось приписать сына к дававшему определенные права и привилегии цеху. Последние документы о деятельности Христофора, торгующего вином в приморских городах, датированы августом 1473 года. Ему шел двадцать второй год. В конце декабря 1492 года Колумб написал в «Дневнике первого путешествия», что плавает по морям уже в течение 23 лет, то есть с 1469 года. Даты не совпадают. Впрочем, сам Христофор во многом виноват:

в 1501 году в письме королевской чете он сообщит, будто сорок лет занимается навигационным искусством. Простой подсчет укажет нам на 1461 год.

По генуэзским документам до двадцати двух лет Христофор занимался делами отца, ходил по морю в качестве пассажира, сопровождавшего грузы. А ведь Колумб говорил, будто с детства плавал по морю! Это не вяжется с тем, что мы прочитали, но закроем глаза на несуразицы. Мы привыкли к тому, что историки как бы заново всякий раз начинают или продолжают биографию Колумба.

Далее встречаем Христофора в 1472 году уже опытным капитаном в пиратской флотилии Рене Анжуйского, что совершенно не вяжется с рассмотренным выше, так как до августа следующего года он торговал вином, но соответствует утверждению самого мореплавателя, будто в 1501 году исполнилось сорокалетие его плавания по морям. Стараясь свести концы с концами, сторонники генуэзской версии говорят, что, наверное, осенью 1472 года он был еще не капитаном, а матросом. При этом ученые забывают, что «их» Колумб еще целый год будет цедить дешевое вино, считать медные деньги.

Я бы согласился с ними, если бы одна деталь косвенно не подтверждала истинность воспоминаний первооткрывателя, сохраненных его сыном: «В письме, написанном на Эспаньоле в январе месяце 1495 года и адресованном Католическим Королям (Изабелле и Фердинанду), адмирал, рассказывая об

ошибках и отклонениях, обычных при прокладке курса корабля, сообщил вот что: когда король Рене Анжуйский (ныне упокоил его Господь) отправил меня в Тунис, чтобы захватил я галеру «Фернандину», произошел такой случай, — дойдя до острова Сан-Педро, что лежит у берегов Сардинии, мы узнали, что сюда прибыли два корабля, карака и упомянутая галера. Люди мои встревожились и решили дальше не идти, а вернуться в Марсель и оттуда снова выйти в море, взяв еще одно судно и больше народа. Никаким образом я не смог сломить их волю, и, с ними якобы согласившись, переставил знаки на картушке компаса и поднял паруса (дело было к ночи), а на следующий день мы уже были у мыса Картахены, хоть все и полагали, что мы идем в Марсель»².

Фокус с картушкой компаса и двойное счисление пройденного пути, применявшиеся Колумбом в плавании к берегам Америки, доказывают, что в Тунис за «Фернандиной» ходил именно он, а не иной капитан.

Таково начало официальной биографии Колумба. Она скомпонована из биографий разных людей, имевших похожее имя и общий род деятельности. Было бы глупо искать в ней соответствие истине. Она составлена предвзято, исходит из заранее данного положения: генуэзец-ткач-мореплаватель. Все, что не соответствует схеме, отмечается в сторону или не замечается. Даже талантливые последователи итальянской версии не могут скрыть противоречий, вынуждены

² Свет Я. Колумб. М.: Молодая гвардия, 1973. С. 33–34.

признать целый ряд несоответствий.

Одно из них я привел в начале книги. Один из лучших отечественных колумбоведов, Яков Свет, сторонник генуэзской версии, пишет: «Странно, но в позднюю пору своей жизни Колумб почти никогда не писал по-итальянски. Родным языком он не пользовался, даже переписываясь с банком Сан-Джорджо и с генуэзским послом в Испании Никколо Одериго. Сохранились лишь две беглые пометки на плохом итальянском языке, обе сделаны рукой Колумба на полях любимых его книг»³. Это сказано о выпускнике Павианского университета, по словам архиепископа Лас Касаса, писавшего все «не только красиво, но и лакомо!» Здесь есть, о чем подумать исследователям великого капитана.

³ Там же. С. 25.

Глава II

Женитьба Христофора

Деревня Сагриш лежала у голого каменистого мыса. Жители с гордостью называли ее городом, расцветшим в правление наследного принца Энрике, прозванного Генрихом Мореплавателем. Со смертью инфанта в 1460 году она пришла в упадок. Моряки, картографы, астрономы, купцы, работоторговцы, корабельные мастера, прочие помощники неутомимого исследователя Атлантического океана покинули ее. Городок опустел, разрушился, потерял мировую известность. Нищие рыбаки бороздили на лодках скудные воды побережья, мечтали о богатых северных промыслах, где, по слухам, весла стояли в море от обилия трески. Раньше на площади селения звучала иностранная речь, теперь люди забыли чужие языки, с трудом понимали спасенных моряков. Память о заслугах итальянцев, пользовавшихся уважением при дворе, располагала сельчан к генуэзцам, они не выдали их властям, отпустили на свободу.

«Сеньор капитан! Вы живы!» – радостно кричали матросы с корабля испанца и не понимали, почему тот представлялся горожанам под новым именем. Впрочем, какое им дело до того, за кого он себя выдает? Значит, на это есть серьезные причины. Моряки не мешали ему, ведь капитан заботился о них, не причинял зла. Предав его, генуэзцы попа-

ли бы в опасность, ведь дела у них были общими.

Португальцы заметили, как спасенные итальянцы величают рослого молодого человека «капитаном», выделили его среди прочих и не удивлялись тому, что он свободно говорит на языке соседей. Через несколько дней генуэзцы простились с капитаном и пешком отправились в Лиссабон, где надеялись встретить корабли соотечественников, вернуться на родину. Христофор Колумб (отныне будем так называть его) не спешил последовать за ними. Матросы могли случайно проговориться, и тогда у моряка возникли бы неприятности.

Вражда двух иберийских народов имела старые корни. Она возникла задолго до войны с маврами. Все Средневековье шла реконкиста – вытеснение арабов с полуострова, и одновременно борьба Лузитании (Португалии) с Кастилией (Испанией) за независимость. В XIII веке португальцы выгнали арабов из Лузитании, но война с испанцами продолжилась. В 1385 году при Альжубарроте португальцы нанесли сокрушительное поражение кастильской коннице, остановили экспансию южан, однако стычки не прекращались, принимали серьезный характер.

Христофор гулял по поселку, выходил на пустынный берег, поднимался к замку принца Энрике, глядел на волны Атлантики. Отсюда с мыса Сан-Висенти уходили корабли на юг к Африканскому континенту и далекому северному Альбиону.

Колумб слышал о деятельности португальских первопроходцев, и вот волею случая очутился у истоков морских наук. Здесь третий сын короля Жуана I создал первую в Европе навигационную школу, собрал знаменитых капитанов и ученых. А началось все с похода на мавров.

Напротив Пиренейского (Иберийского) полуострова, в Северной Африке лежали богатые арабские города. Среди них выделялись Танжер и Сеута, в чьи гавани заходили корабли с шелками и пряностями. Закончив дома войну с маврами, португальцы перенесли ее на соседний континент. Церковь освятила борьбу с неверными, придала избиению иноверцев священный характер. Истреблять и грабить арабов считалось богоугодным делом каждого католика. Двадцатилетний Энрике, Великий магистр ордена Христа, решил возглавить Крестовый поход в Африку, изгнать мавров из прибрежных городов. В 1415 году он собрал армию и флот, взошел на палубу корабля, поплыл к Сеуте. Этот год войдет в историю как начало деятельности инфанта по освоению африканского побережья.

Сеуту окружали высокие стены, она имела подземные цистерны, фонтаны, постоянные дворы, учебные заведения. В окрестностях города утопал в обширных садах укрепленный дворец правителя. После тяжелых длительных сражений португальцы взяли Сеуту. Среди пленных оказались иностранные купцы. Любознательный Энрике велел привести торговцев, беседовал с ними. Инфанта интересовали пути,

по которым приходили в Сеуту перец, гвоздика, слоновая кость, золото, драгоценные камни, шелк, фарфор. Он узнал от капитанов, что мир велик и сказочно богат, но добыть сокровища трудно, так как дорога на Восток проходит через Средиземное море, пески Аравии, Южный океан.

– Неужели нельзя иным путем достигнуть Индии? – спросил португалец.

– Можно, – ответили ему. – Венецианец Марко Поло спустился через северные земли на юг к островам, где рождаются рубины с изумрудами, цветут благовонные деревья. Он написал книгу о путешествии.

– Принесите мне ее, и я дам вам свободу, – пообещал инфант.

– У нас нет книги, – развели руками купцы. – Она большая редкость.

– Жаль, – сказал Энрике. – Вероятно, есть другой путь на Восток?

– Говорят, будто древние египтяне плавали в Южные моря вокруг Африки, – вспомнил образованный кормчий. – Римляне последовали их примеру, но потом забыли дорогу в индийские земли.

– Я дам корабли. Кто обойдет Африку? – спросил португалец. Купцы молчали. Он посылал их на смерть.

– Вы боитесь? – догадался Энрике.

– Да, – признались моряки.

– Почему?

– Никто не опускался за мыс Бохадор. Греческий Геркулес встретил там сильные ветры со встречными течениями, воздвиг столп с надписью: «Кто проникнет за мыс, не вернется назад живым!». С тех пор ни один корабль не ходил на юг.

– Вы говорили, будто египтяне с римлянами обогнули Африку, – напомнил инфант.

– Да, они поведали такое, отчего у смертных стынет кровь в жилах.

– Я хочу все знать, – заявил Энрике и заставил пленников рассказать ему о землях и морях.

Мечта найти дорогу в Индию овладела принцем. Великий магистр ордена Христа, располагавший большими денежными средствами, в 1418 году обосновался на неудобном опаленном солнцем, продуваемом ветрами мысу Сан-Висенте, где встречал проходившие мимо корабли. Капитанов обязывали посещать властителя, рассказывать обо всем виденном и услышанном в чужих краях. За это гости получали щедрое вознаграждение. Брат инфанта привез из Италии книги Марко Поло, знаменитых географов и космографов, дорогие венецианские и генуэзские карты.

Постепенно замок в Сагрише превратился в богатую библиотеку, астрономическую обсерваторию, морской арсенал. В нем поселились специалисты различных областей наук, объединенные общей целью – узнать, что скрывается за мысом Бохадор? Они прокладывали трассы, строили корабли, совершенствовали примитивные навигационные приборы,

изобретали удобное парусное вооружение, учились сами и учили других.

Сразу после похода на мавров Энрике отправил первую экспедицию к западному берегу Африки. В 1416 году корабли вышли из Сагриша, поплыли на юг. Принц приказал капитанам в особых тетрадах отмечать пройденный путь и все интересное, замеченное в пути. Так во флоте появился судовой журнал, распространившийся по кораблям соседних стран.

Экспедиция под командованием Велью Кабрала прошла мимо Сеуты, углубилась в опасные воды, ничем не отличавшиеся от обычных морей, но вселявшие ужас в европейцев. Мыс неподалеку от 30 градуса северной широты они называли «Нон», что по-латыни значило «нет». Португальцы обогнули его и, набравшись храбрости, спустились до 29 градуса. До Канарских островов они не дошли, повернули вспять, посчитав, что для начала совершили достаточно подвигов. Им действительно пришлось бороться с ветрами и волнами, а главное – со страхом.

Первым всегда труднее вторых. Когда в 1419 году Жуан Гонсало Сарку и Триштан Тейшейра отправились к африканскому берегу, они знали, что у мыса Нон ничего с ними не случится: морские чудовища не сожрут моряков, и там нет дыры в океане. Все же кормчим пришлось натерпеться ужаса, когда сильный шторм погнал от мыса суда на северо-запад в открытый океан к окраине Земли. Уходить в ту сторо-

ну считалось опаснее, чем плыть к Бохадору. Господь спас отважных пилотов от гибели, вынес к неизвестному острову. Путешественники переждали бурю, обследовали землю, пополнили запасы питьевой воды, вернулись в Сагриш. На следующий год они возвратились к острову, названному Порту-Санту, и случайно заметили на юго-востоке черную точку. Подплыв к ней, португальцы увидели поросший деревьями остров, коему дали имя Мадейра, что значит «лесистый».

После этих открытий Энрике пятнадцать лет ежегодно посылал экспедиции на запад и на юг, но они по разным причинам не имели успеха. Только в 1432 году Велью Кабрал, первым спустившийся за мыс Нон, совершил поистине подвиг. Он отбросил сомнения и страхи, поплыл прямо на запад от Сагриша, но снесенный течением на север, напротив Лиссабона наткнулся на остров Санта-Мария. Чтобы понять значение поступка капитана, следует учесть психологию современников. Так далеко от материка еще никто добровольно не ходил. Большинство людей считали, будто там заканчивается сфера Земли, то есть вообще ничего нет. Правда, уже говорили о шарообразности планеты. Инфант не сомневался в прозрении ученых, хотел доказать истинность революционной мысли. Ему приходилось бороться с невежеством и суеверием своих лучших помощников, боявшихся плыть к Бохадору.

– Вам не грозят опасности, о которых вы говорите, – сказал Энрике капитанам после тщетных двенадцатилетних по-

пыткок спуститься от мыса Нон на десять градусов к югу. — Я удивлен вашему мнению, основанному на недостоверных слухах. Если бы они заслуживали хоть малейшего доверия, я бы не осуждал вас. Отправляйтесь туда и не тревожьтесь. Плывите так далеко, как сможете, тогда с Божьей милостью обретете славу и выгоду!

— Дующие в тропических широтах с севера на юг пассаты не позволят за мысом Бохадор вернуться в Португалию. Кормчим придется идти против ветра, — возразили ему.

— Мы построим корабли, способные ходить круто к ветру, — пообещал правитель и велел ученым с мастерами разработать новый тип судна, пригодный для исследования побережья, способный плавать по мелководью среди мелей и рифов.

Прошло еще несколько лет, прежде чем Жил Эаниш после третьей попытки (!) в 1434 году прошел мимо ужасного мыса, расположенного в двухстах километрах южнее Канарских островов. Когда капитан вернулся на родину, соотечественники сравнивали его поступок с подвигами Геракла. Они были правы. Эаниш сломал представление о пространстве. Мир оказался безграничным. Там, где древние мыслители предсказывали людям смерть, лежат то же море и та же земля. Если это так, а Жил Эаниш сие доказал, надо исследовать их. Свой беспримерный поход он совершил на барке, простой легкой лодке с прямым парусом на мачте, с при-

митивным дощатым полом, брезентовым укрытием для моряков. Барка первопроходца или «баринель», как ее называли на юге Мавритании, где она имела распространение, была восьми метров длиной и тридцати бочек водоизмещения, что соответствовало приблизительно восьми тоннам.

В те годы величина торгового судна определялась количеством бочек вина, которое могло вместить. Бочки были разного размера. Постепенно их объем достиг тысячи литров. Такие бочки стали единицей измерения в кораблестроении. Первоначально слово «тонна» означало бочку с вином.

Вслед за Эанишем в 1435 году уходит Балдая, спускается до Северного тропика, а в следующем году закрепляет успех в устье Рио-де-Оро.

Корабелы принца Энрике выполнили заказ, построили новое судно. «Каравелла де дескобрир» (каравелла для открытий) появилась в том же году. Слово «каравелла» произошло от названия малого узкого португальского судна, используемого на севере страны прибрежными жителями бассейна реки Дору. Это уменьшительное производное от арабского обозначения более тяжелого судна «караво» с треугольными парусами у мусульман Египта и стран Средиземноморья.

Кораблестроители Сагриша усовершенствовали родную каравеллу, внесли в нее элементы «караво». Судно стало шире, устойчивее на волне, достигло пятнадцати метров в длину, обрело две мачты, закрытую палубу с приподнятым сре-

занным мостиком, косые (треугольные) латинские паруса, позволявшие ходить в лавировку при встречных ветрах, легкие орудия. По сравнению с баркой Эаниша, водоизмещение каравеллы увеличилось в два раза. Подводная часть корабля походила на тело водоплавающих птиц. Это наводит на мысль, что мастера знали строение китайских джонок. Такие суда не сбиваются с курса, хорошо выдерживают удары волн о корму. В 1441 году по пути Балдая чуть мористее к Рио-де-Оро отправляется Антан Гонсалвиш. Там в районе Западной Сахары пленные мавры платили выкуп золотым песком. В 1444 году Нуньо Триштан доходит до 15 градуса северной широты, привозит из устья реки Сенегал десять чернокожих рабов. Невольников продают на рынке по высокой цене. С тех пор экспедиции в Африку начинают приносить прибыль. Чтобы обеспечить моряков свежим мясом, инфант велел капитанам завезти на необитаемые острова в Атлантике полезных животных. Первый опыт, сделанный двадцать лет назад, закончился неудачей. Кролики сбежали на Порту-Санту и чуть не уничтожили всю растительность. В дальнейшем португальцы осторожнее «заселяли» острова.

Принц Энрике не был филантропом. Затеяв освоение африканского берега ради денег, властитель обрадовался малому барышу, одобрил работорговлю, вытребовал себя пятую часть доходов, а заодно такую же долю во всех прибылях заморских экспедиций. Инфант отправил рабов в церковь Лагоса, где их крестили. Один африканец стал францисканцем.

Хотя рабов заставляли работать, они жили на свободе, женились на португалках. Черные женщины тоже вышли замуж за белых мужчин. В стране зародилась характерная только для Португалии традиция смешанных браков, придавшая прочность колониальной империи.

С этого года целые флотилии снаряжаются в Африку за рабами, золотом, слоновой костью, ценными породами деревьев. Лучшие кормчие и капитаны ведут корабли на юг в поисках оконечности материка, стремятся добраться до желанной Индии.

В 1445 году Диниш Диаш на двухмачтовой каравелле обогнал Зеленый Мыс, исследует часть побережья Гвинейского залива. В следующем году открыты Азорские острова.

Не успели каравеллы Диаша скрыться на горизонте, как следом за ними под португальским флагом устремляется венецианец Альвизе да Кадамосто, входит в устье Гамбии. Через год он натывается на группу островов Зеленого Мыса.

Энрике чувствовал приближение старости, торопил моряков, хотел перед смертью получить известие о достижении крайней южной точки Африки. А она, как назло, с каждой экспедицией уходила к экватору. «За экватором нет земли, – картографы успокаивали инфанта. – Наши капитаны обойдут с юга непокорный материк». Уже готовилась флотилия с приказом – во что бы то ни стало достичь экватора! Но неожиданная смерть Энрике в 1460 году приостановила поиски.

Незадолго до кончины принц послал к берегам Гамбии каравеллу со священником на борту. Африканский царек выразил желание принять Бога христиан. Энрике с радостью откликнулся на просьбу окрестить на континенте тысячи черных душ. Это явилось последним богоугодным делом инфанта, прожившим жизнь с французским девизом – «Талант делать добро». Энрике умер от лихорадки, завещал часть своего имущества капитанам для географических открытий.

В 1461 году Синтра спускается на десять градусов ниже Кадамосто к Перцовому берегу, но не дотягивает до экватора, возвращается назад. Солнце жжет палубу, портится питьевая вода, люди изнывают под палящими лучами, падают замертво от тепловых ударов. Кажется, нельзя человеку идти дальше на юг, Господь или Сатана (кто их разберет!) заживо сожгут моряков. Просвещенный правитель умер, на свет выползли старые бредни. Наследники не хотят кидать деньги на ветер, стремятся извлечь из открытых земель максимум прибыли. Продвижение на юг замедлилось.

На исследование Африки инфант брал деньги в долг у монахов и евреев. С его смертью иссяк благотворительный источник для регулярных походов на юг. Только в 1469 году нашелся человек, пожелавший финансировать экспедиции в Африку. Лиссабонский купец Фернан Гомеш предложил королю Жуану II ежегодно снаряжать за свой счет корабли и продавать казне всю добытую слоновую кость. За это он просил выплатить ему пятьсот дукатов, предоставить монопо-

лию в торговле с Гвинеей. Монарх согласился. Гомеш обещал ему ежегодно исследовать по сто миль неизвестных берегов.

Девять лет отделяют экспедицию Синтры от следующего похода. В 1470 году Кошта спешит к Перцовому берегу, салютует последнему путевому кресту предшественника, плывет на юго-восток. Наконец, (о счастье!) берег поворачивает к северу. Неужели достигнута крайняя точка материка? Правы ли ученые, утверждавшие, будто путь в Индию лежит у экватора? Кошта плывет несколько дней, берег по-прежнему изгибается на северо-восток. Окрыленный удачей капитан поворачивает корабли, торопится с известием в столицу.

Немедленно за Коштой в 1471 году в Индию отправляются Ишкулар и Сантарен. Пилоты поднимаются на север вдоль Золотого берега, однако на следующий год у Камеруна упираются в землю, прямо спускавшуюся на юг. Сомнений нет: дорога на Восток закрыта. С неприятным открытием моряки возвращаются к королю.

Жуан II не желает слушать капитанов, велит Гонсалвишу проверить утверждение Ишкулара и Сантарена. В 1473 году капитан пересекает экватор и у мыса Лопес поворачивает назад. Предшественники не обманули, Африка посмеялась над португальцами. В 1475 году Секейрос проникает на два градуса за экватор, но там все то же самое. Есть от чего прийти в отчаяние!

«Если Африка продолжается за экватором, то на юге ле-

жит огромная земля, как на севере, – высказывают предположение сторонники симметрии материков, – тогда попытки обойти ее вокруг становятся химерой!» Это подтверждает крупнейший античный ученый Клавдий Птолемей, первым изобразивший Землю в виде проекции шара на плоскость. Он жил во II в. н. э., считал, будто Ливия (Африка) вытянута до Южного полюса и соединена с юго-восточной Азией, отчего Индийский океан получился замкнутым морем.

*Португальское море – горячая соль,
Наши слезы и горе, португальская боль!
Сколько слез ты украло из глаз матерей,
Сколько спит в глубине твоих сыновей,
Сколько милых невест не пошло под венец,
Чтобы стало ты, море, своим, наконец!*

Ф. Пессоа

* * *

В конце августа 1476 года Христофор из приютившего его городка уехал в столицу Португалии. Лиссабонский период в жизни капитана загадочен и противоречив, как генуэзская молодость. Я не ставлю перед собой задачу разобраться во всех хитросплетениях судьбы великого мореплавателя, изложу лишь различные взгляды на события.

Колумб жил в Лиссабоне. Португальские исследователи

«перешерстили» всех генуэзцев, проживавших в семидесятые годы пятнадцатого века в столице. Таких иностранцев набралось двадцать пять человек. Можно скептически относиться к трудолюбию ученых, если бы они не сделали интересные открытия. Оказывается, среди набранных генуэзцев проживал представитель торгового дома «Чентурионе и Негро» Лодовико Чентурионе, свойственник погибшего у мыса Сан-Висенти капитана «Бекаллы» Никколо Спинолы. С ним был тесно связан Марко Ломеллини, глава маленькой колонии, богатый торговец, хорошо известный купцам и банкирам. Будет естественным предположить, что именно к ним обратился за помощью несчастный капитан без гроша в кармане. Они снабдили его всем необходимым.

Далее четкую жизненную линию Христофора запутали несколько обстоятельств. Первое из них утверждает, будто среди генуэзцев находился родной брат мореплавателя. Бартоломео Колумб занимался торговлей книг и географических карт. Поэтому ученые сделали Христофора тоже продавцом доходного товара.

– Минуточку! – задержат ход моих мыслей внимательные читатели. – В начале книги вы написали, что Бартоломео был на десять лет моложе старшего брата. Как же пятнадцатилетний чесальщик шерсти мог иметь собственное дело в столице Португалии?»

– Чего вы придираетесь? – отвечу я вам. – Если ученые не замечают этого, то какое вам дело до книготорговца?

Впрочем, некоторые заметили. Разгорелся спор.

Агустино Джустиниане утверждал: Бартоломео переехал в Лиссабон до прибытия туда старшего брата, открыл печатню, обучил Христофора космографии, после чего тот стал его компаньоном. Вот загнул!

Незаконный сын Колумба Фернандо возмутился утверждением Джустиниани, но не отверг и лишь поправил, будто старший брат учил младшего, а не наоборот. Следует заметить, что это не соответствует приведенным генуэзским нотариальным документам.

Весьма оригинально вышли из положения авторы книги «Их позвал горизонт» Ю. А. Сенкевич и А. В. Шумилов, поменявшие местами братьев Колумбов. «Колумб поселился в Лиссабоне у своего старшего (!) брата Бартоломе (Варфоломея), который работал в мастерской, где изготавливались морские карты, – пишут они. – Здесь часто собирались старые португальские капитаны – капитаны принца Энрике. Они рассказывали об огненных потоках, изливающихся в море с Колесницы Богов, о волосатых людях-гориллах, о Земле Брендана, об острове Антилия, о таинственных землях в Атлантическом океане, которые мы называем мифическими, но в которые тогда верили»⁴. К сожалению, авторы не указали источник своего замечательного открытия.

Пытаясь разрешить возникшее противоречие, некоторые специалисты отвергли итальянское происхождение морепла-

⁴ Сенкевич Ю. А. Шумилов А. В. Их позвал горизонт. М: Мысль, 1987. С 7.

вателя, заговорили об испанских или португальских корнях рода Колумба. «Генуэзцам можно искать у себя родственников Колумба, а почему нам нельзя?!» – говорили они.

Чтобы доводы выглядели убедительнее, они нашли ку-чи Колонов в соседних странах. Серьезную идею опошил сам «первооткрыватель» галисийской родословной капита-на. Тщательно про веденная экспертиза признала документы фальшивками. А жаль. Разразившийся скандал с подделкой старинных подлинных документов закрыл поиски в этом на-правлении.

«Ладно, – согласились испанцы, – пусть пятнадцатилет-ний отрок владеет домом с печатной мастерской и учит нави-гации опытного капитана. Это мелочи, по сравнению с дру-гими несоответствиями».

Оставим братьев в покое и посмотрим, что произошло в Лиссабоне после поражения генуэзцев у мыса Сан-Висенте.

Не успел Христофор на деньги покровителей сшить пла-тье, как часть биографов захотела женить его. Разумное же-лание! Бродит по свету рослый красавец с удлиненным ли-цом и прекрасными манерами (хотел бы я знать, откуда они появились у ткача и пирата?), а подруги рядом нет. Серо-го-лубые глаза моряка, орлиный нос, белая чистая кожа, выю-щиеся золотистые волосы, рыжеватая борода, приятный го-лос сводят женщин с ума. «Тороватый на выдумку» молодой человек – прекрасный собеседник, истинный христианин. Последнее обстоятельство способствовало выбору невесты.

В Лиссабоне имелся прообраз Института благородных девиц (подобный русскому Смольному, открытому Екатериной II) – доминиканский монастырь Сантуш, где представительницы богатых семейств учились грамоте, Закону Божьему, послушанию, целомудрию. От девушек не требовали пострига, они могли вернуться в мир. «Затворницы» носили подчеркивающее красоту девичьих тел строгое монашеское платье, молились с прихожанами. Среди них воспитывалась Фелипа Мониз де Перестрелло из знаменитого рода сподвижников Энрике Мореплавателя и его преемников. Отец девицы Бартоломео де Перестрелло, после открытия острова Порту-Санту в тридцати милях к северо-востоку от Мадейры, стал губернатором новой земли, тридцать семь лет (с коротким перерывом) управлял важнейшим стратегическим форпостом Португалии. После смерти мужа, мать Фелипы за 300 тыс. реалов продала наследную должность родственнику. В 1473 году ее сын, названный в честь отца, Бартоломео выкупил губернаторство назад. По материнской линии Фелипа была внучкой прославленного капитана Жилия Мониша, молочного брата принца Энрике. Семья Перестрелло имела на Порту-Санту богатые земли, дома, долю доходов с острова. Родственники девушки занимали высокие посты на Мадейре, в Лиссабоне.

Христофор зачастил в монастырь. Монашки-наставницы благосклонно смотрели на встречи молодых людей. Воспитание в монастыре обязательно заканчивалось выходом замуж.

Именно для этого благородные семьи привозили в Сантуш малолетних дочерей, где они выбирали себе знатных мужей.

Какая женщина устоит, когда златокудрый «Адонис» щебечет на ушко слова любви? Сердце Фелипы растаяло, как воск. К сожалению, годы не сохранили портрета португалки. Можно лишь надеяться, что она не походила на Бабу-ягу, хотя некоторые историки утверждают, будто со стороны Колумба это был брак по расчету. Понравиться монашке-затворнице еще не значило обрести руку девушки, приданое, доступ ко двору. Следовало убедить семью, что родство с капитаном не уронит ее достоинства. В конце XV века титулы и должности значили больше личности жениха.

Что мог противопоставить роду первопроходцев, друзей правителя страны, бездомный моряк?

«За ним стояли генуэзские банкиры», – утверждают сторонники итальянского происхождения Колумба.

Для будущей ткачихи этого бы хватило, но не для совладелицы острова Порту-Санту, внучке молочного брата принца Энрике. Почему же семья Перестрелло выдала Фелипу замуж за Колумба?

«Он соблазнил девушку. Мать с братом были вынуждены это сделать!» – скажет избалованный приключенческими романами читатель.

Ошибаетесь! Не было побега из монастыря, взмыленных вороных лошадей, звона мечей, окровавленного плаща. Не было ничего примечательного, что объяснило бы согласие

родственников. Но имелась маленькая частица «де» в документах Колумба. Исследователи не обратили на нее внимания. В те времена она обозначала не только дворянское звание, но и происхождение простолюдинов из определенного города или села. Видимо в ней кроется ответ на вопрос.

Не успел Христофор насладиться прелестями жены, как его отправляют на север. Морское сражение, поездка в Лиссабон, торговля картами, знакомство и женитьба на Фелипе заняли четыре месяца. Лихо закручено! Меня бы за уши не оттащили от молодой жены и ее поместий, а Колумб без выгоды для себя отправляется в поход за тридевять земель. Стремительное развитие событий давно вызывает у исследователей недоумение и получает удивительные ответы.

О новом плавании капитана надо сказать особо.

* * *

«В феврале 1477 года я проплыл сто лиг (более 600 км) за Тиле, южная часть которого отстоит от экватора не на 63 градуса, как кое-кто считает, а на 73 градуса и находится не по эту сторону меридиана, откуда, как говорит Птолемей, начинается Запад, а много западнее, – написал Христофор в “Мемории”, посвященной критическому обзору античных и средневековых теорий земных поясов. – Остров велик, как Англия, англичане приходят к нему с товарами, особенно люди из Бристоля. Когда я там был, море не замерзало, в

некоторых местах поднималось дважды в день на 25 брасов (42 м)».

«Мемория» не дошла до нас. Приведенный отрывок сохранился в изложении Фернандо Колона, написавшего об отце биографическую книгу «Жизнь адмирала». Упоминание о северном путешествии великого мореплавателя вызывало сомнения у современников. Дело в том, что приливы и отливы у берегов Исландии, названной Птолемеем островом Тиле, в три раза меньше, а море на севере от нее посредине зимы покрывается льдом. Там расположен остров Ян-Майен. Птолемей считал Исландию самой северной землей, правильно помещал ее на шестьдесят третьем градусе. Вероятно, если бы Христофор достиг Ян-Майена, то обязательно сообщил бы о нем. Возможно, в «Мемории» подробно рассказано об острове, но теперь мы не узнаем этого. Больше Колумб не упоминал о северном плавании, не говорил о вывезенных с берегов Исландии впечатлениях, не отправлял писем бристольским капитанам и кормчим, словно забыл о том, как совершил беспрецедентный переход среди льдов до широты Ян-Майена.

Друзья мореплавателя привыкли к невероятным вымыслам знаменитых кормчих, якобы видевших сказочные чудеса. Преувеличить пройденный путь, поразить воображение обывателей пережитыми ужасами, выдумать фантастическое путешествие считалось обычным делом. Ученые до сих пор не могут определить, сколько плаваний к далеким

берегам совершили те или иные капитаны, участвовали ли в них на самом деле. Многие посчитали замечание Колумба о посещении Тиле вымыслом, навеянным полемикой о сущности земных поясов, то есть климатических зон. Нашлись люди, поверившие ему, постаравшиеся обосновать реальность совершенного путешествия. Их доводы представляются убедительными.

В середине декабря 1476 года в Лиссабон пришли генуэзские корабли под предводительством Джованни Антонио Негро, вырвавшегося из окружения у мыса Сан-Висенти. Направляясь в Англию по торговым делам, он заглянул в столицу забрать на борт спасшихся моряков, пополнить запасы продовольствия. Логично предположить, что Антонио Негро и его брат Паоло, представитель торгового дома Чентурионе, которому добросовестно служил Колумб, предложили молодому капитану принять участие в экспедиции. Христофор согласился в начале января следующего года отплыть с генуэзцами к туманному, сырому, грязному Альбиону.

Далее можно только догадываться, как в короткий срок Христофор очутился далеко от конечной цели братьев Негро. Бесспорно одно: итальянские корабли не поднимались до широты Исландии. Если Колумб достиг 63 градуса, то в составе иной флотилии. Тут историки опять подтасовывают факты.

Исландия принадлежала Дании, запрещавшей иностран-

ным судам приближаться к ее берегам. Втайне от хозяев бристольтские купцы изредка торговали с северной землей. Генуэзские корабли пришли в Бристоль в начале февраля. Можно допустить, что Колумб пересел на отправлявшееся к околополярным водам английское судно, но в действительности бристольтские купцы вряд ли бы взяли с собой южанина, не имевшего опыта плаваний во льдах. Англичане и датчане держали в тайне пути в Исландию. Зачем им конкуренты? Вызывает сомнение и то, как Христофор умудрился в середине месяца очутиться за сотни миль «по ту сторону острова»? Вывод напрашивается сам собой: Колумб не плавал с англичанами в Исландию. Если он не ходил на север с братьями Негро и бристольтскими купцами, то с кем?

Вопреки здравому смыслу, ученые продолжали искать Христофору попутчиков. В те годы редко зимой совершались экспедиции к полярным водам, о них имелись записи, ходили слухи. В английских архивах нет упоминаний о кораблях, рискнувших в то время штурмовать полярные воды. Никто из англичан не обмолвился об аналогичном проекте и участия в нем Колумба. А вот у датчан нечто похожее произошло. Датский король Христиан I между 1473 и 1476 годами послал капитанов Пининга и Потхорста в Гренландию. Забыв о том, что экспедиция вернулась из плавания задолго до того, как Христофор оказался в Англии, исследователи принялись искать Колумба в ее составе. Имени великого мореплавателя в списках команд не нашли, зато обнаружили

Иоанна, или Яна Скольна (Скольпа), ходившего в Гренландию главным кормчим. Его загадочное происхождение (то ли датчанин, то ли норвежец, то ли поляк из города Кольно) привело ученых к мысли, будто под этим именем скрывался Христофор. На протяжении столетий из книги в книгу пошло утверждение, что первооткрыватель Нового Света под именем Яна Скольна, переименованного в Хуана, плавал в Исландию. Нашлись люди, объявившие Колумба поляком, назвавшие экспедицию Пининга и Потхорста датско-польской.

История показала, что главный пилот кораблей Христиана I не имел отношения к польскому городу Кольно. Видимо, он родился в Норвегии.

В завершение удивительных перевоплощений будущего адмирала выскажу свое мнение: Христофор Колумб (он же – Федя Колов) был первым русским мореплавателем!

О том свидетельствует его фамилия. Колов в России видимо-невидимо. Вспомните фольклор: «Жил был царь, у царя был двор, на дворе был кол...» Россия в конце XV века не имела выходов к морям, Феде было негде плавать, а бояре шибко лютовали. Вот и надумал Федя бежать к полякам. Там он затосковал по своей исторической родине, захотел вернуться домой северным морским путем. Под видом Яна Скольна Федя нанялся к датчанам, но дальше Гренландии не прошел. Вернувшись из плавания, он с ужасом вспоминал северную экспедицию и с тех пор решил приплыть в Рос-

сию южным путем вокруг земли. Датчане не одобрили идею, там находилась зона господства Испании и Португалии. Пришлось Феде Колову стать Христофором Колумбом, искать счастье на чужбине. Ну, чем не «научная» гипотеза, подстать предыдущим? Есть обоснования происхождения фамилии, творческих замыслов и прочего. Я надеюсь, вы понимаете, что это шутка.

– «Минуточку! – воскликнет внимательный человек. – Сначала вы сказали, будто в феврале море на севере за Исландией замерзает, а потом серьезно рассуждали о том, мог ли Колумб доплыть до острова и в какой экспедиции. Зачем это? По льду путешествуют на собаках, а не на деревянных судах!»

Вы правы. Глупо говорить о плаваниях, когда вокруг лежат ледяные торосы. Да дело в том, что зима 1476–77 года выдалась на редкость теплой, как в 1921–22 году, когда парусники свободно доходили до широты Ян-Майдена. Это установил известный канадский полярный исследователь Вильямур Стефансен, изучивший работы ученых прошлого столетия. Колумб мог плавать в тех водах. Его ошибка в описании величины разницы между приливами и отливами имеет простое объяснение. Непривычное явление сильно поразило средиземноморского моряка, и он невольно увеличил количество брасов. Теперь думайте и гадайте: видел ли Колумб берега Исландии?

Полтора месяца потребовалось Христофору, чтобы из

Лиссабона через Англию достичь широты Ян-Майдена. Стремительный бросок по зимнему штормовому морю объясняется желанием историков подогнать друг к другу две известные даты: время выхода из столицы генуэзских судов братьев Негро и указанный Колумбом в «Мемории» месяц посещения Исландии. Почему-то никому в голову не пришла мысль, что одна дата может быть неточной. Возвращение капитана домой заняло значительно больше времени. Во второй половине 1477 года он приплыл в Лиссабон, где провел с женой около года до следующего путешествия, навязанного ему итальянскими историками. Чтобы разобраться в неприятном случае, нужно вернуться к генуэзским нотариальным документам Джироламо Вентимильи.

В июле 1478 года торговый дом Чентурионе поручил лиссабонскому агенту Паоло Негро закупить на Мадейре сахар. Остров являлся основным поставщиком сахара для Западной Европы. Знаменитая генуэзская фирма покупала и продавала товары целыми кораблями. Паоло Негро получил задание отправить в Италию три судна сахара. Два из них должны были сопровождать факторы господина Негро, для третьего он пригласил Колумба. На Мадейре жили родственники жены Христофора, занимавшие в столице острова Фуншале важные посты. Вероятно, поэтому генуэзец заранее зафрахтовал Колумбу на Мадейре судно для доставки сахара в Лиссабон, дал денег в десять раз меньше стоимости товара, надеясь, что Христофор легко оформит сделки в кредит.

Колумб выплыл на остров, собрал нужное количество сахара, привез в гавань Фуншалы, где выяснилось, что капитан корабля нарушил соглашение, потребовал наличные деньги за перевозку товара в Португалию. Христофор обратился за помощью к Паоло Негро, тот отказал ему. Время шло, сахар портился, Колумб не мог отправить его хозяевам. Такова официальная версия произошедшего недоразумения, вынудившего Христофора судиться со своим покровителем.

Здесь мы вновь сталкиваемся с непонятным поведением капитана. Он не жалуется богатым и влиятельным родственникам, с которыми будет поддерживать хорошие отношения, уговаривает владельца судна перевезти сахар в Лиссабон, ругается с представителями фирмы, ведет себя подобно мелкому торговцу, а не зятю сподвижника правителя Португалии. Создается впечатление, будто обманутый фактор и муж Фелипы – разные люди. Разорившийся Колумб отправляется на суд с Паоло Негро не в Фуншалу или Лиссабон, а в Геную, где выигрывает процесс и возвращает утраченные деньги. Об этом 25 августа 1479 года нотариус Вентимилья сделал соответствующую запись. На следующий день, не поговотив у отца, Колумб спешит в Португалию.

Закончился «генуэзский» период в жизни Христофора, прекратилось сотрудничество с братьями Негро. Далее мы не будем отвлекаться на итальянские документы, решать сложные головоломки. Отпустим капитана домой, позволим ему жить с женой и годовалым сыном Диего, как он захочет, а

не по указке ученых, стремившихся доказать тождество моряка с безвестным ткачом.

Глава III

План похода на запад

Если Мадейра – сахарная плантация Западной Европы, то случайно открытый шестьдесят лет назад Жуаном Саркой и Триштаном Тейшейрой остров Порту-Санту – запасная база на пути в Лиссабон. Он находится в пятидесяти километрах к северо-востоку от Мадейры.

«Из морской синевы выплывает навстречу кораблям верблюжий силуэт этого двугорбого островка. Он чуть больше ленинградского Васильевского острова, очень горист, берега его истерзаны морем, и только на юге миль на шесть вдоль побережья тянется широкая полоса золотых песков, и в тихой бухте этого пляжа ютится островная столица, городок Порту-Санту – Святая гавань. Можно обойти его за пять минут. Особого смысла, правда, в этом не было: кроме складов, корчмы и маленькой церквушки, никаких достопримечательностей в Святой гавани не имелось.

Резиденция его светлости, капитана-донатория Бартоломео Перестрелло 11, – приземистый белый дом со стенами крепостной толщины стоял на пыльной площади, украшенной покосившимся позорным столбом»⁵.

Осенью 1479 года семья Колумба прибыла на Порту-Сан-

⁵ Свет Я. Колумб. М.: Молодая гвардия, 1973. С 60.

ту. После напряженной жизни в столице остров порастил капитана уютом и тишиной. Христофор гулял с женой и маленьким сыном в окрестностях городка, спускался к морю. Диего рос на руках отца, тянулся к нему. Счастливые родители слушали лепет младенца, его ровное дыхание во сне. Вечерами после церковной службы семья собиралась в зале «дворца», как любовно называли просторный дом, возведенный по плану отца Фелипы. Преемник первого губернатора острова переделал неказистый особняк, украсил лепными украшениями, огородил пристройками, но в целом дворец остался творением друга Энрике Мореплавателя. Вернувшиеся домой мать с сыном воссоздали прежнее убранство внутренних покоев, сохранили традиции отца. Одной из них была глубокая религиозность, тщательное исполнение обрядов католической Церкви. Мы не знаем, где и как воспитывался Христофор, но в этом он явился сторонником тещи, ее помощником и частым собеседником. Молодой капитан в совершенстве знал Библию, искренне верил в Бога. Когда в Италии начинался Ренессанс, и просвещенные люди критически исследовали церковные писания, Колумб воспринимал в них каждую букву, видел в словах магический смысл, считал святотатством посягательство на Библию.

Разговоры о Боге, праведной жизни, воздаянии за гробом сблизили Христофора с матерью жены; страстное влечение к морю подружило с братом Фелипы. Бартоломео не был капитаном, редко ступал на палубу корабля, однако имел в ду-

ше страсть отца к путешествиям и удивительным приключениям. Во дворце хранился большой семейный архив – летопись освоения португальцами Атлантического океана. Долгими теплыми вечерами разговоры о Боге прерывались новостями с африканского побережья, рассказами зашедших на остров моряков. Капитаны и кормчие обязательно посещали гостеприимный дом губернатора Порту-Санту.

В один из вечеров в зале дворца принимали капитана, возвращавшегося с Азорских островов.

– Когда мы заходили на Файял (Флорес), мне довелось увидеть лодку «морских людей», – рассказывал средних лет загорелый мужчина, удобно расположившийся в старом кожаном кресле за прямоугольным столом, покрытым белой скатертью. Перед ним стоял бокал с розовым вином. – Никто не знает, где они живут. Одни говорят, будто лодки приносят с запада, другие утверждают, – с юга. В это трудно поверить. В Атлантическом океане нет островов, и туземцы Африки не имеют похожих судов. Лодки «морских людей» изготовлены весьма искусно, оборудованы шалашом и балансиром, благодаря которому не переворачиваются на волне. Иногда в них находят необычные предметы, неведомые растения. Однажды после шторма на берег выбросило лодку с двумя высохшими трупами. Я не видел их, но слышал от стариков, что «морские люди» не похожи на европейцев или туземцев. У них красноватая кожа, широкие круглые лица, густые черные прямые волосы.

– Четыре года назад Секейрос спустился на два градуса за экватор – срезая холеными руками кожуру с яблока, вспомнил полный Бартоломео. – Дальше его никто не ходил. Я встречался с капитаном в Лиссабоне в арсенале Рибейры Новы. Сикейрос не говорил о «морских людях». Земли за экватором показались ему необитаемыми.

– Я слышал о том, – согласился гость. – Секейрос не углублялся в леса, не искал аборигенов.

– Живущие далеко от побережья люди не строят лодок, – заметил Христофор, внимательно слушавший португальца.

– Они селятся по берегам рек, впадающих в океан, – возразил Бартоломео.

– Тогда лодки «морских людей» появлялись бы неподалеку от устьев, а не на широте Азорских островов, – пояснил Колумб.

– Вы правы, – кивнул капитан.

– Ты полагаешь, их приносит с запада? – удивился хозяин дома. – Океан исследован на 450 лиг (2700 км), но земли не нашли!

– Морское течение пригнало на Порту-Санту гигантские стебли. Между их соузлиями свободно помещались три винные бутылки, – вспомнила донья Изабелла, мать Бартоломео. – Неужели ты забыл, как я водила тебя смотреть на траву? – спросила она сына.

– Припоминаю... – признался губернатор. – Это случилось после смерти отца, когда Акунья правил островом.

– Незадолго до того, как мы уехали в Лиссабон, – уточнила сеньора Перестрелло.

– Но ведь никто не доказал, что они приплыли с запада! – не сдавался Бартоломео.

– Муж рассказывал, как моряки у Азорских островов в пору сильных ветров встречали огромные мертвые сосны, – добавила донья Изабелла. – Наверное, в океане есть земля, с которой волны приносят деревья и лодки «морских людей», – решила она.

– Предположение доньи Изабеллы не лишено основания, – поддержал тещу Христофор. – Если на севере Европы за морями лежат острова, то почему им не быть на западе? Вы слышали о путешествиях викингов?

– Нет, – ответил капитан.

– Я расскажу вам о них, – предложил Колумб. – В десятом веке в северных морях господствовали скандинавы. Они строили для военных набегов «драккары» – многовесельные беспалубные лодки, оснащенные прямоугольными парусами; использовали для торговли крупные округлые «кнорры». По вечерам викинги причаливали к берегу, выходили на сушу, спали у костров. Иногда ночевали в лодках, собравшись в центре под парусиной, чтобы сохранить тепло. Они питались ячменем, овсом, горохом, пшеницей, соленым оленьим мясом, говядиной, вяленой рыбой. Предохранялись от корбута (цинги) квашеной капустой, луком, яблоками, сушеными фруктами, кислой брусникой, клюквой. Пили воду и пи-

во. Викинги не знали навигационных приборов, плавали по звездам, как финикийцы. В Англии им не показывали «соларстейн» – солнечный камень, с помощью которого кормчие в тумане определяли положение солнца. Камень привозили из Исландии (кристалл полевого шпата или кордиерита, обладавшего магнитными свойствами), укрепляли на деревянном основании. В непогоду «соларстейн» светился со стороны солнца. Говорят, будто Исландию открыли норвежцы, но это не так. Приплыв на остров, они обнаружили ирландских монахов-отшельников, поселившихся на нем в начале девятого века. Используя течения и устойчивые попутные ветры, викинги отправились далее завоевывать северную Атлантику.

– Как они плавали без компаса? – заинтересовался капитан.

– Скандинавы использовали птиц, – пояснил Колумб. – На драккарах везли клетки с воронами. Потеряв направление, кормчие выпускали птицу. Если суша находилась далеко, ворон возвращался в лодку, а если рядом – улетал к берегу. Викинги спешили за ним. Ворон – тяжелая земная птица, летит медленно, хорошо виден в голубом небе. Моряки верили, будто Боги наделили воронов разумом. В конце десятого века викинги открыли ряд островов, приплыли в страну дикого винограда – Винландию. Сейчас люди не помнят, где она находится. Англичане считают, что Винландия лежит на западе от Исландии.

– Какие острова посетили скандинавы?

– Это неизвестно, – разочаровал слушателей Колумб.

– В океане есть обитаемые земли, – заявила довольная донья Изабелла. – Ветер и волны приносят от них различные предметы, а вы ищите краснокожих туземцев на юге Африки.

– Возможно, вы правы, – уступил гость.

* * *

Следует сделать пояснения к рассказу Колумба о викингах. Вероятно, он услышал о них в северном плавании с братьями Негро. За половину тысячелетия европейцы забыли о героических походах скандинавов, «открывших» Исландию, высадившихся в Гренландии. Блуждая в тумане у берегов Исландии, вождь Гунбьорн Кракасон случайно наткнулся на нее. Дома он поведал о земле другу Эйрику. В 982 году Эйрик Торвальдсон Рауди, что значит – Эйрик, сын Торвальда, по прозвищу Рыжий, с четырьмя десятками товарищей высадился в Гренландии и прожил три года у поросших густой травой высоких скал. Это было вынужденным изгнанием. Эйрик родился в норвежском селении Эдхаре (Йерн), унаследовал от отца буйный, вспыльчивый характер. За неоправданное убийство их обоих выгнали из Норвегии. Они бежали в Исландию, где не прижились, поссорились с коренными жителями, вернулись домой и вновь за убийство

попали под суд старейшин, после чего отправились искать пристанища на незнакомых землях. Волею судьбы Эйрик Торвальдсон оказался в Гренландии.

Остров понравился викингам, они вернулись в Исландию и организовали вторую экспедицию из 25 кораблей. Шторм разбросал лодки отважных мореходов, в Гренландию приплыли 14 судов. В 986 году основатель второго поселения Бьорн Херьолсфсон с несколькими драккарами поплыл на запад, прошел вдоль неизвестного лесистого побережья. Ученые предполагают, что это были Баффинова земля и Лабрадор. Суда Бьорна благополучно вернулись в Гренландию. Сыновья Эйрика Лейф и Торвальд решили закрепить успех предшественников. В 1001 году они спустились значительно южнее кораблей Бьорна, основали поселок «Хижины Лейфа». Эту более теплую богатую землю, населенную аборигенами, они называли Винландом.

Ученые искали загадочную страну дикого винограда на Ньюфаундленде и американском континенте. Во второй половине XX столетия в Северной Америке обнаружили неопровержимые доказательства посещения ее викингami. Одновременно археологи нашли в гренландских селениях скандинавов вывезенные с материка предметы американских индейцев, кусочки минералов. Девятое октября в США объявлено Днем Лейфа Эриксона, открывателя Америки.

В Винландии моряки организовали меновую торговлю с индейцами, не знавшими техники обработки металлов. Это

позволило гостям перезимовать на новом месте. К весне отношения между пришельцами и аборигенами испортились, викинги покинули колонию в Северной Америке. В Гренландии они прожили многие годы. Задолго до Колумба из-за голода, болезней, холодов скандинавы вернулись на родину.

Викинги делали корпуса кораблей из гибких планок, уложенных наподобие черепицы от киля до поручней и прикрепленных друг к другу бронзовыми гвоздями. Получалась довольно эластичная конструкция, вибрировавшая на волнах и не распадавшаяся на части. Она была отлично приспособлена к зыби Атлантики. Дубовые шпангоуты придавали прочность конструкции. На них вместо палубы укладывали настил из сосновых досок толщиной в два-три сантиметра, служивший дополнительной связью для бортов. Средину настила делали съемной для вычерпывания попавшей внутрь воды. В центре драккара на массивном основании крепилась мачта, опускавшаяся при шторме в особое углубление. Каждое судно имело до тридцати весел разной длины. Они помещались внутри корпуса в «гребных люках», сделанных в бортовой обшивке. Лопасть весла вставлялась в круглые отверстия со скошенными краями. При плавании под парусом «гребные люки» закрывали снаружи затычками, маленькими откидными щитками. При таких уключинах сидения (банки) для гребцов располагались ниже, чем на греко-римских галерах. Это давало остойчивость судну, защищало моряков от волн, копий, стрел врагов. Над «гребными

люками» поднимался надводный борт в полметра высотой. Для надежности его закрывали боевыми щитами, используемыми на суше.

Парус драккаров изготавливали из кожи или льняного полотна с грубой шерстяной тканевой подкладкой и подвешивали на поперечном рее. Управляли судами кормовыми веслами с широкими лопастями. В 1968 году Тур Хейердал на папирусной лодке «Ра» пересек Атлантику и остался доволен конструкцией подобных «рулей».

Мог ли открытый драккар пересечь Атлантический океан? На этот вопрос ответила группа энтузиастов. Она отрезавирровала подлинную лодку и в 1893 году за двадцать дней переплыла океан.

Кнорры имели приземистый пузатый корпус с высокими бортами. В чреве судов помещались семьи, скот, запас продовольствия.

«С давних времен Северная Атлантика была самым грозным океаном на Земле, – замечает французский исследователь Жорж Блон. – Там, скрытые в тумане, скользили к югу предательские айсберги, отколовшиеся от ледяных берегов. Снежные шквалы замораживали моряков на их утлых суденышках. Нескончаемая зима, словно мрачная ночь светопреставления, вынуждала прекращать всякое плавание. Высокие, как горы, волны мертвой зыби катились одна за другой на тысячи километров.

Однако на этом бесконечном водном пространстве приро-

да как будто пожелала поставить вехи. Направляясь с востока на запад, викинги встречали на своем пути сперва островную цепь, протянувшуюся от Норвегии и Великобритании, потом в северо-западном направлении острова, разделенные бескрайней пустыней океана: Фарерские, Исландию, Гренландию. И наконец, где-то совсем за тридцать земель от родных краев Ньюфаундленд, предвестник Нового Света. На самом деле все эти затерянные среди океана крупные острова не были полностью разобщены, так как многочисленные морские течения связывали их в некотором роде друг с другом. И поэтому можно говорить о существовании как бы естественного пути через океан. Викинги дали ему поэтическое название «Дорога лебедей», то ли имея в виду белых морских птиц, то ли белизну айсбергов».⁶

За 400 лет люди забыли о посещении скандинавами Гренландии и Америки, «открыли» их второй раз.

Принято считать, будто компас изобрели в Азии в конце первого тысячелетия новой эры. В конце XII века английский монах Александр Некхем описал китайскую магнитную стрелку в банке с водой, указывающую направление на север. В 1218 году епископ Жан де Ветри вторично сообщил европейцам о неизвестном навигационном приборе. Средиземноморские капитаны распространили компас вдоль побережья материка. На основании последних исследований,

⁶ Блон Ж. Великий час океанов /Пер. с фр. А. М. Григорьева. М.: Славянка, 1993. Т. I. С. 30–31.

можно утверждать, что это произошло раньше на тысячу лет. В середине III века европейские кормчие знали о поведении намагниченной иглы. Вероятно, викинги в дальних путешествиях пользовались компасом. Возвращаясь из походов, они не блуждали в морях, шли точно по пройденному пути. Знаний звездного неба здесь было недостаточно. Существует утверждение о приоритете изобретения компаса скандинавами⁷.

* * *

В Порту-Санту Колумб познакомился с архивом семьи Перестрелло. Раньше он слышал об освоении португальцами Атлантического океана, Африканского побережья, близлежащих островов. Теперь Христофор получил возможность проследить шаг за шагом продвижение европейцев на юг. Находясь на посту губернатора острова, отец Фелипы, дядя и брат, подробно описали знаменательные события прожитых лет. В сундуках хранились карты, лоции, письма капитанов и кормчих, докладывавших о ветрах, течениях, береговой линии южного материка. Эти сведения представляли для Колумба большой интерес, ведь он (по утверждению итальянцев) плавал по Средиземному морю да изредка заходил за Геркулесовы столпы.

⁷ Парэр Ф. Открытие Америки. М.: Олма-Пресс, 1999. С. 25.

Среди документов попадались сообщения о странных находках, вызывавших удивление у современников. Волны приносили куски дерева, обработанные древними каменными инструментами, инкрустированные перламутровыми раковинами с цветными камешками. Рыбаки находили обломки необычных судов. Уважаемые капитаны видели в море острова, но не смогли подойти к ним из-за встречных ветров. И конечно, в архиве скопились многолетние наблюдения за погодой в различные месяцы года, сообщения о благоприятных днях, путях в океане. Пилоты поведали о звездном небе у экватора, купцы – о ценах на рабов, красном и черном дереве, о пряностях, птицах, зверях южного континента. Христофор подолгу сидел в низком кабинете дворца над пожелтевшими бумагами, выписывал, запоминал, сопоставлял линии побережья, готовился к плаваниям по Атлантическому океану. А когда закрыл последнюю страничку дневников, отправился с семьей на Мадейру погостить к родственникам жены, продолжить изучение архивов. Сопроводительные письма тещи и Бартоломео открыли перед ним двери хранилищ. Всюду Колумбу оказывали хороший прием, помогали разобраться в старинных свитках.

Христофору не требовалось особой помощи от родственников, он свободно владел испанским и португальским языками, знал латынь, читал по-итальянски. Именно на этих языках были написаны документы семьи Перестрелло. Родственники заметили завидное усердие мужа Фелипы, пред-

ставили его ко двору, выхлопотали разрешение заниматься в секретных лиссабонских архивах, в которых лежали все сведения о португальских открытиях. Хочется заметить, что совершенно невозможно предположить, будто за короткий срок гемуэзский ткач выучил в совершенстве несколько языков и получил доступ в святая святых государственного тайника.

Наследство жены позволяло Колумбу жить безбедно, навещать на правах родственника Порту-Санту и Мадейру. На Мадейре в Фуншале молодая семья снимала дом на улице Эсмеральдо, сохранившийся до 1877 года. Деньги быстро таяли, Христофору пришлось подумать о дополнительном заработке. Он возит сахар в столицу Португалии. Исследователи упорно твердят о том, будто Христофор с младшим братом продают книги и географические карты, но это не так. Книжной торговлей Колумб займется в Испании, а пока совершенствует познания в морском деле, плавает на португальских кораблях.

Выгодные поставки сахара с Мадейры в Европу не могли соперничать с прибылью от торговли африканскими товарами. Христофор уходит к берегам южного континента. Кем он плавал на кораблях? Вероятно, кормчим или фактором, представителем богатых купцов и судовладельцев. Заморские вояжи не обогатили Колумба, но дали большой жизненный опыт. Христофор на практике применял знания, полученные из семейных архивов, приобретал навыки судовож-

дения. Западные африканские берега изобилуют рифами и отмелями, опыт каботажного плавания Колумб сохранит на всю жизнь.

Пока Христофор спорил с производителями сахара, ловил парусами незнакомые ветры, король Жуан XI (1481–1495) после длительного перерыва подготовил экспедицию в Экваториальную Африку под руководством Дього де Азамбужа. В 1482 году корабли отправились в Гвинею, чтобы на Золотом берегу, где обнаружили крупные месторождения золота, основать опорную базу для последующих экспедиций к южной оконечности Черного материка. С Азамбужем плыли молодые капитаны Дього Кан, Бартоломеу Диаш, Христофор Колумб. Ученым давно хотелось свести трех великих мореходов в одну команду, что, разумеется, вызывало возражения. Участие в плавании Кана не подвергается сомнениям. Имя Диаша встречается в документе, освобождавшим его от уплаты пошлины за слоновую кость, привезенную с берегов Гвинеи, а Колумб не раз в зрелые годы вспоминал путешествие. Христофор одним из первых посетил Сан-Жоржи-да-Мина⁸. Летом Азамбуж прибыл к месту назначения, укрепил гавань. Для добычи золота требовались рабы. Командующий посылал корабли на юг для охоты за людьми. Из Лиссабона флотилии везли в южный форпост государства оборудование, предметы потребления.

В том году Дього Кан вышел из гавани Мины, обогнул

⁸ Рудник святого Георгия, сокращенно называвшийся Мина, или Эльмина.

мыс Лопес, проплыл вдоль берега к юго-востоку семьсот километров, завершил открытие Гвинейского залива. Вода в заливе по цвету отличалась от океанской, казалась опресненной, что свидетельствовало о наличии устья крупной реки. Кан правильно сделал вывод и нашел Конго. У шестого градуса южной широты капитан воздвиг падран – каменный столб с гербом Португалии, на котором выбивали имена королей и мореплавателей с датой открытия земли. Кан назвал широкий водный поток «рекой Падран». Это название сохранилось за южным мысом в устье Конго.

На берегу реки Кан встретил туземцев, не понимавших языка гвинейских переводчиков. Местные жители принадлежали к распространенной в Экваториальной и Южной Африке группе банту. Между португальцами и аборигенами завязалась взаимовыгодная меновая торговля. Хозяева знаками объяснили гостям, что на реке расположено сильное государство Конго. Позже название страны перешло на реку. Кан послал лодку вверх по течению к правителю для заключения мирного соглашения. Вскоре шлюпка вернулась с подарками. Кан продолжил плавание на юг вдоль континента. У тринадцатого градуса южной широты на побережье Анголы он водрузил второй падран и возвратился в Сан-Жоржи-да-Мина, а затем в Лиссабон.

Португальский период в жизни Колумба явился самым счастливым и плодотворным. Молодой капитан любил жену, с радостью воспитывал маленького сына, много читал в пе-

перывах между походами. Столкнувшись с необходимостью знать космографию, геометрию, арифметику для прокладки курса корабля и определения места в океане, самостоятельно изучил университетские науки в той мере, как требовалось в практических целях. Христофор штудировал книги по географии, приходит к мысли о поиске западного пути в Индию задолго до того, как португальские корабли достигнут южной оконечности Африки.

Века сохранили любимые книги Колумба. Мы видим, как он постигал премудрость знаменитых ученых, читал интересные воспоминания прославленных путешественников. Поля книг испещрены пометками, критическими замечаниями, сопоставлениями, смелыми предположениями. На первое место среди книг нужно поставить приобретенный в начале восьмидесятых годов «Образ мира» («Imago Mundi») французского кардинала Пьера де Айи. В то время Христофор знакомился с португальскими архивами, совершал плаванья по Атлантическому океану. «Образ мира» – любимая книга мореплавателя, не расстававшегося с ней до смерти.

tiffimū by qui nulli tribuntur? ē illos infule ydoletur sit
 et oēs mude abstant mares et semine f quilibz veretudo
 opit pāno vno nullū blaū dū excepto rilo Larnib? et
 foet lacte vitūi babūoancū dūi semini solūmō de quib?
 oēis facit bñi viricos meliores mūiōi qui ibi crescūt. Et
 nū ecū dūi de arborib? de quib? oēis sup in regno fama-
 ra. In hac insula lapides pcciosi lucuūi qui dicitur Rubini
 qui regionib? aliqñs inueniūt vel bñi. Et dūi enī ecū
 saphiri et topaci et amantē ibi sunt multig aliū lapides p-
 ciosi. Rex bñno misle habet pūbriox rubini qui vñs
 fuit vñs in hoc mūdo habet enim vñs palme longitudi-
 ne et ad mensurā gressūi bñchi bñs. Et si in splēno
 sup modū omni macula carens adeo et ignis eroens vide-
 aris esse dūi? kaam L. ubi nūcio suo oēit et ad
 illū rogans vt pcciatū lapidē illi donaret et ipse donaret et
 velox vñs ciuitatis. Quā rñio et lapidē ille fūqz erat aū
 cessorū nulli cū vñs homini daret. Dūi infule bois bel-
 licosi non sunt sed valde viles. Quando autē bella cū ali-
 bus habent de alienis gētibz stipendiarios vocant et spe-
 cialiter farracenos.

De regno maabar Capitūlū xxiij.
 Extra insula seylā ad miliaria xliiū maabar qz ma-
 bar in insula nūcipat. Ad autē insula terra firma. In
 hac pūcia quibz reges sūt. Pūcia ecū nobilitat et dicit
 fima sup modū. In pmo bñi pūcia et rex dē Bede-
 ba quo regio sūt margarite copia maxia. In mari enī dūi
 pūcia ē maria brachiū seu finis infē firma terra et insula
 qz vbi nō est aqua pūciois vñs decem vel duodeci
 passus et alibi vñs duos. In inueniūt margarite sup
 oēis dēccatores enī dūi fūctates solūi facit et
 bñi mares magnos et quos boīqz cōducunt qui deorsū
 dūi ad pūmō aquarū et capiunt cōcūla in quibus sunt

margarite. Quā autē bñ piscatores sustinere nō pūi ascen-
 dunt rursūqz descendūt in mare et sic pagat tota die. Sūt
 aut in finis illo maris pūcia ita grandes qui occiderēt vel-
 cendentes in mare sed per negociatores hoc modo silū pū-
 cio pūdetur cōducunt negociatores magos quosdā qui
 dūiūt L. bñ pūcia qui cū incācōmibus suis et arte dy-
 abolica cogunt et stupefaciūt pūcia illos ita vt nemine
 possint locere. Et quia bñiūmōi pūcia de bñe nō de
 nocte sūt magi illos de die incācōmibus faciunt quos sero p-
 nocte dissoluūt. L. inueniūt enim quā furtim sine negociato-
 rū licētia mare descendat et accipiat margaritas. Furēs
 nū incēntes in mare ascendere nō attemptant nec aliqz
 alius inueniūt qui sciat bñiūmōi incācōmibus facere
 nisi illi abrayania quā negociatorib? sūt cōducti. Idē at
 pūcia in mari sūt pccū mensem apertis vñs ad mediū mē-
 sis may et tūc de margaritis illis bētur innumera multitu-
 do quā negociatores postmodū dissoluūt pccūem. De
 gociatores aut qui banc pūcacionē faciūt et emittit a rege
 de omnibus margaritis solūmō decima pccō soluit. In-
 cautores aut qui stupefaciūt dant de omnibus vñs
 fima pccū pūcioibz ecū optime pūdetur. Al medio
 vero may vñs nō rēpūnt ibidē sed in loco alio qui ab
 isto pccūmiliaria distat dūiūt margarite in mari pccūm
 mētem septēbris vñs ad mediū mensem octobris. Tunc
 bñiūm pūcia pūcia omni tempore nobis inceptū pūcio
 tū vno veretudo opit. Rex ecū bñis regni nobis vñs
 vt aliū sed ad collū deserit toqz arēā lapidis imarū
 et rubine aliqz pccūoissimū lapidibz vñs pccūo
 qz toqz ecū maximi pccūi supra modū. Similiter ecū ad
 collū eius torba de serico pendet in qua sūt centū et fūct
 lapides pccūoissimū margarite videlicet gressūi fine et rubini
 Oporet enim cū singulis vñs centū et quatuor gressū
 dūiūt de mane ad deorsū locum reservet et de sero

in inueniūt mar-
 garite supra ma-
 bar. L. dūiūt
 as
 nūcio mag

i q tūc pūcia
 pūcia

dūiūt
 talis pūcia

sed quā autē
 lapidibz pccūoissimū

pūcia / 10 q / may
 pūcia

«Le Livre des Merveilles», Марко Поло. С заметками и зарисовками Колумба на полях XV век

Пьер де Аيي умер за тридцать лет до рождения Колумба. Он закончил книгу в 1410 году. За семьдесят лет она не утратила значения. Многолетний труд кардинала представлял развернутый комментарий к трактатам греческих, римских, арабских, западноевропейских географов, соединял различные представления о форме Земли, ее размерах, климатических поясах, протяженности суши и моря, а также всего, о чем поведальники исследователи планеты на протяжении полутора тысяч лет. Пьер де Аيي добросовестно собрал противоречивые сведения, ничего не прибавил и не убавил, из-

ложил с подробными объяснениями. Он создал популярный фундаментальный теоретический труд, лишенный забавных описаний путешествий в дальние страны.

Читая и перечитывая «Образ мира», Христофор постигал основы географии, знакомился с трудами великих ученых. Для него это была чрезвычайно полезная и удобная книга, соединившая мудрость поколений. Колумб сделал сотни пометок на полях фолианта де Айи. В книге содержится 898 маргиналий – кратких рукописных замечаний, большинство из которых принадлежит будущему первооткрывателю. Колумбоведы пронумеровали маргиналии, расшифровали, часто цитируют, обосновывая замыслы мореплавателя. «Образ мира» вдохновил Христофора найти западный путь к богатым азиатским странам. Колумб узнал о них из рукописного текста венецианского купца Марко Поло, называвшегося «Книга о разнообразии мира», или «Книга Марко Поло». В 1485 году Христофору удалось приобрести латинское издание «Книги» (так чаще говорили о ней), когда уже знал в ней каждую строчку. В печатном тексте содержится свыше трех сот маргиналий Колумба. Он выписал распространенные на Востоке товары, цены на пряности, размеры государств, расстояния между ними.

Марко Поло перевернул представления европейцев о Земле и народах. Люди узнали, что мир бесконечно велик и разнообразен, что средневековое суждение о планете не соответствует истине, что везде обитают неведомые племена и

диковинные звери, что язычники образованы и богаты, имеют развитые ремесла, письменность, религии, талантливых ученых и мыслителей, что Бог создал единый мир с тысячами дорог, сотнями рек, десятками морей, по которым можно ездить и плавать, как рядом с домом. Правда, для желающих отправиться в страну Великого хана или за благовониями Аравии возникло препятствие – мусульманские войска, не пускавшие на свою территорию христиан, но оставались моря, следовало найти удобный водный путь в обход арабов и турок.

Колумб тщательно подсчитывает градусы протяженности Китая и Японии, складывает, вычитает из общей суммы, определяет, сколько лиг на западе отделяют Португалию от вожаделенных земель.

Под статью «Книге» Марко Поло краткая географическая энциклопедия «Historia Rerum Gestarum» Энея Сальвиния Пикколомини, человека новой формации, сына Возрождения, достигшего с помощью ума и таланта папского престола. Сальвиний использовал сведения старых и новых путешественников, уделил внимание описанию стран и народов. Его книга для Колумба имела такое же значение, как «Образ мира» кардинала де Айи. Энциклопедия содержит 861 пометку, что красноречиво свидетельствует о роли Сальвиния в формировании мировоззрения мореплавателя. Колумб пользовался венецианским изданием 1477 года. Христофор знал латинский перевод Птолемея, «Естественную

историю» Плиния Старшего, другие книги. Историкам известно 2 125 пометок Колумба на полях книг.

* * *

Где и когда родился замысел Христофора пересечь Атлантический океан? В Португалии в период запоздалого ученичества, работы над книгами. Идея была не нова. В IV в. до н. э. греческий философ, ученый-энциклопедист Аристотель исследовал затмения луны и по тени на ее поверхности доказал шарообразность Земли. С тех пор на протяжении столетий одни ученые соглашались с ним, другие спорили. Аристотель создал систему мироздания, утверждал, будто наша планета висит в пустоте. Внутри нее находится ад. Через полторы тысячи лет Данте в «Божественной комедии» поделит его на девять кругов. Вселенная, состоящая из расположенных друг над другом сфер, окружает населенный людьми и животными гигантский шар. Членение неба на девять ярусов позволяет многочисленным светилам вращаться по своим траекториям. На последнем небе имеется божественный машинный зал с «перводвигателем», приводящим в движение сложную конструкцию.

Развитие христианской схоластики привело к необходимости использовать какую-нибудь систему строения мира. Выбор ранних богословов пал на философию Аристотеля, подкупившего Церковь учением о бессмертии души. Вос-

питателя Александра Македонского объявили предвозвестником Иисуса Христа, а его «перводвигатель Вселенной» назвали Богом. На протяжении последующего тысячелетия философия Аристотеля успешно служила нуждам Церкви. В XIII веке по предложению Альберта Великого и Фомы Аквинского ее канонизировали. Христианская Церковь за 250 лет до Колумба признала идеи шарообразности Земли и единого Мирового океана! Эти чрезвычайно важные предположения Аристотеля долго и с большим трудом пробивали себе дорогу в общественном сознании. К концу XV века они считались бесспорными. Только в Московском государстве, подверженном влиянию Византийской Церкви, сохранялось средневековое представление отдельных византийских ученых о плоской поверхности Земли, которое мало повлияло на просвещенных греков. В советской литературе традиционно существовало мнение, будто отдельные ученые заговорили о шарообразности Земли во времена Колумба. Это грубое заблуждение. Купцы и капитаны знали, что по суше или по морю можно добраться до любой точки земного шара. Для современников адмирала это была аксиома. Вопросы лежали в иной плоскости: как далеко расположены друг от друга земли, какие препятствия лежат на пути первопроходцев? Географы Западной Европы знали, что за Атлантическим океаном находится Индия с Японией, но никто не отваживался рискнуть жизнью, доплыть до них из Генуи или Лиссабона. До тех пор, пока сохранялись старые пути на

Восток через Средиземное море, Аравию, индийское побережье, торговцев устраивало существующее положение дел. Венецианцы и генуэзцы занимали прочные позиции в торговле азиатскими товарами, служили посредниками для всей Европы. Экспансия турок и арабов привела к тому, что европейцы потеряли дороги на Восток. Падение Константинополя в 1453 году лишило христиан возможности свободно плавать по Средиземному морю. Мусульманские корабли отрезали европейцев от лакомого пирога, вплотную подошли к Италии.

Первым новую дорогу в Индию и на острова Пряностей стал искать принц Энрике. Теоретический вопрос о величине Мирового океана перешел в практическую область. Им заинтересовались капитаны, уходившие на юг Африки или мечтавшие пересечь Атлантику. Никто не знал расстояния до богатых земель, называемых Индиями. В их состав входили: Индия, Бирма, Китай, Япония, Эфиопия (!), Молуккские острова. Поэтому Колумб пытался определить протяженность морей, разделявших материки.

О возможности кругосветных путешествий говорил современник Аристотеля, свидетель завоевательных походов Александра Македонского, греческий ученый Эратосфен. Он отрицал достоверность географических сведений Гомера, основывался на рассказах солдат прославленного полководца. Эратосфен первым произвел измерения окружности

земного шара. Она составила 252 тыс. стадий⁹.

Ученые древности полагали, будто на Земле существует единая суша в виде материка Евразии с прилегающей к нему маленькой Африкой и омывающий их со всех сторон единый океан. Отсюда они выдвинули предположение о равной протяженности земли и океана. Эту точку зрения чуть позже разделял основатель геоцентрической системы мира, Птолемей.

Следовательно, из 360 градусов земной окружности 180 приходятся на Евразию и 180 на моря и океаны. Оставалось определить длину земного градуса, чтобы смело отправиться в поход. Более двух тысяч лет назад Эратосфен взял за основу меридиан Асуана, подсчитал расстояние между градусами. Полученная цифра составила 700 стадий, или 110,25 км. Она соответствует действительному градусному расстоянию на экваторе. На широте Канарских островов оно меньше – 98,365 км.

Географам последующих веков не понравилась теория равенства суши и воды. Они значительно сократили протяженность морей, получили иные цифры. Урезать океан можно было лишь за счет увеличения континентов, так как общее количество градусов должно соответствовать – 360. В 1 в. н. э. Марин Тирский выделил на сушу 225, на море – 135 градусов. Христофор воспользовался его вычислениями. Мы проследим определение протяженности мирового океана по

⁹ 1 стадий – 177 м.

подсчетам Якова Света:

«Колумба эта величина не устраивала (имеется в виду число морских градусов Марина Тирского). Даже приняв в основу расчета соображения Марина Тирского, он для $2/5$ земной окружности должен был бы получить в этом случае весьма солидную цифру. В самом деле: $135 \times 98,365 = 13\,216$ километров¹⁰.

И автор проекта плавания в Азию западным путем решил сократить это расстояние. Колумбу было известно, что длину градуса определяли и после Эратосфена. Он знал, что такими изысканиями занимался, в частности, среднеазиатский географ IX века Ахмед ибн Муххамед ибн Касир ал-Фаргани (ал-Хорезми), которого в Европе называли Альфарганом.

Альфарган в 827 году, по поручению халифа Мамуна, проверил расчеты греков и нашел, что на меридиане города Ракки, расположенного в верховьях Евфрата, длина градуса равна $56 \frac{2}{3}$ милям. Арабская миля соответствует 1973 метрам, и, следовательно, в альфаргановском градусе было 111,767 километра. Но Колумб заменил арабские мили итальянскими. В одной итальянской миле всего-навсего 1480 метров. После такой операции длина градуса сразу же сократилась на 25 процентов, а протяженность ста тридцати пяти градусного океана соответственно уменьшилась:

$$56\frac{2}{3} \times 1480 \text{ м} \times 135 = 11\,322 \text{ км.}$$

Много!!! И эту цифру следовало урезать. Вносятся даль-

¹⁰ Свет Я. использует длину градуса на широте Канарских островов.

нейшие поправки. Марин Тирский жил в те времена, когда восточная оконечность Азии была римлянам и грекам неведома. Азия кончалась где-то за Золотым Херсонесом – современным Малаккским полуостровом. Но Марко Поло побывал за этой гранью, в Китае, и кое-что разузнал о стране Сипанго, или Чипангу – Японии. Стало быть, рассуждал Колумб, суша вмещает в себя не 225, а куда больше градусов. И к цифре Марина Тирского он добавил еще 58 градусов: 28 – на Китай и 30 – на Японию.

Теперь на долю Океана осталось всего лишь 77 градусов. Но открытое и неведомое море начиналось только за Канарскими островами, самые же западные из них отстояли в 9–10 градусах к западу от Лиссабона; стало быть, с урезанной величины в 77 градусов можно было сбросить еще 9 градусов. Осталось 68 градусов. Вот и все. Получена истинная дистанция, отделяющая Канарские острова от Сипанго-Япии:

$$68 \times 56\frac{2}{3} \times 1480 \text{ м} = 5703 \text{ км.}$$

Фактически же канарский остров Ферро (Йерро) лежит на 18 градусах западной долготы, а Токио на 139 градусе и 47 минутах восточной долготы. И расстояние между ними (если преодолевать его с востока на запад) не 68, а 202 градуса и 13 минут, длина же градусного расстояния на 28 градусе северной широты составляет 98,365 километра.

$$202 \text{ градуса и } 13 \text{ минут} \times 98,365 = 19042 \text{ км.}^{11}$$

¹¹ Свет Я. Колумб. М.: Молодая гвардия, 1973. С. 66–67.

Такова истинная протяженность водного пути от Канарских островов до Японии. Она в три раза больше, чем ожидал Колумб.

* * *

По подсчетам Христофора расстояние от Канарских островов до Японии составляет 5 703 километров. Из них надо вычесть 2 700 километров (600 лиг), известные капитанам на западе от материка. Остается 3 000 километров или 500 лиг. Пустяк! При свежем попутном ветре – десять дней пути. Как же доказать истинность произведенных вычислений?

Традиция средневековых диспутов основывалась на глубоком знании работ предшественников. Новая научная теория не принималась университетскими мужами и Церковью, если не подкреплялась цитатами из Священного Писания, ссылками на античные и средневековые авторитеты. На худой конец, хватало мнения уважаемых современников, прославившихся познаниями в определенных областях. К кому обратиться за помощью, на кого сослаться в неизбежном споре? Колумб вспомнил об итальянском ученом Паоло Тосканелли, чье письмо королю Афонсу V (Альфонсу Португальскому) он видел в секретных архивах.

Предшественник Жуана XI, после безуспешных экспедиций в южном направлении, по совету друзей, обратил вни-

мание на запад, надумал достичь заветной цели иным путем. Для этого у него имелись серьезные причины.

В Испании и Португалии верили в существование посреди Атлантики высокоразвитой страны Антилии. При нашествии мавров на Иберийский полуостров в 711 году семеро епископов якобы уплыли в Антилию, создали на острове государство. За семь веков оно достигло сказочного благополучия, скопило несметные богатства и сейчас готово торговать с соседями, но забыло дорогу на континент.

Северные народы слышали об Антилии. Помимо нее они хотели найти в теплых краях «большой остров Бразилию» и землю Святого Брендана. В возрасте семидесяти лет ирландский священник Брендан услышал глас Господень, пославший его по ту сторону океана в неведомую страну проповедовать свет христианской веры. Брендан рассказал братьям-монахам о Божественном откровении, они решили помочь ему в великом служении. Ирландцы построили из бычьих кож, натянутых на деревянный каркас, «курраф» и отправились в девятилетнее плавание по северным водам Атлантики. Об их героическом подвиге на хрупком суденышке, из-за прорыва кожи встречными льдами способного в любой момент пойти ко дну, до нас дошло более 120 вариантов рукописи «Плавания Святого Брендана». Три из них относятся к началу XI века. Ученые полагают, что оригинал предания восходит к VI–VII векам. Вероятно, Брендан явился собирательным образом ирландских мореплавателей, по-

добным греческому Одиссею или арабскому Синдбаду-мореходу. Некоторые исследователи считают монаха историческим лицом, прожившим почти сто лет (487–577), основавшим несколько монастырей, в том числе – в Клонферте, поэтому его часто называют Брендан из Клонферта. Оставляя в стороне божественные или фантастические эпизоды плавания, нужно признать весьма реалистическими упоминания ряда островов – Фарерских, Оркнейских, Шетландских, Азорских, Исландии. Команда средневекового куррафа, пропитанного для герметичности тюленьим жиром, не сгинула безвестно в бурных водах, благополучно вернулась на родину. После смерти Брендана Церковь причислила его к лику святых. Рассказы монахов об увиденных землях и островах волновали воображение мореходов, но никому не удалось достигнуть «Острова с говорящими птицами», «Острова водопадов», «Острова винограда», удивительно похожего на густо заросшие дикими ягодами земли у восточного побережья Северной Америки.

В 1454 году Дьюгу ди Тейве в поисках легендарной Антилии, называемой «Островом семи городов», отправился на запад в неведомые дали Атлантического океана и наткнулся на сушу, которую по всем правилам нанес на карту. Сопровождавший судно нотариус закрепил по закону за капитаном права собственности на открытые острова. С тех пор заокеанские земли никто не видел, координаты оказались неточными, острова исчезли. Через двадцать лет Афонсу V, с со-

гласия сына мореплавателя, подарил их Фернану Теллишу.

По другой версии, Генрих Мореплаватель отправил Дюгу де Тейве разыскать Бразилию. «Он поплыл на запад-юго-запад до Саргассова моря, затем повернул на север и открыл два самых западных острова из группы Азорских островов, в то время еще неизвестных португальцам. Продолжая плыть на север, в поисках Бразила, он достиг широты южной Ирландии. Позднее он говорил, что был убежден в том, что где-то рядом находится еще неоткрытая земля»¹².

В последующие годы португальцы предпринимали робкие попытки пересечь океан, найти богатую Антилию, но успеха не имели. Команды судов боялись уходить далеко от материка, возвращались в столицу по любому поводу, будь то налетевший шторм или поломка кораблей.

В 1460 году Жуан Ваз Кортиерал совершил длительное плавание по северной части Атлантического океана, открыл большую землю, названную Баккалос (Тресковая земля). Документы плавания не сохранились. Ученые отождествляют Баккалос с Ньюфаундлендом. Португальцам не удалось закрепить за собой северную часть Атлантики. Следующая удачная экспедиция в том направлении состоится через сорок лет. Ее совершат летом 1500 года сыновья Кортиерала.

¹² Рамсей Р. Открытия, которых никогда не было. М.: Прогресс, 1977. С. 70.

Генрих Мореплаватель. Монета, отчеканенная к 500-летию его смерти. 1960 год

В 1472 году Жуан Ваз Кортериал далеко от Европы нашел другую землю. Он не знал, была ли она островами Дьюгу ди Тейве, частью иного архипелага или материка. Это была настоящая твердая земля, с горами, лесами, животными, пти-

цами, а не мифическая Антилия. Десятки моряков видели ее, ходили по ней, пили воду из источников, собирали дикие фрукты. В 1474 году капитан получил за открытие пост губернатора города Ангры на азорском острове Тейшейра. Документы экспедиции объявили сверхсекретными, участникам плавания строгойше запретили говорить о походе. У сподвижников короля возникло мнение, будто Кортериалу удалось достичь восточной оконечности Азии, но до Японии, вероятно, еще далеко.

Желая развеять сомнения, узнать истинный путь в азиатские страны, Афонсу V через каноника Фернана Мартинша Рориза, приятеля Тосканелли, обратился к ученому с вопросом: каковы кратчайшие пути в Гвинею¹³?

Паоло дель Поццо Тосканелли родился во Флоренции в 1397 году на Пьяцца де Сан-Феличе, у старого колодца («поццо»), откуда произошла часть его имени. С детских лет ребенок блистал удивительными способностями: рано научился читать и писать, в юном возрасте закончил Болонский, Падуанский, Павийский университеты. Математика, астрономия, космография – любимые науки Тосканелли, заменяли ему семью. Ради них он не хотел жениться, обременять себя воспитанием детей. Паоло прожил жизнь анахоретом, посвящал досуг и деньги единственной страсти – стремлению к познанию окружающего мира. Он собрал большую библиотеку с ценными рукописями, знал на-

¹³ В XV веке европейцы помещали ее в Азии.

изусть труды Марко Поло, прочих путешественников. Поразительная память, хранившая тысячи имен и географических сведений, сделала Тосканелли широко известным в Европе. Молодые ученые со всех концов континента стекались к нему за советом и наставлениями. Гуманист Николай Казуанский, просвещенный правитель Флоренции Казимо Медичи гордились дружбой с Паоло. В Италии все знали и говорили о замечательном человеке, хотели переписываться с ним. Но удивительное дело: прославленный сын Флоренции редко брал в руки перо, а если брал, то не для посланий. После его смерти нашли множество черновиков географических карт, астрономических таблиц и единственную рукопись книги. Не вероятная память итальянца отучила его делать записи. Общение с учениками способствовало быстрому распространению идей без участия автора. Тосканелли не имел потребности писать, за него это делали другие.

Ученый происходил из богатой купеческой семьи, его брат возглавлял торговый дом, занимался делами на Востоке. Падение Константинополя, утрата итальянцами традиционных путей в сказочные страны разорили семью. Паоло стал активным проповедником западного пути в Индию, проявлял интерес ко всему, что связано с открытиями португальцев в Атлантическом океане.

На вопрос Аффонсу V, Тосканелли собственноручно или с помощью секретаря (мы поговорим еще об этом) написал

25 июня 1474 года ответ канонику Мартиншу:

«Я знаю, что существование такого пути может быть доказано на том основании, что Земля представляет собою шар. Тем не менее, из желания помочь вам, я решил изобразить новый путь на морской карте. Отправляю Вашему Величеству карту, сделанную мною собственноручно. На ней изображены ваши берега и острова, откуда вы должны плыть непрерывно на запад, а также указаны места, куда вы придете. Вы сможете по карте определить, как далеко находитесь от полюса или от экватора, какое расстояние должны пройти, чтобы достигнуть стран, где много разных пряностей и драгоценных камней. Не удивляйтесь, что я называю Западом страны, где растут пряности, тогда как их обыкновенно называют Востоком, потому что люди, плывущие неуклонно на запад, достигнут восточных стран за океаном в другом полушарии. Но если вы отправитесь по суше – через наше полушарие, то страны пряностей будут на востоке...»

Далее Тосканелли приводит выписки из еще неизвестной в Португалии «Книги» Марко Поло о богатстве Китая и соседних стран.

К сожалению, подлинные карты флорентийца не дошли до нас. В многочисленных изданиях по истории географии представлены реконструкции черновиков Тосканелли, сделанные французскими и немецкими учеными в XIX столетии. По письму можно лишь представить мнимую протяженность Атлантического океана.

«На карте от Лиссабона до великого и великолепного города Кинся (богатейшей китайской гавани Хуаньчжоу) нанесены по прямой на запад 26 отрезков, – пишет Паоло, – каждый длиной в 250 миль». По мнению Тосканелли, длина пути от Португалии до Китая составляет 5 250 миль или 10 000 километров. «Это название (Хуаньчжоу), – поясняет ученый, – означает «Город неба»... Расстояние до города составляет примерно третью часть окружности Земли. Он расположен в провинции Манджи, по соседству с провинцией Катай». Вот все, что нужно пройти кораблю на запад до описанных Марко Поло стран. По пути команда может отдохнуть, починить снаряжение, пополнить запасы продовольствия и пресной воды на Антилии, расположенной в десяти отрезках от Сипанго (Японии), т. е. в 2500 милях. «Остров (Сипанго) очень богат золотом, жемчугом, благородными камнями...» – сообщает Тосканелли. Наверное, он указал на карте расстояние от Японии до Китая, так как в письме о нем не сказано, обозначил местоположение Антилии и Бразилии.

Легко представить, с каким интересом читали послание географа при дворе Афонсу V, как тщательно сверяли полученные карты с отчетами Кортериала, вычисляли пройденное расстояние, планировали организацию экспедиции на запад. Жизнь распорядилась иначе: война в Марокко, распри с испанцами, непомерные за траты на колонизацию Африки не позволили снарядить корабли. Документы сдали в

архив, о мечтах забыли.

Португальцы вспомнили о Кортериале через двадцать лет, когда Христофор Колумб под испанским флагом открыл Новый Свет. Они сослались на плавание губернатора Ангры, заявили о своих правах на западные земли, но им не поверили. Шли годы и столетия. Документы загадочной экспедиции Кортериала исчезли из хранилищ. Люди признали первенство Колумба в открытии Америки, лишь португальцы изредка напоминали о капитанах Афонсу V.

В конце XX века на Багамских островах сделали сенсационное открытие. На камне в рост человека неизвестный мастер середины XV столетия высек каравеллу. Ее гордый профиль перечеркивал представления о приоритетах в Атлантическом океане. Изображение исследовали современными методами и передвинули дату работы на двадцать лет к походу Жуана Ваза Кортериала. Португалия считает его первооткрывателем Америки.

* * *

В начале восьмидесятых годов XI века через флорентийца Лоренцо Джерарди, Колумб обращается к Тосканелли с просьбой одобрить свой проект, уточнить расстояния между материками. Мы знаем, что по подсчетам Христофора протяженность водного пути от Канарских островов до Японии почти в два раза меньше, чем у итальянского географа. Это

сильно смущало Колумба. Если бы предстояло плыть из Лиссабона в Геную, ошибка не имела бы большого значения, но что такое пять тысяч километров по неизведанному морю?!

Паоло Тосканелли постарел, ему шел девятый десяток лет. Годы взяли свое, он устал, не хотел спорить с молодым капитаном, допустившим очевидные просчеты, но располагавшем к себе смелостью замыслов. Письмо Христофора можно отложить в сторону, забыть о нем, но у старика сохранился черновик послания к Аффонсу V, есть географические карты. Тосканелли диктует секретарю краткий ответ, прилагает к нему копию письма к королю и такую же карту. Все, больше ничего. Разве что, рассуждения о пользе общения восточных князей и царей с христианами да описание азиатских богатств, заимствованные у Марко Поло, Конти Браччолини и неизвестного посла китайских властей.

Колумб доволен, ему этого достаточно. Всемирно известный географ поддержал его планы, благословил на трудное дело, подчеркнул близость Китая от Португалии, заморозил открывающимися перспективами. По утверждению Марко Поло, рядом с Индиями находятся 12 700 остров! Есть отчето потерять голову, забыть о разнице в подсчетах протяженности Атлантического океана.

Оба письма Тосканелли не сохранились, дошли до нас в переводах Фернандо Колона с латинского языка на испанский, подверглись редакторской обработке. Это дало повод исследователям упрекнуть Колумба с сыном в подделке по-

сланий флорентийского географа. Зачем? Чтобы придать вес своим доводам. Дискуссия длится до сих пор.

Противники переписки Христофора с Тосканелли пользуются весьма сомнительными доводами, вроде тех, что стиль письма не соответствует ученому или в тексте отсутствуют характерные для эпохи ссылки на авторитеты. Первое утверждение было бы правильным, если бы мы имели дело с итальянскими оригиналами, а не с вольными изложениями Фернандо Колона. Относительно второго замечания следует сказать, что именитому географу за два года до смерти в частной переписке не надо было придерживаться традиции университетских диспутов. Оба корреспондента задали ему конкретные вопросы, он ответил на них. Я думаю, если бы Колумб подделывал письма, то изменил бы текст второго послания.

Иногда говорят, будто на замысел Колумба повлиял немецкий картограф Мартин Бехайм, первым изготовивший глобус – «земное яблоко»; будто Христофор в спорах с противниками ссылался на него. Это утверждение не лишено основания, однако, не надо придавать ему большое значение. Нюрнбержцу Бехайму (1459–1507), происходившему из хорошей богемской семьи, в ту пору исполнилось двадцать лет. С 1481 года он жил в Лиссабоне, где в качестве космографа готовился к плаваниям в Африку, состоял в Комиссии математиков (Математической Хунте), разрабатывавшей астрономические основы мореходного искусства.

Мировоззрение Бехайма соответствовало взглядам Колумба, сформировалось под влиянием тех же книг. Накануне первого похода адмирала Мартин составил карту, воплотившую идеи предшественников, на которой даны малые размеры Атлантического океана. Колумб знал Бехайма, ссылаясь на него в научных спорах, но авторитет картографа был еще невелик.

Важным аргументом в разговоре с королем явилась бы ссылка на Библию. Пьер де Айи в «Образе мира» подсказал мореплавателю, где искать нужные цитаты. Аристотель, Сенека, Плиний писали об относительной близости восточных берегов Азии и Западной Европы в соответствии со словами пророка Ездры:

«В третий день Ты (Господь) велел водам собраться на седьмой части Земли, а шесть частей осушил, чтобы служили пред Тобой к обсеменению и обработке»
(3 Ездр. 4, 42).

Фразу из Библии современники Колумба воспринимали дословно, часто использовали в спорах о соотношении на планете суши и воды. Христофор последует их примеру, будет цитировать пророка в качестве важнейшего аргумента истинности своих вычислений. Желая усилить весомость слов Ездры, Колумб заново перечитает Библию, получит сильнейший эмоциональный заряд, но не найдет ничего определенного. Древние евреи жили между двух морей

(Средиземным и Красным), да были далеки от них. Закон Моисея не поощрял торговли с соседними народами, по существу запрещал мореплавание. На протяжении тысячи лет в Иудейском царстве мы видим только три робкие попытки построить корабли. Господь разметал суда израильтян, после чего они забыли о морях, пользовались услугами посредников. Колумб выпишет все строки, где встречаются слова «моря», «реки», «земля» и прочие, имеющие отношение к географии. Без ссылки на Библию нельзя говорить с Церковью.

Когда из пустоты пытаются создать нечто, притягивают факты за уши к своим теориям, возникают нелепые идеи. Так произошло и с адмиралом. Сообщение о кораблях Соломона, доставлявших из загадочной страны Офир большое количество золота, драгоценных камней, слоновой кости, экзотических животных, ценных пород деревьев и прочих товаров, будет истолковано в пользу пересечения Атлантики. Страну Офир начнут искать в безбрежных далах океана.

Колумб собрал воедино библейские цитаты, выписки из научных трудов, от Птолемея до Айи, письма знаменитых современников, рассказы капитанов о принесенных волнами из иного мира диковинных вещах, собственные расчеты протяженности Малого моря, и отправился в королевский дворец.

Глава IV

Неудача в Лиссабоне

Заканчивался 1483 год. Междоусобица раздирала на части маленькую страну с миллионным населением, влиятельные магнаты бунтовали против короля. В столице шла подготовка экспедиции в Африку. Дього Кан получил приказ продолжить исследование побережья Черного континента, спуститься далеко на юг. Выход флотилии в плавание намечался на следующий год. Вот что писал по этому поводу участник похода: «Когда минул 1484 год от Рождества Господа нашего Христа, высокочтимый король Жуан II Португальский велел снарядить два корабля, именуемых каравеллами, обеспечить их экипажи провиантом и вооружением с расчетом на три года. Командам кораблей от имени короля дали приказ: зайти за столпы, которые поставил в Африке Геркулес, по возможности все время держать курс на полдень и на восход солнца. Король снабдил корабли различными товарами, послал купцов для закупок и продаж. На суда взяли 18 коней с полной сбруей, весьма ценной, чтобы дарить их, где понадобится мавританским королям, много различных образцов пряностей, которые надлежало показывать маврам, чтобы они поняли, что именно мы хотим искать в их стране. С таким снаряжением мы вышли из города Улисипоны (Лиссабон) в Португалии, направились к острову Мадейра,

где растет португальский сахар, миновали Счастливые острова и острова диких канарцев».

Жуан II гасил мятежи, собирал деньги для капитана. Время для встречи с Колумбом было неподходящим. Впрочем, все зависело от того, как на это посмотреть. Человек, выдававший себя за генуэзского купца, предлагал королю дешевый путь в Индию к несметным сокровищам.

Свободный доступ ко двору имели только дворяне, простолудину требовалось высокое покровительство. Колумб использовал родственные связи, в короткий срок добился встречи с королем. Жуан II принял капитана в присутствии епископа Сеуты, испанца Дьоги Ортисаде Вильегас-Кальсадилы, возглавлявшего Комиссию математиков, занимавшуюся рассмотрением проектов морских экспедиций.

Современники сравнивали Жуана с Юлием Цезарем, потомки – с Суллой, а он хотел походить на Генриха Мореплвателя, носил темную строгую одежду, остроносую обувь, следил за своей внешностью. Король принял гостя в кабинете, с простыми белеными стенами и черным резным потолком, где скромная старинная мебель не загромождала пространство. Монарх сидел за столом, Кальсадила стоял рядом.

– Рад видеть вас, сеньор капитан, – тихим ровным голосом ответил на приветствие Жуан. – Я много слышал о вас.

Король не обманул Колумба. Он интересовался судьбой человека, породнившегося с наследниками сподвижников

Генриха Мореплавателя, внучкой молочного брата инфанта; человека – получившего от Афонсу V доступ к секретным архивам. За что, за какие заслуги, предшественник короля позволил ему пользоваться записями и картами морских экспедиций? Злые языки говорили, будто генуэзец выдает себя за другого человека, а на самом деле принадлежит к знатному роду, запятнавшему себя пиратством. Жуан смотрел на свободно стоявшего перед ним рослого белокурого капитана и думал о том, что враги Колумба недалеко от истины.

– Вы плавали в Гвинею к Золотому берегу, в гавань Сан-Жоржи-да-Мина, где капитан Азамбуж заложил крепость?

– Да, Ваше Величество, в прошлом году. С тех пор я пришел к выводу, что это не лучший путь в Индии.

– Мне говорили: вы предлагаете искать дорогу на западе. Изложите кратко суть проекта!

– Скоро исполнится семьдесят лет, как Португалия пытается обогнуть Африку, делает робкие шаги в поисках Антилии, – смело начал Колумб, зная, что новый король не любит критики, жестоко расправляется с врагами. – А ведь самый короткий путь до острова Сипанго и страны Великого ха находится на западе. Сложите расстояние от Лиссабона до Сан-Жоржи-да-Мина и от не го до Индийского океана, – вы получите цифру, значительно превышающую расчеты географов протяженности Малого моря¹⁴. Космографы Комис-

¹⁴ Так во времена Колумба называли Атлантический океан.

сии математиков подтвердят мои слова. Обычно человек выбирает короткий путь. Никто не поплывет в Венецию через Западную Африку, но войдет через Геркулесовы столпы в Средиземное море. Почему, зная о шарообразности Земли и расположении Индий, Португалия упорно стремится на юг?

– Там есть указанный Геродотом проход, – перебил его богослов. Король повернул голову к епископу, взглядом прервал Кальсадилью.

– Продолжайте, – велел Жуан капитану. – Мне нравится ход ваших мыслей.

– На пути между Лиссабоном и Кинсаем (Гуаньджоу), описанном Марко Поло, лежат земли, способные служить опорными базами в продвижении на Запад, – сказал Колумб. – Это Антилия и Сипанго, а между ними – тысяча двести островов! Мы знаем, что на западе на расстоянии в шестьсот лиг от континента нет земли, но это не беда. Надо проплыть вперед, найти Антилию, или землю Кортериала, далее лежат Сипанго и побережье Индий. Мои расчеты показывают правильность утверждений Сенеки и Плиния, будто отделяющее Европу от Азии море не широко, при попутном ветре его можно пересечь за несколько дней. Вспомните, как капитаны принца Энрике боялись опускаться за Бохадор. Одолев его, они убедились, что там не прячется смерть. Так и с Антилией. Нас страшит неведомый путь, людям кажется, будто они не вернутся назад. Плыть на запад так же безопасно, как на юг. В отчетах ходивших на запад

капитанов я читал о ветрах и течениях, способных вынести корабли к земле.

– Как вы вернетесь в Португалию? – не выдержал епископ.

– С помощью других ветров и течений. О них тоже есть упоминания в документах экспедиций.

– Вы знаете, где искать их? – спросил богослов.

– Да, – уверенно ответил Колумб. – Дайте мне флотилию из трех кораблей, и я за две недели дойду до Сипанго!

– Всего две недели? – усомнился король.

– При свежем ветре этого достаточно, – подтвердил Христовфор. – Сенека говорил о более коротком сроке.

– Сенека занимался поэзией, а не географией, – заметил Кальсадилья.

– Геродот тоже мог ошибиться в описании дороги в Индийский океан, – усмехнулся Колумб.

Широкая, открытая улыбка капитана понравилась королю. Он не сомневался, что проситель не обманывает его.

– Что вы хотите получить за открытие западного пути в Азию? – спросил Жуан, пресекая готовую вспыхнуть дискуссию.

– Титул Главного Адмирала Моря-Океана, должность вице-короля новых земель, десятую долю доходов с их территорий, восьмую часть от грядущей торговли с обретенными странами, дворянское звание, золотые шпоры.

– У вас очень большие требования, – покачал головой король. – Мои кормчие на свой кошт исследуют побережье Аф-

рики, получают за это титул капитанов-донаториев (правителей земель) с правом на часть доходов.

– В отличие от них, я положу к вашим ногам целый континент, усыпанный золотом и драгоценными камнями, – пообещал Колумб. – Экспедиция Кана собирается исследовать берега Африки. В случае успеха она привезет полсотни рабов с дешевым золотом. Я дам вам богатства Индии! Здесь есть разница.

– Вы правы, – согласился монарх. – Передайте ваши расчеты главе Комиссии математиков, мы подумаем о предложении.

– Благодарю вас, Ваше Величество! – обрадовался Колумб.

– Мне не понятно лишь одно... – нахмурился Жуан. – Неужели вы не дворянин?

– Мой отец вышел из простого сословия, – скромно пояснил капитан, расправляя складки на подбитой мехом короткой суконной куртке, непременной принадлежности мещан.

* * *

Стражники закрыли за Колумбом дверь. Король взял бумаги капитана, аккуратно разложил на столе, принялся внимательно изучать. Пропустив цитаты из Библии, книг географов и путешественников, Жуан увлекся вычислениями генуэзца. Убедившись в добросовестности моряка и соответ-

ствии цифр расчетам Тосканелли, монарх отложил свитки, спросил епископа:

– Что вы скажите о капитане?

– Сеньор Колумб производит приятное впечатление, – ответил придворный. – Он явно не тот, за кого себя выдает, ибо нельзя представить ткача, владеющего латынью, как родным языком, имеющего благородные манеры, способного держаться с достоинством в королевском дворце.

– Вы правы, – кивнул монарх. – Что вы думаете о его просьбе?

– Заманчиво найти то, чего нет, – съязвил богослов.

– Моряки видели землю Кортиерала, – возразил Жуан. – Она находится там, где капитан обещает найти Сипанго.

– Значительно южнее, – поправил монарха Кальсадилья.

– Он сказал: рядом с ней лежат сотни островов, – напомнил король – Кортиерал мог наткнуться на них.

– Хотите принять предложение капитана? – догадался епископ.

– Мне не подходят его условия. Вице-король Индий и Сипанго станет самым богатым человеком, создаст армию и флот, поработит мир.

– Дело в условиях или есть иные причины? – насторожился придворный.

– Мне нужно точно знать протяженность Малого моря, – признался король.

– Это легко проверить, – пообещал Кальсадилья. – Жозе

Визиньо и маэстро Родриго найдут ошибку в расчетах или подтвердят их истинность. Епископ назвал имена двух еврейских врачей и астрономов, членов Комиссии математиков.

– Какого вы мнения о Мартине Бехайме?

– Он выступит в поддержку идеи Колумба. Бехайм утверждает, будто протяженность Атлантического океана на запад весьма незначительна.

– Аристотель, Сенека, Плиний, кардинал де Айи, Кортес-риал, Тосканелли, Бехайм, Колумб... Не много ли заблуждений? Или наша дорога вокруг Африки неверна?

– Геродот не ошибся, – убежденно заявил Кальсадилья.

– Я знаю, – согласился монарх, – но ведь и это (он кивнул на бумаги Колумба) никто не опроверг! Значит, в них есть доля истины.

– Возможно, – не стал спорить придворный.

– Снимите копию с вычислений, попросите капитана составить подробную сопроводительную записку с указанием ветров и течений, – велел Жуан. – Я хочу знать все о его замысле.

– Ваше Величество желает снарядить свою экспедицию на запад? – сообразил епископ.

– Не сейчас. Сначала отправим Кана в Африку, потом подумаем об Антилии.

– Для этого хватит одного корабля, – подсказал придворный. – Если Сипанго находится так близко, как утверждал

сеньор Колумб, то любой моряк доплывет до острова. Однако у меня есть одно возражение.

– Говори! – приказал король.

– Почему семья Перестрелло не снарядила судно для генуэзца?

– Вероятно, торговцы и капитаны не верят в затею Колумба.

– Или не могут дать того, чего он просит, – добавил Жуан. – Родственникам не оснастить три судна.

– Боязнь Колумба плыть на одном корабле выдает его сомнения.

– Скорее, свидетельствует об осторожности, – поправил король. – Вы отправитесь в одиночку разыскивать Антилию?

– Я священник, а не кормчий, – тактично заметил Кальсадилья. – Я найду вам отважного капитана, способного проверить расчеты Колумба.

– Надеюсь, он не станет болтать о том в Лиссабоне?

– Нет, Ваше Величество.

– Не спешите с ответом итальянцу, – решил монарх.

* * *

Созданная Жуаном II Комиссия математиков (Junta dos Ulateinalicos) представляла маленькую лиссабонскую академию под управлением архиепископа Сеуты, Дьего Ортиса де Вильегас-Кальсадильи. В ней заседали не средневековые

схоласты, а заслужившие европейскую известность теоретики и практики. Комиссия математиков опробовала и распространила на кораблях астрольбию, простой и чрезвычайно важный навигационный прибор. С ним познакомил португальцев Мартин Бехайм, ученик великого Региомонтана, изобретателя «посоха Иакова» (астрольбии). Члены академии занимались переводами книг, рисованием географических карт, оказывали помощь отправлявшимся в Атлантический океан капитанам и кормчим. Ученые не гнушались грязной работы, плавали на кораблях, прокладывали маршруты. За это их любила и уважала вся страна. Два «академика» готовились принять участие в экспедиции Дього Кана: молодой немец Мартин Бехайм и пожилой еврей Жозе Визиньо, начавший карьеру при Генрихе Мореплавателе. Визиньо перевел с древнееврейского языка на латынь астрономические таблицы Авраама Сакуты, ставшие настольной книгой капитанов.

За годы жизни в столице Колумб познакомился с членами комиссии. Особенно он уважал Визиньо, его непререкаемый авторитет в области космографии. Подстать прославленному мэтру был врач и астроном еврей маэстро Родриго. Оба ученых знали в совершенстве труды древних и современных географов, вычисляли протяженность океанов и материков. Епископ Кальсадилья передал документы Колумба знаменитым космографам.

Первое знакомство с расчетами генуэзца вскрыло вопию-

щие ошибки в определении пространств. Мы говорили, что Христофор заменил арабские мили итальянскими, что привело к сокращению протяженности водного пути от Европы до Азии на 11 339 км. Астрономы заметили халатность, указали, что из-за вольного пересчета полученные цифры не соответствуют действительности на 25 %, и то лишь в том случае, если верны первоначальные посылки.

Отправные точки расчетов капитана тоже вызвали сомнения, что снизило коэффициент точности вычислений до 50 %. Колумб допустил серьезные ошибки, требующие исправлений. Это пришлось весьма кстати для епископа, попросившего капитана дать подробное описание западной экспедиции, обосновать способы достижения целей.

Молодой Колумб попал на удочку придворного интригана, рассекретил часть своих замыслов. Новые вычисления и аргументы легли на стол Комиссии математиков. Сняв копии для короля, их передали Жозе Визиньо. Старый мэтр все силы вкладывал в подготовку экспедиции Кана, не мог тотчас ответить Христофору, составить заключение для академии. Дело затянулось на неопределенный срок. Мартин Бехайм находился во Фландрии и только летом 1484 года возвратился в Лиссабон.

Между тем, португальцы упорно стремились обойти Африку. Этому способствовало убеждение в истинности слов Геродота. Знаменитый греческий ученый родился около 484 г. до н. э., прожил шестьдесят лет. Он много путеше-

ствовал, собирал материалы со всего света. За годы странствий Геродот написал первую, дошедшую до нас, книгу с географическими сведениями, называвшуюся «Историей». Он посетил Египет, северное побережье Черного моря, доходил до Вавилона, говорил о путешествии в Индию. Геродот описывает в книге услышанную в Египте историю похода финикийских мореплавателей вокруг Африки, совершенно по приказанию фараона Нехао около 600 г. до н. э. Беспримерный переход финикийцев занимает особое место в истории географических открытий, заслуживает того, чтобы поведать о нем словами самого Геродота:

«Ливия (Африка), оказывается, кругом омывается водою, за исключением той части, где она граничит с Азией; первый доказал это, насколько мы знаем, египетский фараон Нехао. Приостановивши прорытие канала из Нила в Аравийский залив (Красное море), он отправил финикийян на судах в море с приказом плыть обратно через Геракловы столпы (Гибралтарский пролив), пока не войдут в Северное (Средиземное) море и не прибудут в Египет. Финикийяне отплыли из Эритрейского (Красного) моря и вошли в Южное море (Индийский океан). Каждую осень они приставали к берегу, засеивали землю, дожидались жатвы; после уборки хлеба плыли дальше. Так прошло два года, на третий год они обогнули Геракловы столпы, возвратились в Египет. Рассказывали также, чему я не верю, а другой кто-нибудь, может быть, поверит, что во время плавания кругом Ливии финикийяне

имели солнце с правой стороны. Так впервые стала известна Ливия».

В 1959 году возле мыса Гелидони в заливе Анталия на побережье Турции раскопали финикийское торговое судно, построенное 1250 г. до н. э., которое позволило представить, на каких судах плавали мореходы фараона Нехао. Первые финикийские торговые корабли, подобно египетским судам, не имели киля и шпангоутов. Посреди корпуса из досок кедрового дерева высилась мачта с прямоугольным парусом, закрепленным на верхней и нижней реях. Прочные древесные породы не росли в Египте, поэтому мастера использовали для строительства судов двухметровые доски шириной в двадцать сантиметров из сикоморы или акации. Применение кедра позволило финикийцам увеличить размеры кораблей. Их длина доходила до 30 м, ширина – до 10 м, осадка составляла 2 м, что соответствовало средним португальским каравеллам конца XV века. Нос финикийского корабля украшала деревянная резная голова лошади, корма заканчивалась рыбьим хвостом. Маленькие суда не имели палубы, плавали дном, ночью их вытаскивали на сушу. Каждый корабль имел весла.

В правление фараона Нехао финикийские суда оснащали шпангоутами и килем, создававшими обтекаемую форму. Весла применялись в безветрие и для маневров в портах и устьях рек. На крупных кораблях появилась палуба с леерным ограждением. В Сидоне археологи обнаружили на сар-

кофаге рельефное изображение финикийского судна с двумя прямоугольными парусами. Первый находился на грот-мачте с марсом наверху, второй (меньше размером) – на наклонном фоке. Убедившись, что такой парус позволяет идти вперед при боковых ветрах, повышает маневренность судна, римляне поставили его на своих кораблях. Финикийские суда эпохи фараона Нехао представляли вполне маневренные мореходные корабли, способные совершать дальние плаванья.

Для военных действий финикийцы использовали длинные остроносые биремы. Они первыми построили боевые корабли с двумя банками для гребцов и прямоугольным парусом в середине судна. Биремы имели таран, заимствованный у критян. На биремах не путешествовали. Они плохо шли под парусом, не справлялись со встречным ветром и высокими волнами. Снаружи у бортов финикийцы крепили щиты. На торговых и военных кораблях мореходы добрались до Балтики, где викинги переняли у них размещение щитов на лодках.

Для своей «Истории» Геродот начертил карту мира, в которой Ливия, то есть Африка, оказалась смехотворно маленькой. Южный берег Черного континента опускался чуть ниже Аравийского полуострова. Потому-то португальцам казалось, что надо сделать последнее усилие для выхода в Индийский океан.

В начале 1485 года экспедиция Дього Кана вышла из Лис-

сабона в Атлантический океан. Бехайм и Визиньо плыли в ее составе. Первый мечтал достичь южной оконечности Африки, второй – провести астрономические наблюдения в Гвинее. Перед выходом в море ученые написали заключения по поводу предложения Колумба. Бехайм поддержал Христофора, Визиньо высказался против него. Еврей обосновал возражения правильными замечаниями, отчего не обидел итальянца, остался честным человеком. Если бы Визиньо помог Колумбу, общее решение Комиссии математиков могло быть положительным. Уважая мнения коллег, члены академии не сказали ни да ни нет на запрос короля, решили еще подумать над расчетами Христофора и поправками Визиньо. Это служило поводом для епископа вытягивать из генуэзца сведения для подготовки секретной экспедиции на запад.

Вопреки существующему мнению, будто итальянские капитаны в XV веке пользовались почетом и уважением, Генрих Мореплаватель предпочитал им португальских моряков. Опыт освоения африканского побережья показал ему, что южане меньше приспособлены к плаванию в суровых водах Атлантики. Предубеждение инфанта передалось Жуану II. Сам факт, что Колумб выдавал себя за генуэзца, внушал монарху опасения. Придворные короля помнили жалобы покойного принца на итальянцев, а ведь генуэзцы давно служили Португалии.

Под командованием Мануэля Пессано и его потомков лу-

зитанцы осваивали в XIV веке прибрежные воды Атлантики. В 1341 году Николос да Рекко возглавил путешествие на Канары и оставался в должности адмирала островов свыше сорока лет. Незадолго до смерти Генриха Мореплавателя, Антонио да Ноли открыл несколько островов Зеленого Мыса, был их губернатором.

Длительная разработка проекта перехода через Атлантический океан и годовое ожидание заключения экспертов подорвали материальное положение семьи. Колумб не мог в Лиссабоне заниматься торговлей. Появились долги, кредиторы преследовали капитана. Беспокойная жизнь повлияла на здоровье Фелипы, привыкшей к уютному дому и тихому монастырю. Она заболела. Христофор старался спасти жену, обращался за помощью к родственникам и королю. Семья снабжала Фелипу деньгами, монарх ничего не давал, но в виде благоволения позволил Колумбу являться ко двору. Итальянец был нужен ему. В начале следующего года, по записям и расчетам Христофора, готовилось выйти судно под командой капитана, согласившегося плыть на запад за звание донатора открытых земель и маленького дохода с них.

Зима принесла несчастье Колумбу. Жена умерла, он остался с малолетним сыном Диего. Финансовая помощь семьи Перестрелло прекратилась, долги возросли.

Ранней весной вернулся из путешествия Жозе Визиньо. Мартин Бехайм поплыл с Дього Каном на юг вдоль берегов Камеруна, нынешней Республики Конго и Анголы, мимо

устья реки Заир (Конго).

По случаю прибытия Визиньо в королевском дворце в конце апреля 1985 года устроили прием, пригласили на него Колумба. Он слушает доклад академика об астрономических наблюдениях в Гвинее. Через месяц Христофор получает отрицательный ответ Комиссии математиков. Говорят, на этом настоял Кальсадила.

Заканчивается весна. Сраженный несчастьями, Колумб узнает ошеломившую его новость: отправленные королем на поиски Антилии португальские моряки попали в шторм и вернулись назад. Монарх знал, что капитан с темным прошлым не поднимет шума из-за украденных документов.

Так трагично закончился большой период в жизни будущего адмирала. Летом он решил бежать из Португалии с сыном и своим младшим братом Бартоломео.

* * *

Колумб не говорил о вероломстве Жуана, сохранил с ним хорошие отношения, писал ему письма, а через три года с позволения короля посетил Лиссабон. Основываясь на этом, некоторые ученые отвергают вероятность попытки португальцев воспользоваться планами генуэзца. О неудачной западной экспедиции мы узнали от сына адмирала Фернандо Колона. У нас нет оснований не верить ему.

Я возьму на себя смелость предположить, что этим капи-

таном мог быть один из сыновей Кортериала, отличавшихся интересом к западным областям Атлантики. Их отец дважды открывал земли в безбрежных водах океана. По закону наследники имели право на получение доходов с островов, но потеряли Баккалос и прочие земли. Вполне вероятно, что тридцатипятилетний Гашпар Кортериал мог возглавить экспедицию. Свидетельством тому служит патент, выданный ему королем Мануэлом 12 мая 1500 года, в котором говорится о больших заслугах в открытии островов и даже материка:

«Так как Гашпар Кортериал, наш фидальгу (дворянин), много потрудился лично за свой счет с кораблями и людьми, чтобы отыскать и открыть с большими усилиями, расходами, опасностью для своей жизни некоторые острова и материк, мы оказываем ему милость, дарим все острова или материк, которые он найдет или откроет».

Обратите внимание! В документе дважды подчеркивается, что нужно найти старые или открыть новые земли, а также видно, что Гашпар уже пытался это сделать.

Подтверждением изложенного факта является то обстоятельство, что сбежавшего Колумба не преследовали тайные агенты монарха. Жуан не желал огласки своего, мягко говоря, некрасивого поступка. С прочими моряками он поступал крайне жестоко. Его шпионы вылавливали «предателей», располагавших секретами освоения Атлантического океана и Африканского континента, выкалывали им глаза,

чтобы не могли читать и видеть карты, отрезали языки, зашивали проволокой рты, дабы не рассказали соседям о тайнах португальских архивов, засовывали несчастные жертвы в мешки, заколачивали в бочки, доставляли в Лиссабон для мучительной казни. Жуан II имел на это право. Моряки, вступавшие под своды арсенала Рибейры Новы, где собирали лаговые записи и портуланы экспедиций, клялись жизнью не разглашать полученные сведения.

Читатели возразят, что выдававший себя за итальянца, Колумб не считался подданным Португалии, поэтому Жуан не имел оснований поступать с ним, как со своими капитанами и кормчими. Вы правы, все же я не думаю, что это обстоятельство спасло бы адмирала от смерти.

Практика наказания беглецов сохранилась на многие годы. Король Мануэл позволил Магеллану и его сподвижнику Фалейре покинуть Португалию, но когда узнал о подготовке испанской экспедиции к берегам Нового Света, пытался разделаться с ними, посылал наемных убийц, устраивал заговоры.

Сообщение Фернандо Колона о португальской экспедиции на запад интересно для нас еще и тем, что указывает место, куда уехал Колумб. Действия монарха так обидели Христофора, что он «осерчал на город Лиссабон, на португальскую науку и ушел в Кастилию».

«Ушел в Кастилию», – написал сын адмирала, а не в Геную или Венецию, куда его посылали сторонники итальян-

ской версии происхождения Колумба. Их легко понять. Куда, как не к отцу, мог направиться молодой вдовец с малолетним ребенком на руках? Какая трогательная встреча! Вот только не понятно, почему Христофор в августе 1479 года, после суда с Паоло Негро, даже не зашел к нему. Эти ученые утверждают, будто Колумб изложил план покорения Атлантики правителям Генуи, а затем – венецианскому дожу, но те холодно отнеслись к предложению соотечественника. Это не удивительно, да и вряд ли могло произойти. Генуя и Венеция не соперничали с Испанией и Португалией в освоении океана за Геркулесовыми столпами. Послать Колумба к итальянцам могло прийти в голову только человеку, плохо разбиравшемуся в истории географических открытий. В 1479–1480 годах в испанском городе Алькасовасе прошли кастильско-португальские переговоры о разделе сфер заморской экспансии. Совместная комиссия разделила географическую карту мира на две зоны: испанскую и португальскую. Южнее Канарских островов через Атлантический океан провели горизонтальную линию. Все земли и моря ниже этой линии объявили португальскими, выше ее – кастильскими. Юг Земли стал формально принадлежать португальцам, север – испанцам. Римский Папа одобрил соглашение. Где тут Генуе и Венеции соперничать с иберийцами!

В пометке на полях книги Сильвия Пикколомини (маргиналия 860) Христофор сообщает, что 11 марта 1485 года «магистр Иосиф» (Жозе Визиньо) сделал астрономиче-

ские наблюдения на гвинейском острове, о чем сообщил после возвращения в Лиссабон королю Жуану в присутствии придворных, среди которых находился и он, Колумб. Отсюда следует, что до мая или июня капитан жил в столице. Летом мы уже встречаем его в Испании. Когда Христофор успел побывать в Италии – остается загадкой.

Глава V

Помощь Марчены

*В Испании, от страха онемелой,
Царили Фердинанд и Изабелла,
Но властвовал железною рукой
Великий инквизитор над страной...
Он был жесток, как повелитель ада,
Великий инквизитор Торквемада.
Г. Лонгфелло*

В конце XV века Испания переживала сложный исторический период перехода от феодальной раздробленности к абсолютизму. В 1474 году умер король Кастилии Энрике IV, считавшийся придворными слабоумным. На трон возшла его сестра Изабелла I, супруга короля Сицилии Фердинанда V, сына и престолонаследника правителя Арагона Хуана II. Через пять лет Хуан II умер, передав владения Фердинанду. Супружеская чета в 1479 году объединила под своим скипетром обширные области Кастилии и Арагона, а также Сицилию. Образовалась двуединая кастильско-арагонская держава. В 1481 году Фердинанд с Изабеллой затеяли войну с Гранадой за обладание югом Испании, затянувшуюся на одиннадцать лет.

Слабое правление Энрике IV в Кастилии привело к развалу королевства, возникновению независимых карликовых

государств, опиравшихся на военную силу магнатов. Царьки не признавали центральной власти, охотно принимали помощь иноземных владык. Двадцать лет усобицы и смуты терзали Кастилию. Отчасти это объяснялось тем, что область в период реконкисты объединяла испанские земли, выступала инициатором борьбы с маврами. В ней сложились особые экономические и правовые отношения, дававшие значительно больше прав населению, чем в Арагоне. Если в Арагоне Римский Папа официально учредил инквизицию в 1238 году (она возникла в Лериде на пять лет раньше), то в Кастилии ее не было. Возглавлявшая реконкисту Кастилия не могла позволить себе иметь ненавистный народу Священный трибунал, который значительно ослабил бы ее позиции по отношению к противнику. На протяжении двух с половиной столетий Кастилия собирала непокорных дворян и жаждавших привилегий свободных горожан. Она не знала крепостного права, не имела рабов.

Постепенно независимость округов пришла в противоречие с укреплявшейся королевской властью, вызвала кровавые столкновения. Кастильская смута пришлась по душе безработным рыцарям. Толпы всякого сброда хлынули в область, осели вокруг городов, в лесах, на перекрестках дорог. В стране воцарилась анархия, стало опасно заниматься торговлей, прекратился подвоз сырья для ремесленников.

Захватившая власть Изабелла привлекла к себе часть служилого дворянства, но его оказалось недостаточно для борь-

бы с обнаглевшими рыцарями, и тогда правительница призвала под свои знамена народ. Почувствовав сильную руку, способную навести порядок, служилое сословие и города поддержали Изабеллу. Горожане образовали костяк войска королевы. Церковь примкнула к правительнице, дала из своей среды сотни образованных людей, возглавивших новую государственную машину. Мелкие незаметные клирики стали казначеями, экономами, фискалами, заняли светские должности. Изабелла создала армию, заручилась поддержкой священников, прошла Кастилию из конца в конец, покоря и уничтожая осиные гнезда феодалов. Только в Галисии она разрушила сорок шесть замков, служивших источником разбоя и сепаратизма, запретила строить новые. Королева взяла средства на войну у трех рыцарских духовных орденов, обладателей больших земельных владений с миллионами овец. Для этого она сделала главой орденов своего мужа. Сокрушив мечом недовольную знать, Изабелла в 1480 году лишила ее дарованных предшественником привилегий, пожалований, земельной собственности, приобретенных незаконным путем.

Слуги королевы наладили сбор податей, взяли под контроль прибыльные отрасли, но денег не хватало на выплату жалования армии, подавлявшей отдельные очаги неповиновения. Изабелла вспомнила об инквизиции, позволявшей уничтожить противников, наполнить государственную казну.

Королеве давно говорили о положительной роли инквизиции в укреплении абсолютизма. Опыт Арагона показывал выгоды от создания карательного органа. За введение инквизиции в Кастилии горячо ратовали инквизитор Сицилии Барберис и папский нунций в Испании, Николас Франко. Рим одобрил желание Изабеллы, Сикст IV специальной буллой уполномочил королей учредить в Кастилии инквизицию с правом арестовывать и судить еретиков, конфисковать их собственность в пользу короны, папского престола, самих инквизиторов. В сентябре 1480 года были назначены главными инквизиторами доминиканцы Мигель Морильо и Хуан де Сан-Мартин, обосновавшиеся в начале следующего года в Севилье.

Первое распоряжение Священного трибунала повелевало светским властям в течение пятнадцати дней арестовать сменивших место жительства иудеев и мавров (узнав об инквизиции, народ убегал из городов), доставить в Севилью, конфисковать их собственность. Выполнить приказ помогали члены Святого братства, созданного в 1476 году наподобие русской опричнины. Брат короля Фердинанда V командовал его отрядами (эрмандадами).

Арестованных свозили в Севилью, помещали в монастыри, замки Трианы. Начались массовые казни. Отказавшихся признать себя виновными отлучали от Церкви, посылали на костер. Отрекшихся от прежней веры пороли, лишали всех прав, заточали в тюрьму, лишали имущества. Дело ока-

залось прибыльным, количество смертей увеличилось. Для казни еретиков устроили помост «кемадеро», что значило – жаровня или крематорий. В качестве особой милости еретиков перед сожжением душили – гарротировали.

Скученность в тюрьмах, обилие крови вызвали эпидемию чумы. Инквизиторы покинули город, позволили евреям и маврам уехать без вещей. Воспользовавшись разрешением, восемь тысяч потенциальных жертв бежали из Севильи.

Вернувшийся в город Священный трибунал возобновил работу, а так как ряды «врагов Христовых» поредели, то пришлось выкапывать мертвых, судить останки, отбирать наследство у родственников.

Ради доходности мероприятия инквизиторы выдумывали провокации, устраивали «амнистии» для «новых христиан» – евреев и мавров, принявших католическую веру. Первых называли маранами, вторых морисками. За добровольную явку в Священный трибунал повинным в отступничестве «новым христианам», их сознание и отречение обещали прощение, сохранение имущества. Попавшие на удочку «враги» купили спасение предательством, – сообщили палачам о подозреваемых в вероотступничестве родственниках и друзьях. Вышедших из подполья «врагов» казнили с близкими им людьми.

Следующим шагом инквизиции явился приказ жителям королевства, под угрозой отлучения от Церкви, в трехдневный срок донести о лицах, заподозренных в иудейской ере-

си. Чтобы узнать скрытых «врагов», составили список из 307 признаков. По нему любой христианин мог попасть в еретики. Работа судей принимала широкий размах.

Тысячи жертв за год прошли через мясорубку трибунала. Мараны и мориски составляли седьмую часть населения Кастилии и Арагона, превосходившую богатством шесть остальных. К ней нужно добавить оклеветанных соседями «старых христиан». В короткий срок короли Испании расправились с врагами, наполнили казну золотом. Появилась возможность подумать о войне с Гранадой – последним оплотом мусульманства на континенте.

Два главных инквизитора уже не справлялись с возросшим объемом работы. В феврале 1482 года Сикст IV назначил в Кастилию новых начальников. Среди них находился исповедник королевской четы, доминиканский монах Томас Торквемада, горячий сторонник уничтожения «иудействующих». 2 августа 1483 года Папа издал декрет об организации в Кастилии постоянного Священного трибунала во главе с назначаемым Римом, по желанию испанских монархов, Генеральным (верховным) инквизитором, подотчетным только короне. Генеральный инквизитор получил право выбирать провинциальных инквизиторов. Эту высокую должность получил Томас Торквемада, именовавшийся «монахом орден братьев проповедников, приором монастыря святого Креста в Сеговии, духовником короля и королевы, Генеральным инквизитором во всех их королевствах и владениях против

еретической испорченности, назначенный и уполномоченный апостолическим престолом».

Арагон содрогнулся от жестокости кастильской инквизиции. Он знал ее двести пятьдесят лет, но в связи с ростом городов и местного самоуправления его инквизиция пришла в упадок. «Положительный» опыт жены надоумил Фердинанда возродить арагонские Священные трибуналы. 17 октября 1483 года Римский Папа распространил полномочия Торквемады на Арагон, Валенсию, Каталонию. Законодательные собрания (кортесы) отказались признать монаха. Король заставил их выполнить указ Сикста IV. Кортесы согласились утвердить полномочия Генерального инквизитора на свои области, но враждебно встретили его представителей, не скрывали симпатий к жертвам изуверов.

В том же году монархи создали Верховный совет инквизиции во главе с Генеральным инквизитором. Главной задачей совета являлось решение вопросов, связанных с конфискацией имущества еретиков. Этим завершилось формирование в Испании Верховного инквизиционного трибунала – Супремы (Supremo Tribunal de la Santa Inquisicion), просуществовавшего три с половиной столетия.

Черное покрывало легло на страну. Испанская корона обрела освященный высшим церковным авторитетом террористический инструмент, позволявший подавлять инакомыслие.

Я подробно описал историю испанской инквизиции, что-

бы читатели лучше поняли перемены, произошедшие с Колумбом в последующие годы.

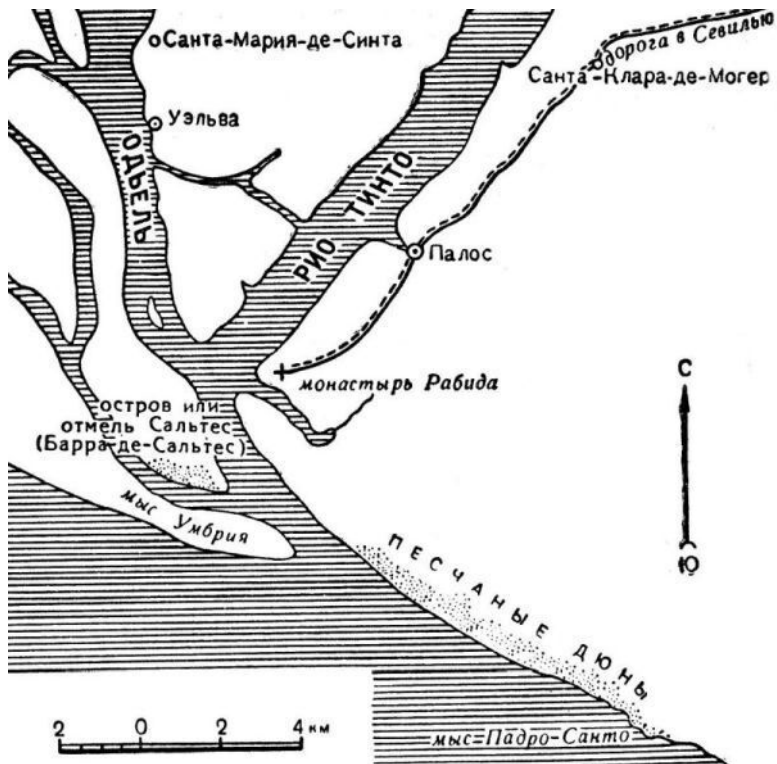
* * *

Почему Христофор поехал в Испанию? Вы найдете ответ в кратких справочниках с биографией адмирала: Испания имела мощный флот, соперничала с Португалией. Отсюда следует вывод, что Колумб непременно должен был отправиться в Кастилию. Это ошибочные утверждения.

Десять лет Изабелла ведет кровопролитные войны с мятежными феодалами и Гранадой. Королеве нет дела до морей. Испанский флот представлен частными судами среднего размера, занимающимися торговлей в прибрежных водах, пиратскими набегами на португальские владения в Африке. Расцвет испанского судостроения еще впереди.

В действительности ответ на поставленный вопрос гораздо проще. Сестра покойной жены Христофора Виоланта Мулиарт, его свояченица, в девичестве Виоланта Мониз де Перестрелло, жила в Уэльве. Поэтому Колумб отправляется не ко дворам европейских монархов, а на юг Иберийского полуострова в Палос, где неподалеку от него находится Уэльва. Христофор везет супругам Мулиарт своего семилетнего сына. Нужно позаботиться о Диего, устроить мальчика у родственников, а потом думать о реализации замысла или временной работе.

К этой причине хочется добавить деталь из биографии Колумба. Мы говорили, что адмирал свободно писал по-латыни с ошибками, свойственными кастильскому наречию. Это маленькое замечание не дает мне покоя. Если бы Христофор начал изучать латынь в Кастилии под руководством испанских учителей, тогда все легко объяснить, но он овладел языком до того, как очутился при дворе Изабеллы и Фердинанда. Откуда у Колумба возникло кастильское наречие? Вот ответ, проливающий свет на вопрос, почему адмирал приехал в Испанию: так и хочется сказать, что в минуты несчастий человека тянет на родину.

Район Палоса Уэльвы в эпоху Колумба

Оставим предположения, вернемся к фактам.

Из Лиссабона в Уэльву можно приплыть морем мимо мыса Сан-Висенти, Лагуша, через Кадисский залив, где за мысом Умбрия по реке Одъель надо подняться к городу. Это самая простая и дешевая дорога на юг Испании в Андалусию.

Можно добраться по суше через португальские города Сан-Домингуш и Фару или пойти в обход через испанские земли, что значительно увеличит протяженность дороги.

Наверное, Колумб выбрал короткий путь, хотя историки посылают его дальней стороной через Севилью. Так или иначе, жарким летом 1485 года Христофор очутился у стен монастыря Рабида, расположенного неподалеку от слияния Одьеля и Рио-Тинто у слепой затоки. Попасть сюда можно только морем или по севильской дороге через Палос. Вероятно, корабль Колумба шел по Рио-Тинто в Палос, а ему нужно было подняться несколько километров по Одьелю в Уэльву. Взгляните на карту и вам все станет ясно¹⁵.

Христофор сошел на берег у монастыря и в ожидании попутного судна зашел помолиться в собор Рабиды. Монастырь принадлежал францисканцам, соперничавшим с поддерживавшими инквизицию доминиканцами.

Орден Франциска Ассизского (1182–1226) отличался скромностью и человеколюбием. Простая ряса с веревкой вместо пояса служили отличительной одеждой монахов. Забота о ближнем – главная задача ордена. Францисканцы пришли на мыс в XIII веке после изгнания мавров с континента. Они переделали мусульманскую мечеть в монастырь, возвели вокруг служебные постройки.

¹⁵ Здесь и далее приведены карты, широко используемые в научной и популярной литературе.

Неуютный мыс с тридцатиметровым холмом издавна служил центром религиозных культов. Финикийцы первыми облюбовали его, соорудили капище Дагону. Поздние племена с побережья Средиземного моря вытеснили их, установили статую Ваала, приносили здесь человеческие жертвы. С тех пор это место с храмом назвали Горой Ваала. Римляне уничтожили кровожадного бога, воздвигли белоснежную статую Прозерпины, украсили низкое строение мраморными колоннами. Мавры разбили красавицу на куски, увеличили размеры святилища, превратили его в мечеть.

Многовековая история Горы Ваала закончилась учреждением христианского монастыря Санта-Мария-де-ла-Рабиды. В результате перестроек он походил на лабиринт, примыкавший к низкому просторному зданию из белых камней. На фоне песчаных дюн, болот, заболоченных низин монастырь выглядел кучей куриных яиц, разложенных вокруг пасхального пирога. Сотни паломников зимой и летом стекались в монастырь из долин Одьеля и Рио-Тинто. Францисканцы размещали богомольцев в служебных помещениях.

Видимо, после длительного пути Колумбу с сыном требовалась помощь, потому что их судьбой заинтересовался настоятель монастыря, брат Антонио де Марчена. Образованный священник, знавший астрономию и космографию, расположил к себе уставшего, отчаявшегося человека. Колумб рассказал ему о жизни в Португалии, о плане пересечения Атлантического океана. В тихие вечера, когда солнце седи-

лось за песчаную отмель Сальтес в устье слияния двух рек, они говорили о морях и странах, описанных Марко Поло. Монастырь Рабиды лежал в пяти километрах от Кадисского залива, мимо него проплывали корабли в Санта-Марию-де-Синту, Уэльву, Палос, Санта-Клару-де-Могер. Отправляясь в океан, моряки склоняли колени перед Девой Марией, вносили пожертвования на помин души. Рабида служил морским монастырем, встречавшим и провожавшим предприимчивых испанцев, втайне от португальцев доходивших до берегов Гвинеи.

– Мне нужно три корабля с годовым запасом продовольствия, – говорил Колумб Марчене, и тот согласно кивал в ответ.

Монастырь не финансировал заморские экспедиции, не оснащал корабли, но идея гостя понравилась настоятелю.

– Вам надо отправиться ко двору, – предложил францисканец. – План похода в Индии сулит государям большие прибыли. Возможно, они захотят удовлетворить вашу просьбу.

– Кто пустит меня во дворец? – сокрушался Христофор.

– Я помогу вам, – пообещал Марчене.

– Как? – удивился Колумб.

– Вы слышали имя исповедника короля и королевы, Эрнандо де Талаверы?

– Да.

– Я дам вам рекомендательное письмо к дону Талавере,

попрошу устроить встречу с Их Величествами¹⁶.

– Я не мечтал об этом, – признался Колумб.

– Думаю, главный эконо́м Кастилии Алонсо де Кинтанилья тоже заинтересуется вашим предложением. Сейчас королевская чета находится в Кордове, я дам вам деньги на дорогу. На днях меня переводят в Севилью на должность ку́стодия францисканского ордена. Ваш сын может жить в монастыре. Вы всегда найдете здесь хороший прием.

– Спасибо, святой отец, – поблагодарил счастливый капитан. – Я не задержусь в Рабиде. Меня ждет свояченица, Диего останется у нее.

– Господь поможет вам! – напутствовал сорокалетний монах. – Когда король с королевой дадут согласие, вспомните о Палосе. В нем есть много опытных моряков.

– Кого вы рекомендуете? – заинтересовался капитан.

– Братьев Пинсонов. В наших краях они считаются самыми опытными и уважаемыми кормчими. Пинсоны ходили далеко на юг.

– Я воспользуюсь советом, – решил Христофор.

Вскоре Марчена покинул монастырь. Знакомство с настоятелем Рабиды произвело сильное впечатление на Христофора, вернуло к жизни. Через много лет в письме к Изабелле и Фердинанду он признается: «После Предвечного Господа

¹⁶ Кастильские и арагонские короли до 1519 г. носили титул Высочеств (altezas), но мы называем их «Величествами», как было принято при европейских дворах.

ни у кого я не получал такой поддержки, как у брата Антонио де Марчены... все насмехались надо мной, кроме этого человека».

Марчена выполнил обещание, снабдил капитана рекомендательными письмами, деньгами на поездку ко двору. Францисканцы считались нищенствующим орденом, ибо проповедовали скромный образ жизни ранних христиан, но деньги у них имелись, тратились на богоугодные дела. Орден располагал обширными связями во всех слоях общества. Получить поддержку кустодия Севильского округа значило много в жизни неизвестного капитана. Устроив сына у свояченицы¹⁷, он отправился в Кордову.

* * *

Финикийцы основали Кордову на правом берегу Гвадалквивира, к северо-востоку от Севильи. Вытеснившие их римляне на этом месте образовали колонию Кордуба (Corduba). С 756 по 929 год Кордова была столицей мавританского эмирата, центром арабской культуры. Затем до 1031 года – сердцем Кордовского халифата. Мавританская эпоха определила характер застройки города. Старый центр представляет лабиринт узких улиц с низкими оштукатуренными домами,

¹⁷ Виоланта Мулиарт заменила ребенку мать. Колумб часто высылал ей деньги. Достигнув материального благополучия, он с 1502 года назначил свояченице ежегодную пенсию в 10 тыс. мораведисов. Через семь лет Диего удвоил ее.

имеющими глухие фасады, озелененные патио. От римского владычества андалусцы унаследовали мост на шестнадцать арках, от мавров – одну из крупнейших в мире мечетей, заложенную на фундаменте вестготской церкви Сан-Висенте. Мавры возводили ее с 785 года до конца своего господства. Завладев халифатом, христиане переделали великолепную мечеть в собор, построили в XIII веке церкви Сан-Пабло и Сан-Николас. Колумб не застал в Кордове Изабеллу и Фердинанда, разъезжавших по Гранадскому фронту. Пятый год шла война. С ранней весны до поздней осени супружеская чета колесила по стране, собирала войска, готовила оружие. Изабелла принимала активное участие в делах. Подобно простому интенданту, королева закупала снаряжение и продовольствие, искала квартиры. Изабелле приходилось решать массу вопросов, связанных с гражданскими делами, править Кастилией, помогать мужу в военных действиях. В Кордове монархи поместили Королевский совет с должностными лицами гражданской администрации для управления страной, но как только отправились сражаться с маврами, дела приостановились. Этому невольно способствовали сами правители.

В 1480 году в Испании произошли административные реформы, возникли ведомства с четко определенными функциями, порядком продвижения бумаг. Кортесы в Толедо приняли строгие уставы канцелярского благочиния, но тут же появились лазейки для крючкотворов, системы согласо-

ваний, отзывов, отписок, резолюций должностных лиц. Мудрая бюрократическая система завязла в порожденном ею демократизме. Чиновники старались избежать ответственности, стремились передать дела начальникам, а те под разными предлогами отправляли их назад. За ошибку в судопроизводстве можно было оказаться на костре инквизиции. Такая перспектива уничтожала инициативу государственных служащих.

Вторая причина застоя чиновничьей машины объяснялась поведением государей. Они могли в любой день вернуться в Кордову и переехать со всем двором в соседний город. Какие тут дела, если не знаешь, где вечером заночуешь? Не дай Господи потерять документы при переезде из походного стана в другой! Пусть лучше они лежат тщательно упакованными в сундуках, ждут зимы, когда королевский табор осядет до весны.

Не подумайте, будто Королевский совет бездействовал, ведомства отдыхали, чиновники не работали. Отнюдь нет. Колесики государственного механизма крутились, скрипели, создавали видимость серьезного дела.

Главная забота монархов – сухопутная армия. Тысячи обнищавших рыцарей собрались под знамена Кастилии и Арагона. Страна очистилась от хозяйничавших на дорогах разбойников. Под предлогом войны с маврами ввели новые налоги. Недовольные сень оры и города не отважились раскрыть рта в защиту своих прав. Расплодились суды инквизи-

ции, разросся штат доносчиков, получавших за каждого еретика долю в его наследстве. Восемь сот тысяч «новых христиан» Кастилии и двести тысяч арагонцев боялись выйти на улицы. «Старые христиане» чувствовали себя не лучше, ведь никто не отменил 307 признаков неблагонадежности, по которым человека могли призвать к суду.

Затяжная война стимулировала развитие торговли и ремесел, возродила сырьевые промыслы. Отвоеванные в Гранаде богатые плодородные области вошли в земельный оборот. Возрос престиж королей и двуединой державы.

В Кордове Колумб узнал, что попасть на прием к испанским властителям значительно труднее, чем к португальскому монарху. Бюрократические законы уничтожили право прямого обращения к правителю. Просителю полагалось обратиться в одно из министерств, получить отзыв по своему делу, рекомендацию для аудиенции в Королевском совете. Формально это мог сделать каждый человек, а реально такие «пропуска» давались крайне редко. Получив дозволение на встречу с королем, проситель не имел гарантии, что дело будет решено. Испанские монархи только выслушивали посетителей и направляли бумаги в вышестоящие инстанции или возвращали туда, откуда они пришли. Человеку приходилось заново добиваться рассмотрения вопроса, писать прошения и прочее, прочее...

Познакомившись с механизмом бюрократической мельницы, Колумб отправился на розыски друзей и покровите-

лей Марчены. Настоятель Рабиды не предвидел ситуации в Кордове, не знал, что его знакомые заняты делами в других городах. Главный счетовод Кастилии Алонсо де Кинтанилья, исполнявший функции министра финансов, находился в Вальядолиде, где на правах вице-короля управлял северными землями. Духовник Фердинанда и Изабеллы, Эрнандо де Талавера жил в Кордове, но никого не принимал. Половина членов Королевского совета отсутствовала, вторая часть (не более десятка человек) почти не занималась государственными делами.

Первые месяцы Колумб безуспешно обходил высоких сановников. Члены совета вежливо слушали симпатичного молодого моряка, с умным видом смотрели на карты и математические расчеты, задавали вопросы, от которых Христофор приходил в уныние. «Как вы собираетесь переплыть с одной стороны Земли на другую? Разве это не противоречит географической науке?» Колумб терпеливо объяснял чиновникам сущность экспедиции, а ему возражали: «Спустившись на юг, вы не вернетесь назад, ведь придется подниматься в гору!» Так в обыденном сознании людей представлялась шарообразность земли.

В начале осени Христофор добился свидания с Талаверой. Священнику исполнилось 57 лет. Предки Талаверы исповедовали иудаизм, отчего по меркам инквизиции он годился для костра, однако никто не осмелился поднять руку на духовника королевы. В юности Талавера изучал богосло-

вие в Саламанке, затем вступил в орден иеронимитов, стал настоятелем монастыря в селении Прадо, близ Вальядолида. Готовившаяся к захвату престола Изабелла часто посещала монастырь, советовалась с Талаверой. Наследник иудеев ратовал за искоренение ересей, выступал за чистоту религии.

Воцарившись на троне, Изабелла приблизила Талаверу. С тех пор он неотлучно следовал за госпожой. В 1479–1481 годах священник ездил в Португалию чрезвычайным послом, знал о морских делах Жуана II. Духовник поражал современников знаниями богословия и права, слыл авторитетом в этих областях. Особым уважением пользовался его образ жизни. Он подавал мирянам пример воздержания, ненавидел стяжателей и лиходеес. Когда Изабелла ввела в Кастилии инквизицию, Талавера не осудил ее, но остался в стороне от нового дела. Он не был фанатиком, чем отличался от многих прелатов. В августе 1485 года духовник получил сан епископа города Авилы.

* * *

Талавера принял Колумба в патио низкого домика, расположенного в центре города. День клонился к вечеру. Густая тень скрывала под навесом кресло священника. Аромат роз смешивался с запахом сырой земли.

Талавера прочитал послание францисканца, отложил бумагу в сторону, посмотрел на итальянца.

– Брат Антонио написал, что у вас есть план достижения Индий западным путем? – спросил он слабым невыразительным голосом.

– Да, ваше преосвященство, – ответил гость.

– В чем его суть?

– Основываясь на Библии, я провел математические вычисления, определил протяженность Малого моря, – тактично заметил Колумб.

Священник чуть усмехнулся, отчего капитан понял, что говорит с образованным человеком.

– Пророк Ездра сказал о строении Земли, – продолжил Христофор: «В третий день Ты (Господи) велел водам собраться на седьмой части земли, а шесть частей осушил, чтобы они служили пред Тобой к обсеменению и обработке» (*Ездр. III, 6, 42*). Я взял за исходное утверждение Ездры о протяженности земли, подсчитал длину мирового океана. Она оказалась... – гость назвал цифру.

– За всю свою жизнь Ездра только два раза прошел из Вавилона в Иерусалим и не видел моря, – сухо заметил священник.

– Вы хотите сказать, что утверждение пророка не от Бога? – догадался капитан.

– Я ничего не хочу сказать, я слушаю вас, – одернул итальянца Талавера. – Если вы укажете мне место в священном Писании, где Господь говорит о протяженности морей и океанов, буду вам благодарен.

– В Библии нет такой главы, – растерялся Колумб.

– Почему же вы уверены, что правильно определили размер Атлантического океана?

– Я думал, утверждение Ездры имеет очень большое значение.

– Для кого?

– Для Церкви.

– Несомненно. Однако из этого не следует, что его нужно перекладывать на сухопутные мили и морские лиги.

– Тогда начнем с Птолемея, – предложил Колумб.

Священник согласно кивнул. Гость изложил ему историю развития географических представлений о протяженности мирового океана.

– Последние вычисления португальского космографа Жозе Визиньо, сделанные весной этого года у берегов Гвинеи, подтверждают истинность расчетов Альфаргана, – закончил Колумб. – Длина градуса составляет $56\frac{2}{3}$ мили, а протяженность Атлантического океана – не более тысячи лиг¹⁸.

– Вы сказали, что море в западном направлении изучено на 600 лиг? – уточнил Талавера.

– Да, ваше преосвященство.

– Значит, осталось 400 лиг?

– Совершенно верно.

– Вы хотите пройти их на трех судах с командой в сотню человек?

¹⁸ 1 испанская лига – 6 км.

– Я готов достичь берегов Индии! – воскликнул Колумб.

– Почему португальцы не приняли ваше предложение?

– Королю показалось, будто я слишком много прошу за него. Жуан послал каравеллу в океан проверить мое утверждение. Она попала в шторм и вернулась в Лиссабон.

– Печально, – вздохнул Талавера. – Вас обокрали. Колумб опустил голову.

– Что вам надо от меня? – спросил священник.

– Соболаговолите устроить мне встречу с королем и королевой!

– Не сейчас, – отмахнулся от итальянца Талавера. – Разве вы не видите, что Их Величества заняты важными делами. В Гранаде идет война, а вы просите денег на три корабля!

– Я понимаю ваши возражения, – приуныл Колумб. – Я надеялся, что мой проект обогатит казну, иначе бы не осмелился отнимать у вас драгоценное время. Вспомните о кораблях Соломона, они сделали его богачейшим из царей! «Однажды Соломону принесли из путешествия 166 кинталов золота. Он приказал изготовить из него 200 копий и 300 щитов, покрыть золотом спинку трона, украсить ее драгоценными камнями. Давид отказал по своему завещанию три тысячи кинталов индийского золота Соломону для постройки храма»¹⁹. Представьте огромное количество богатств, и у вас исчезнут сомнения!

¹⁹ Цитируется по письму Колумба к Изабелле и Фердинанду с Ямайки 7 июля 1503 г.

– Они всегда есть, – прервал хозяин гостя. – Ждите благоприятного случая. Возможно, я помогу вам поговорить с Их Величествами.

– Вам понравился мой проект? – обрадовался Колумб.

– Ждите и молитесь Всевышнему! – сухо повторил священник.

* * *

Талавера слыл разумным человеком, лучше Колумба знал Священное писание, где говорится о кораблях Соломона:

«Царь Соломон сделал корабль в Ецион-Гавере, что при Елафе на берегу Черного (Красного) моря в земле Идумейской. Хирам послал на корабли своих подданных корабельщиков, знающих море; они отправились с подданными Соломона в Офир, взяли оттуда золота четыреста двадцать талантов²⁰ и привезли царю Соломону»

(3 Цар. 9, 27–28).

«Корабль Хирамов, привозивший золото из Офира, привез великое множество красного дерева и драгоценных камней»

(Там же. 10, 11).

«В золоте, ежегодно приходившем к Соломону,

²⁰ Талант – самая крупная денежно-счетная единица и мера веса драгоценных металлов в странах Малой Азии, равная 25,5 кг.

было весу шестьсот шестьдесят шесть золотых талантов»

(Там же. 10, 14).

«У царя был на море Фарсисский корабль с кораблем Хирамовым. Раз в три года Фарсисский корабль привозил золото, серебро, слоновую кость, обезьян, павлинов»

(Там же. 10, 22).

Читал Талавера и труды древнееврейского историка Иосифа Флавия (37-100 г. н. э.), подтверждавшего истинность слов о морской торговле Соломона:

«Царь велел построить в египетском заливе и в одной бухте Чермного моря по имени Гисионгавел недалеко от города Эланы (идумейского порта в восточном углу Аравийского залива), который теперь носит название Береники, множество судов. Вся местность принадлежала в те времена евреям. При постройке судов Соломон получил соответствующий подарок от тирского царя Хирама, пославшего ему опытных, способных в морском деле кормчих и моряков. Он приказал этим людям вместе с его собственными уполномоченными отправиться в плавание в страну, называвшуюся в древности Софиром, а теперь Золотой страной (она находится в Индии), привезти оттуда золота. Подданные действительно собрали там около четырехсот талантов золота и вернулись к царю»²¹.

²¹ Флавий И. Иудейские древности. I, VIII, 6, 4.

«В Тарсийском море²² у Соломона имелось множество кораблей, назначение которых состояло в том, чтобы вести разнообразнейшую торговлю с отдаленными народами, у которых закупались серебро, золото, слоновая кость, эфиопы (чернокожие рабы), обезьяны. Продолжительность плавания корабля, начиная с момента отплытия до возвращения на родину, доходила до трех лет».²³

Нетрудно подсчитать, что один корабль из Офира привез Соломону 20 т. золота. Колумб знал, чем смутить душу исповедника монархов. Для облегчения счета он перевел еврейские таланты в испанские кинталы.

Талавера не был жадным человеком, считал интересы правителей главными в своих делах. Он не дал гостю положительного ответа, но и не отверг его предложение. Это обнадежило итальянца, он стал ждать возвращения Изабеллы и Фердинанда из Гранады.

Тем временем младший брат Колумба Бартоломео прибыл в Англию. Некоторые ученые считают, будто Христофор сам ездил ко двору Генриха VII, другие вообще отрицают связь братьев в тот период с англичанами. Моряки северно-

²² Залив на берегу Средиземного моря вблизи устья Кидна, где стоял знаменитый Тарс, родина апостола Павла.

²³ Флавий И. Иудейские древности. I, VIII, 7, 2.

го королевства осваивали прибрежные воды, ходили на север и на запад, но не отваживались искать пути в богатые восточные страны. Английские географы и мореходы знали о шарообразности Земли, о том, что по воде можно попасть в любую страну. Вот только как это сделать? Идея итальянца вызвала у них сомнения.

Бартоломео привез расчеты брата, доказательства малой протяженности Атлантического океана. Ничего нового в этом не было. Взгляды Аристотеля на строение Земли пропагандировал в Англии францисканский монах, профессор Оксфордского университета Роджер Бэкон (1214–1292), автор «Большого сочинения» – энциклопедии научных знаний эпохи поздней схоластики. За свои естественнонаучные воззрения великий ученый провел в заключении четырнадцать лет. В четвертой части «Большого сочинения» Бэкон помещает трактат о географии. Следуя Аристотелю и римскому энциклопедисту Плинию Старшему (23–79), арабским ученым, Бэкон считает бесспорной шарообразность Земли, вслед за античными мужами признает пять тепловых поясов, из которых один жаркий и два холодных – необитаемы. Бэкон разделял заблуждение Плиния, что Европа является самой большой частью света, занимающей $\frac{5}{12}$ поверхности Земли, а территория Индии, равная $\frac{1}{3}$ населенной суши, приближается на западе к Европе и Африке. Бэкон пользовался размерами земного шара, полученными арабскими астрономами в 827 году в Дамасской обсерватории.

По их подсчетам дуга меридиана в один градус составила $56\frac{2}{3}$ арабской мили (110 488 м), что близко к истине. В работе обсерватории принимал участие узбек Ахмед ибн Мухаммед ибн Касир ал-Фаргани, называемый в Европе Альфарганом, или Ал-Хорезми. Колумб воспользовался его цифрами, но из-за пересчета на итальянские мили, получил 30 024 км вместо 40 009 км.

Опираясь на труды Аристотеля и Сенеки, Бэкон познакомил западноевропейскую науку с античной идеей близости восточных окраин Азии с западными берегами Европы и Африки. Пьер де Айи изложил эти мысли в сочинении «Образ мира» – любимой книге Христофора.

Бартоломео привез в Англию старые идеи с неправильными расчетами, на что ему сразу указали космографы. Англичане не приняли и способ пересечения океана. Братья Колумбы предлагали плыть строго на запад по широте Канарских островов. По мнению англичан, это значительно увеличивало протяженность пути, ставило страну в неловкое положение по отношению к южным соседям. Испания с Португалией в Алькасовасе поделили те воды, не пускали в них соперников.

Это были не главные причины отказа короля Генриха VII в поддержке Колумбам. Они опоздали с идеей пересечения Атлантики, их опередили другие капитаны. Да, дорогой читатель, приготовься узнать чрезвычайно интересные вещи!

Антилию, Бразилию, Землю десяти городов, Землю Брен-

дана искали на протяжении многих лет. Большинство экспедиций остались неизвестными. Современники знали о них, но записи не сохранились. И все же, мы имеем точные сведения, что в июле 1480 года, когда Христофор жил на острове Порту-Санту, английские купцы снарядили экспедицию на запад под командой «самого опытного моряка» Ллойда и отправили в океан. Через два года Уильям Уорчестер из Бристоля написал книгу с описанием южной и западной Англии. В ней говорится, как Ллойд искал остров Бразил. Десять недель бесстрашный капитан боролся с непогодой и штормами, но из-за нехватки продовольствия вернулся на родину. Неудача Ллойда задержала дальнейшее исследование океана. Когда Джон Кабот предложил Генриху VII план своей экспедиции в Индию, король отказал ему.

Настоящее имя Джона Кабота – Джованни Кабото. Он родился в Генуе в 1450 году. С ранних лет юношу увлекли торговля и морские науки. Молодой человек в совершенстве познал географию, искусство кораблевождения, вероятно, встречался с Паоло Тосканелли, потому что перенял его представления о распределении суши и моря на земной поверхности. Кабото женился на богатой венецианке и в 1478 году получил венецианское гражданство. Он много путешествовал, посетил Мекку, выведал у купцов караванные тропы и пути поступления из дальних стран пряностей на побережье. Видимо, уже тогда, независимо от Колумба, у него сложился план достижения Индии западным путем.

В 1484 году капитан предлагает Генриху VII проект пересечения Атлантики. Колумб сделал это в Португалии в конце 1483 года или в начале следующего. В отличие от генуэзца, Джон Кабот, так он именовал себя на английский лад, собирался начать путешествие не от африканского побережья, где Полярная звезда находится почти строго на севере, отчего ориентироваться по ней легче, а из Северной Ирландии, использовать течения, описанные викингami и монахами святого Брендана. Кабот полагал, что в средние века ирландские моряки на легких двухмачтовых судах, обшитых кожей морских животных, ходили в дальние страны, посещали Азию, о чем сохранили легенды. Мы не знаем, откуда он узнал об этом в Венеции. Возможно, Кабот раньше плавал в Англию по торговым делам или использовал легенду о своих соотечественниках, братьях Дзено. Тут мы подошли еще к одной тайне освоения Атлантики.

В 1558 году в Венеции вышла книга о событиях конца XIV века. На основании подлинных документов, якобы уничтоженных самим автором, когда он был несмышленным ребенком, описывается путешествие его предка в Англию. По пути на север в 1390 году корабль Николо Дзено попал в шторм, носился по океану, потерпел крушение у неизвестных берегов Фрисландии (Фарерские острова). Там венецианец пережил массу приключений, познакомился с правителем, поступил к нему на службу капитаном и совершил плавание в северных водах. В 1392 году к нему присоединился

родной брат Антонио. Через четыре года Николо умер из-за непривычно холодного климата, вероятно, от воспаления легких, а его брат после гибели правителя вернулся домой и написал книгу о путешествиях через океан, которую уничтожит его потомок, но затем по кусочкам восстановит семейные воспоминания. На протяжении двух веков ученые не воспринимали эту книгу всерьез, но затем нашли подтверждения истинности описанных событий.²⁴ Если венецианцы действительно путешествовали через Атлантику, то память об их необычной службе и открытиях должна была сохраниться в городе, где Джон Кабот нашел невесту, а потом стал гражданином республики. Через четыре года после встречи с Генрихом VII, семья Кабота переедет в Англию, освоится на новом месте. В 1488 году Джон поступит на королевскую службу, организует в Бристоле торговую компанию.

²⁴ См. более подробно о путешествиях братьев Дзено в кн.: Рамсей Р. Открытия, которых никогда не было. М.: Прогресс, 1977.

Глава VI

Комиссия Талаверы

В середине октября королевская чета возвратилась в Кордову. Военные действия в Гранаде прекратились до весны, монархи вспомнили о гражданских делах. Не успев познакомиться с накопившимися документами, Фердинанд и Изабелла в конце месяца перебрались в Новую Кастилию, в захолустный городок Алькала-де-Эрнандес, расположенный близ Мадрида. Здесь Их Величества сочли удобным рассмотреть список просителей, распределить их по приемным дням. Королевский совет заседал по пятницам, Колумбу выпала честь получить приглашение на 20 января 1486 года. Протекция Марчены и Талаверы позволила Христофору в пятимесячный срок попасть во дворец.

Низкий дом с толстыми стенами и узкими окнами можно было лишь условно назвать «дворцом», но это не смущало правителей. Они привыкли к кочевому образу жизни, чувствовали себя свободно в любом помещении. За ними возили мебель, ковры, картины, драпировки, украшавшие то низкие, то высокие комнаты просторных и тесных домов. В замках и городах супруги пользовались своими вещами, ели из любимой посуды и не ощущали себя гостями в незнакомом краю. Королевские слуги за несколько часов приспособливали христианские и мавританские дворцы к вкусам гос-

под.

В пустой зале с флагами и гербами монархов, на помосте поставили два одинаковых высоких трона, в четырех шагах от них положили подколенную подушечку для просителей. В положенный час члены совета выстроились полукругом слева и справа от кресел, тихо переговаривались в ожидании правителей. Супружеская чета явилась с опозданием. Тридцатидвухлетний Фердинанда и тридцатичетырехлетняя Изабелла имели темные волосы, овальной формы лица с чуть одутловатыми щеками и крупными прямыми носами. Синие лучистые глаза и мягкая улыбка королевы производили на подданных приятное впечатление, карие глаза короля холодно пронзали просителей. Губы и подбородок Изабеллы были тоньше, чем у Фердинанда. У короля выделялись мощная шея и широкий лоб. Супруги одевались в парные просторные платья с широкими рукавами, сшитые из одного куска венецианской ткани с орнаментом из цветов. На плечах Фердинанда висела массивная золотая цепь, опускавшаяся до живота; грудь Изабеллы украшал медальон с драгоценными камнями. Голову короля прикрывал бархатный берет, у королевы на макушке висела повязка. Супруги выглядели не лучше подданных, но держались с большим достоинством.

Колумба провели в залу, где глашатай представил его Их Величествам. Христофор облобызал монархам руки, смиренно опустился на приготовленную подушечку. В соответствии с правилами дворцового этикета, просителям полага-

лось на коленях беседовать с правителями.

– Какое дело привело вас сюда? – спросил король, разглядывая рослого капитана в скромном наряде, отличавшемся спокойными тонами и простыми линиями.

– Желание оказать значительные услуги Вашим Величествам, – взволнованно промолвил Колумб.

– В чем они выражаются? – безразличным тоном задавал обыденные вопросы Фердинанд.

– В стремлении проложить дорогу к Азии через Атлантический океан.

– Вы считаете это возможным? – усмехнулся король.

– Да, Ваше Величество. Я принес расчеты с точной картой Малого моря.

– Откуда они у вас?

– Из Венеции от сеньора Тосканелли.

Супруги переглянулись.

– Вы знакомы с ним?

– Он выслал мне копию карты, предназначенной в дар португальскому королю Афонсу V.

– Что в ней?

– Истинное расстояние от Канарских островов до Индии с указанием опорных баз.

– Покажите! – заинтересовался король.

Колумб передал ему расцвеченный дорогими красками пергаментный свиток с картой мира (mapamundi), воплотившей представления современников о географии Зем-

ли. Красной линией Христофор обозначил предполагаемый маршрут.

Супружеская чета посмотрела на очертания материков, оценила искусную работу картографа, передала свиток членам совета.

– Расскажите подробнее о ваших планах, – велел Фердинанд.

Творение великого итальянца не произвело на него сильного впечатления. Сколько таких карт с неизвестными землями видели монархи!

На сей раз Колумб начал не с пророка Ездры, а с античных ученых, с их воззрений на протяженность морей и океанов. Христофор сопровождал рассказ ссылками на астрономические наблюдения, арабские математические вычисления, высказывания современных космографов. Король с королевой молча слушали его, ждали окончания повествования. По равнодушным лицам монархов Колумб видел, что идея пересечения Атлантики не увлекла их. Иные заботы волновали Фердинанда с Изабеллой. Как ни старался Колумб доказать быструю окупаемость затрат на подготовку экспедиции и высокую доходность задуманного предприятия, правители не спешили с ответом.

– Вы закончили? – тихо спросил утомленный король.

– Да, Ваше Величество.

– Что скажут члены совета? – обратился Фердинанд к окружающим помост законникам.

Треть членов совета отсутствовала. Находившиеся в зале придворные скептически покачивали головами.

– Если все так просто, как говорит сеньор капитан, то почему Жуан Португальский не дал ему корабли? – воскликнул невзрачный старичок в темном одеянии.

– Жуан занят делами в Африке, – пояснил Христофор. – В Гвинейском заливе, на Золотом берегу, португальцы обнаружили залежи драгоценного металла. Все силы страны направлены на колонизацию туземцев. В 1484 году Жуан принял титул повелителя Гвинеи (*Guineae dominus*), приказал изменить свой герб. Сейчас из Южной Африки возвращается в Лиссабон экспедиция Дього Кана с немецким географом Мартином Бехаймом, способным подтвердить мои слова относительно западного пути в Индию. Дорога вокруг Африки намного длиннее прямого пути через океан. Когда-нибудь португальцы поймут это и обратят взоры за Канарские острова.

– Я иного мнения о короле Жуане и этом капитане! – высомерно заметил старик.

– Я тоже не верю ему, – кивнул на просителя сосед.

– Мы не можем отвлекать средства от насущных проблем! – загудели законники.

– Кто способен доказать, что карта капитана подлинная? Кто поручится за него?

– Пообещать можно все, но каков результат?

– Не верьте ему, Ваше Величество!

Фердинанд слушал придворных, поглядывал на жену, ждал случая прервать осмеяние проекта. Изабелла безучастно смотрела на просителя.

– Это походит на склоку, – вздохнул с сожалением король. Королева брезгливо поморщилась, кивнула в ответ.

– Прошу членов совета определенно высказать возражения! – предложил Фердинанд.

Законники умолкли, начали по одному выступать против Колумба.

– Члены Совета не одобряют предложение сеньора Кристобаля Колона (так в Испании называли мореплавателя) по двум причинам, – подвел итог Фердинанд. – Первая заключается в несвоевременности организации морских экспедиций в дальние страны, вторая – вызывает сомнения возможность достижения западным путем Азиатского материка.

– Совершенно верно, – вставил старик, первым возразивший Колумбу.

Фердинанд недовольно взглянул на него.

– Что ответит Кристобаль Колон? – продолжил король.

– Я прошу лишь об одной милости, – сказал удрученный Христофор: – Позвольте вашему доверенному лицу, сведущему в космографии, рассмотреть проект, сделать заключение.

– Мы подумаем об этом, – согласился король и посмотрел на жену. Изабелла не возразила.

– Ступайте, капитан! Если возникнет необходимость, вас

вызовут второй раз.

С тяжелым чувством Колумб вышел из залы. Ему казалось, будто он напрасно потерял полгода на ожидание встречи с монархами.

Теперь судьба похода зависела от человека, которому королевская чета поручит изучить планы мореплавателя. Предлагая Фердинанду такой вариант, Христофор не предполагал, что судьба преподнесет ему неожиданный приятный сюрприз. В работе испанского бюрократического механизма имелись не только минусы, но и плюсы. Выпроводив просителя ни с чем, монархи вспомнили красочный рассказ Талаверы о несметных сокровищах Соломона, о ходатайствовавшем за капитана францисканском монахе, и поручили ему сделать заключение по поводу предложения Колумба. Антонио де Марчена хорошо знал астрономию с географией, мог выступить в качестве эксперта. Важен и тот факт, что кустодий францисканского ордена был доверенным лицом супругов, их исповедником.

Через месяц, 20 февраля 1486 года, королевский двор переехал в Мадрид. Город вырос в центре Пиренейского полуострова на безлесном плато, по которому протекает река Мансанарес. С севера плоскогорье окаймлено хребтом Сьерра-де-Гвадаррама. Мадрид был главным городом области Новая Кастилия. Город сформировался вокруг мавританской крепости Маджирит, упомянутой исторической хроникой в 932 году. Спустя сто пятьдесят лет ее завоевали испанцы и начали перестраивать город. Облик Мадри-

да определили три площади с расходящимися от них улицами. Неподалеку от Пласа-Пуэрта-дель-Соль возвышалась столетняя башня Торре-де-Сан-Николас. На другом конце города с 1464 года строилась церковь Сан-Херонимо-эль-Реаль. В поздние времена Мадрид служил резиденцией испанских королей. В те дни он был пыльным городом с грязными улицами, шумными базарами на площадях. Монархи задержались в нем на неделю, после чего отправились путешествовать по Кастилии и до 7 ноября 1486 года посетили 42 (!) населенных пункта. Этой недели хватило для принятия решений, сыгравших важную роль в жизни Колумба.

24 февраля Марчена в Мадриде получил аудиенцию у королевской четы. Не стоит говорить, с каким жаром францисканец защищал план гемуэста, как объяснял монархам значение арабских математических расчетов, доводы современных ученых о протяженности Атлантического океана, доказывал выгоду торговли с азиатскими странами. Кустодий францисканцев понимал, что Испания напрасно теряет годы, уступает свои позиции в конкурентной борьбе с Португалией. Объяснял творцам Супремы, что инквизиция не будет служить постоянным источником пополнения казны, нужно искать иные доходы, ведь страна не богатеет от перераспределения ценностей.

Марчена заронил в души Изабеллы и Фердинанда надежду на открытие новых земель, кои обогатят Испанию. Если бы не война с Гранадой, сложное экономическое положение

внутри страны, правители последовали бы совету духовника, снарядили экспедицию в Атлантику, но существовали причины, по которым они не могли самовольно и безрассудно тратить большие деньги. Создавая абсолютистское государство, монархи дорожили мнением народа, стремились сохранить видимость демократии времен реконкисты. Для принятия решения о финансировании похода в Азию, следовало обосновать истинность утверждений итальянца, склонить общественное мнение на его сторону. Для этого Марчена предложил создать комиссию ученых, юристов, представителей Церкви под председательством испытанного сторонника королевских реформ Эрнандо де Талаверы. Идея францисканца понравилась супругам, они отпустили кустодия в Севилью, а епископ Авилы получил приказ приготовить список угодных ему лиц для рассмотрения проекта.

Эрнандо де Талавера равнодушно относился к планам генуэзца. Назначение главою комиссии не обрадовало его. Оно сулило кучу хлопот, большую ответственность. Талавера полагал, будто взвалил заботы о Колумбе на плечи Марчены, а тот переложил на него право принять решение. Иначе быть не могло: Талавера занимал важное положение при дворе, имел опыт дипломатической работы, пользовался авторитетом солидных людей. Слово Талаверы значило больше мнения Марчены. Епископ составил список, предложил его на утверждение монархам. Весной комиссия приступила к работе.

История не сохранила имен вошедших в комиссию географов и законников. Заместителем и помощником священника назначили искусного юриста и дипломата Родриго де Мальдонадо, принимавшего участие в сложных переговорах с португальцами в Алькасовасе. Результатом деятельности Мальдонадо явился раздел зон мореплавания между двумя соседними странами. Кастилии отошли воды и земли, находящиеся на широте Канарских островов и севернее их. Португалии – южные области Земли.

– В чьей зоне мореплавания лежит азиатский материк? – спросил Мальдонадо на встречи с Колумбом.

– В кастильской, – ответил Христофор.

По голосу капитана дипломат понял, что он сомневается в правильности утверждения.

– Это надо проверить и обосновать наши права на индийские земли! – посоветовал правовед.

Легко сказать: «проверить и обосновать», но как это сделать? Подтасовывать факты? Даже поверхностное знакомство с азиатскими странами показывает, что они расположены в португальской зоне. Прошло шесть лет после переговоров в Алькасовасе, а достигнутое с трудом соглашение уже устарело. Что делать? В Португалии этот вопрос не возникал, в Испании стал чрезвычайно важным. В 1479 году закончилась четырехлетняя война с португальцами, не начинать же ее вновь из-за Колумба?!

В конце февраля королевская чета покинула Мадрид, от-

правилась в поход по Кастилии. Придворные всех рангов и чинов последовали за ней. Обоз колесил по стране, задерживался на несколько дней в городах и деревнях. Толпы просителей спешили за ним в надежде благополучно закончить дела, скорее вернуться домой. Комиссии не заседали, ведомства не работали. Фердинанд с Изабеллой осматривали королевство, беседовали с людьми, учреждали должности, собирали средства для войны. Правители знакомились с нуждами страны, проверяли работу чиновников, наводили порядок в захолустных городах. Это было бы хорошо, если бы с весны до осени не приостанавливались текущие дела.

Колумб следовал за супружеской четой. В любой момент комиссия Талаверы в какой-нибудь деревушке могла надумать вызвать капитана для беседы, попросить ответить на возникший вопрос. Христофор был бы рад хоть каждый день общаться с коллегами Мальдонадо, да вот беда – никто не интересуется им. Проходит месяц за месяцем, караван повозок колесит по Кастилии. Едут рыцари на лошадях, бредут пешком обнищавшие просители, тешит себя надеждой будущий великий мореплаватель.

* * *

Когда Колумб ждал встречи с Талаверой, в июле 1486 года Жуан II в Лиссабоне заключил с капитаном-донаторием азорского острова Тейшейра Фернаном де Ульмой и жите-

лем Мадейры Афонсо ди Эштрейто соглашение, предоставил им право отправиться на запад по Атлантическому океану на поиски таинственного Острова семи городов. Португальский король заранее подарил его капитану с правом передачи по наследству.

Через одиннадцать дней после утверждения документа, подписали дополнительное соглашение, закрепляющее за вторым участником похода половину всех еще не открытых земель. Афонсо ди Эштрейто был обязан в сорокадневный срок указать путь к их берегам. Последний пункт вызывает особое удивление. Откуда Афонсо ди Эштрейто знал дорогу к новым землям?

У историков нет сведений об этой экспедиции. Вероятно, как предыдущий поход под руководством сына Кортериала, она потерпела поражение или не вышла в океан. Филип Парэр говорит, что она бесследно исчезла в водах Атлантики.²⁵

Чарльз Верлинден считал, что капитан-донаторий Фернан де Ульма (Дульма) был фламандцем, имевший на родине имя Фердинанда ван Ольмена. Вместе с Эштрейто он за собственный счет снарядил два корабля, как делали в то время большинство португальцев, за что получил от Жуана привилегию на исследование западной части Атлантики. Ульмо обещал королю за сорок дней пересечь океан, высадиться на неизвестной земле, которую по традиции называл Островом семи городов. Капитаны взяли продовольствия на шесть ме-

²⁵ Парэр Ф. Открытие Америки. М.: Олма-Пресс, 1999. С. 39.

сяцев, но выбрали для путешествия плохое время года.²⁶

В те дни эскадра Дього Кана и Мартина Бехайма плыла от экватора на юг вдоль африканского побережья. Она имела иную задачу – достичь оконечности континента. Португальцы думали, будто желанная цель близка. Корабли миновали Гвинейский залив, прошли побережье Анголы, салютовали последнему (второму) падрану предыдущей экспедицией, углубились в неведомые зоны. Они достигли двадцать первого градуса южной широты, спустились еще ниже двадцать второй параллели и воздвигли на мысе Кросс третий падран. Кан открыл за экватором побережье континента протяженностью в двадцать два градуса, до пустынной области Намиб. Оставалось совсем чуть-чуть до осуществления заветной цели.

Длительное путешествие подорвало здоровье капитана. Он захворал. Команда страдала неизвестной болезнью, люди умирали. Заканчивалось продовольствие. Кан отдал приказ прекратить движение. Прервав плавание, капитан лишил себя славы первооткрывателя южной оконечности Африки и ворот в Индийский океан. Плохое самочувствие заставило Кана вернуться на родину. На обратном пути капитан посетил властителя Конго, гостил у него в столице, привез в Лиссабон королевского посланника Касуту с экзотической свитой. По одной версии Кан достиг Лиссабона, по другой –

²⁶ Верлинден Ч. Матис Г Покорители Америки. Ростов н/Д.: Феникс, 1997. С. 21–22.

умер в пути. Последнее предположение более вероятно. Слава обошла стороной отважного капитана. Король не говорил о нем, Бехайм не упоминал имени Кана.

После возвращения экспедиции, португальцы начали готовить следующий поход за экватор. Выбор пал на соратника Кана Бартоломеу Диаша, выходца из знаменитой семьи мореплавателей принца Энрике, открывших мыс Бохадор и Зеленый Мыс. Молодой торговец и капитан, плававший в Африку под командой Азамбужа, за пять лет сделал хорошую карьеру, получил в Лиссабоне должность главного инспектора королевских товарных складов. Этот факт свидетельствовал о незаурядных способностях Диаша.

* * *

Наступила золотая осень. С полей убрали хлеб, залили в чаны молодое вино. Опустели сады, пожелтели листья на деревьях. Небо наполнилось голубизной, воздух по утрам стал свеж и прохладен. Королевская чета закончила инспекцию Кастилии 7 ноября 1486 года прибыла на зиму в красивейший город Испании – Саламанку.

Саламанка основана в V в. до н. э. на правом берегу реки Тормес. В городе сохранились романские церкви XII века Сан-Кристобаль, Сан-Маркос, Сан-Мартин и массивный старый собор. Дома в Саламанке сложены из теплого золотистого песчаника, отчего центр города выглядит уютным

и чистым. Саламанка славилась университетом, просвещенные люди называли ее «Иберийскими Афинами».

Колумб приехал в Саламанку в составе королевского обоза и по селился в доминиканском монастыре святого Стефана. Монастыри служили источником распространения знаний. Любознательные люди вместе с монахами постигали науки.

Присутствие в городе университета наложило отпечаток на характер интересов монастырской братии. Она знала астрономию и географию, любила поговорить на темы, волновавшие воображение современников. Христофор нашел здесь единомышленников. К сожалению, монахи не имели влияния на комиссию Талаверы, не могли помочь итальянцу.

Комиссия епископа заседала в Саламанке несколько раз. Трудно поверить Фернандо Колону и Лас Касасу, будто законники выдвигали против проекта Колумба смехотворные возражения. Сын мореплавателя и его биограф утверждали, будто коллеги сеньора Мальдонадо заявили Христофору, что тысячи лет прошли с дней сотворения мира, но никто не говорил о западном пути в Индию. Отсюда следовал нелепый вывод: нельзя допустить, будто Колумб умнее ученых и капитанов всех веков и народов. Вероятно, это сказал в пылу полемики обиженный член комиссии Талаверы, не выражавший общего мнения географов и правоведов. Богословы тоже внесли свой вклад в список замечаний иноземному просителю, напомнили о святом Августине, считавшим недопу-

стимым существование на Земле антиподов и проникновения из одного полушария в другое. При этом они забыли, что Церковь признала теорию шарообразности Земли в XIII столетии, а святой Августин (354—430) жил на тысячу лет раньше. Последователи Августина говорили, будто Колумбу или иному капитану, дерзнувшему отправиться в западном направлении, придется сначала спуститься вниз, затем во втором полушарии все время подниматься в гору. Приспособленные к плаванию по ровной поверхности корабли не справятся с маршрутом. Эти слова произнес посредственный человек. Серьезные ученые имели более веские доводы против затеи генуэзца. Они утверждали, будто протяженность моря слишком велика, и ни один корабль не вместит необходимого количества продовольствия. Самые важные замечания делились на три категории:

- 1. Несвоевременность осуществления проекта из-за войны с Гранадой.*
- 2. Ошибки в математических расчетах.*
- 3. Спорное положение азиатских земель, способное привести к вой не с соседями.*

Колумб возражал. Ему выдвигали новые аргументы против похода на Запад.

В архиве сохранилось признание Родриго де Мальдонадо, сделанное через девятнадцать лет после работы комиссии. В 1515 году он выступил на суде в качестве свидетеля по делу наследника адмирала, затеявшего тяжбу с королевскими чиновниками:

«Сей свидетель заявил, – записал секретарь суда о сеньоре Мальдонадо, – что он, а также тогдашний приор Прадо (Талавера), ставший затем архиепископом гранадским, и прочие ученые, законоведы, моряки обсуждали с упомянутым адмиралом то, что касалось плавания к названным островам, и все согласились, что утверждения адмирала противоречат истине, но, вопреки мнению большинства членов комиссии, последний упорно настаивал на своем».

Для нас интересно отметить, что, по словам помощника председателя комиссии, не все ученые и юристы отвергали план мореплавателя. «Вопреки мнению большинства...» – сказал Мальдонадо судьям. В комиссии Талаверы имелись сторонники Колумба.

30 января 1487 года Фердинанд с Изабеллой покинули Саламанку, отправились в Кордову, задерживаясь по пути во встречных городах. Трехмесячное заседание комиссии Талаверы не дало результатов. Ученые, юристы, богословы продолжали спорить между собой и с Христофором. Отъезд королевской четы вынудил придворных прервать дискуссии, отправиться вслед за ней. Все говорили о предстоящих военных действиях. Монархи готовили решающее наступление

на важнейший порт Гранады, второй по величине город области – Малагу. Испанцы хотели отрезать ее от моря.

Заканчивался первый год работы комиссии и второй год пребывания Колумба в Испании. До встречи с правителями он жил на личные средства, пожертвования единомышленников. По закону, после учреждения комиссии, Христофору полагалось выплачивать кормовые деньги. В архивах казначейств не сохранились ведомости и расписки капитана за 1486 год. Самая старая платежная ведомость датирована 5 мая 1487 года, за два дня до начала осады Малаги.

«По распоряжению епископа (Талаверы) и по поручению Алонсо де Кинтанильи выдал иноземцу Кристобалью Колону три тысячи мораведи. Вышеозначенное лицо находится здесь при дворе, выполняет нечто полезное для службы Их Высочествам», – пометил в счетной книге казначей Франческо Гонсалес.

Если учесть, что это не единственная выплата в году, то сумма окажется солидной²⁷. Средний ежемесячный доход семьи квалифицированного рабочего или матроса составлял тысячу мораведи. Такую пенсию Христофор впоследствии выплачивал свояченице за воспитание сына. На деньги Колумба можно было купить две отличные коровы, или полтора десятка свиней, или три полных солдатских комплекта

²⁷ Мораведи, или мараведис был старинной мавританской золотой и серебряной монетой. С конца XV века стал медной денежной монетой малого достоинства, равнялся 134 части реала.

лат со шлемами, или один комплект лат с кольчугой для адмирала²⁸.

Через два месяца Христофор получает другое вспомоществование из трех тысяч мораведи, о чем 3 июля делается соответствующая запись. Можно предположить, что и в прошлом году, следуя за комиссией Талаверы, Колумб не умирал от голода. Следует признать, что не материальные заботы томили душу капитана, а волокита с рассмотрением вопроса о судьбе экспедиции.

Я. Свет считает, что изменение в казначейской книге формулировки выплаты денег свидетельствует об окончании работы законников. Летом они вынесли решение по делу капитана. Он уже не совершает «нечто полезное для Их Высочеств», но документ не подписан монархами, и Колумбу дают кормовые деньги.

Осада Малаги, казавшаяся быстрым делом, затянулась до 18 августа. Победа над маврами произвела на Фердинанда с Изабеллой сильное впечатление, они захотели отметить ее приглашением на торжество знаменитых людей. Будущий адмирал оказался среди них. 27 августа казначей Франсиско Гонсалес, по приказу Их Величеств и по поручению епископа, выдал Христофору четыре тысячи мораведисов прогонных денег, «дабы он отправился в ставку».

²⁸ Желаящим подробно познакомиться с уровнем испанских цен советуем обратиться к книге Пауля Ланге «Подобно солнцу... Жизнь Фернана Магеллана и первое кругосветное плавание». М.: Прогресс, 1988. С. 230–235.

Осенью 1487 года Колумб добивается второй встречи с королем и королевой, на которой его знакомят с решением комиссии. Вероятно, из-за войны с Гранадой ученые и правоведы отказались поддержать затею генуэзца. Доказательством тому является отношение монархов к Колумбу. Они отказали в прошении капитану, но оставили его при себе, намекнули на будущие перемены. Чтобы проситель не отчаивался, не уехал искать иных покровителей, Фердинанд с Изабеллой выделили ему в качестве компенсации за хлопоты и пережитые волнения четыре тысячи мораведи.

Полтора года, проведенные при дворе, многому научили Колумба. Он приобрел друзей, сильных покровителей, но они не смогли помочь осуществлению замыслов. Бартоломео вернулся из Англии с неприятным известием об отказе Генриха VII принять на службу безвестного капитана. Представители других дворов тоже не выразили желания вложить деньги в заморскую затею генуэзца. Жуан II тайно отправил в начале мая в сухопутную разведывательную экспедицию Перу ди Ковильяна и Аффонсу ди Пайву. Отважным путешественникам следовало через Суэцкий перешеек, Красное море, Индийский океан проникнуть в Индию, вывести у мусульман, арабов, венецианцев тайны торговли с азиатскими странами, заключить союз против врагов с мифическим христианским пресвитером Иоанном, возглавлявшим процветающую страну где-то на Африканском континенте. В конце августа 1487 года три корабля Бартоломеу Диаша vyplыли

из Лиссабона в Африку. Франция отрицательно восприняла алькасовасское соглашение о разделе зон плавания, но не нашла сил вступить в борьбу за морское владычество. Колумб был не нужен ни Англии, ни Португалии, ни Франции, ни средиземноморским городам-государствам. Ему оставалось ждать, надеяться на свою звезду.

Глава VII

Неудачная попытка примирения с королем Португалии

Осенью 1487 года королевская чета уехала на север. Колумб остался в Кордове. Он хорошо знал город по первой встрече с монархами. В 1485 году Христофор провел здесь шесть месяцев, приобрел знакомых и друзей. В основном они принадлежали к среднему сословию, занимались торговлей, пускали деньги в рост, содержали нотариальные конторы, лечили людей. Особой любовью Колумба пользовалась семья Родриго Энрикеса де Араны, проживавшая за рынком в центре города, на улице Санто-Доминго. Родриго имел многочисленную семью, в которой воспитывалась его осиротевшая девятнадцатилетняя племянница Беатрис.

Девушка родилась в семье мелкого землевладельца, крестьянина Педро Торкемады из деревни Санта-Мария-де-Трасьера, расположенной в пятнадцати километрах от Кордовы. Ее мать, Анна Нуньес де Орана, происходила из зажиточной семьи. Педро умер рано, когда Беатрис была крохотным ребенком. Анна не намного пережила мужа, в пять лет девочка осиротела. Сначала ее взяла на воспитание тетка, потом Беатрис попала в дом двоюродного брата своей матери, Родриго де Араны. Здесь она выросла и похорошела.

По официальной генуэзской версии Колумбу в тот год исполнилось тридцать шесть лет, а по утверждению исповедника и друга адмирала, испанского священника Андреса Бернальдеса – сорок шесть. Христофор сильно постарел. По словам его сына Диего, отец в тридцать лет стал совершенно седым. В этом нет ничего удивительного. Бурная жизнь в юные годы, скитания по морям, потеря жены, трудное материальное положение, безуспешные четырехлетние попытки склонить королей к осуществлению мечты, наложили отпечаток на облик Колумба. Он устал, разочаровался. Иногда Христофору хотелось бросить все, наняться капитаном на торговое или рыбацье судно, но его девиз – «Все или ничего» – заставляет преодолевать неудачи, искать пути выполнения задуманного плана.

Одинокая сирота-бесприданница и пожилой моряк с кучей долгов становятся друзьями. Девушка полюбила Христофора, он увлекся ею. Мне бы разлиться соловьем на десяток страниц и вслед за бес численными романистами описать чудесные вечера в зеленом патио домика Родриго де Араны, страстные ночи влюбленных, да не могу. Прости, читатель, я не верю в истинную любовь, длящуюся не сколько месяцев, не хочу выдумывать образ Беатрис. Мы не знаем ее. Что касается Колумба, то вдовцу внушки молочного брата короля Португалии не подобало жениться на крестьянке. Именитые родственники не простили бы капитану осквернение памяти Фелипы. Он покинет Беатрис до рождения сына. Пусть исто-

рики и литераторы пишут что угодно в оправдание Христофора, для меня его поступок – темное пятно на репутации великого человека. Колумб мог жениться на Беатрис, но не захотел. Настораживает тот факт, что родившийся 15 августа 1488 года Фернандо Колон не вспоминал мать даже на смертном одре. По просьбе отца о ней заботился его старший брат Диего, сын Фелипы.

Исследователи утверждают, будто трудное финансовое положение вынудило Христофора заняться книготорговлей. Книжное дело братьев Колумбов – такая же аксиома, как их генуэзское происхождение. При внимательном изучении биографии мореплавателя, трудно всунуть книжную лавку в какой-нибудь период его жизни. Мы говорили, что братья не имели печатни в Лиссабоне, не занимались рисованием карт. Поэтому согласные с нами ученые втиснули книготорговлю в период ухаживания адмирала за Беатрис. На это у меня есть несколько возражений.

Во-первых, срок пребывания Колумба в Кордове составляет не более четырех месяцев. Христофор поглощен любовью к Беатрис. Королевская чета выдала ему на жизнь четыре тысячи мораведи. В те дни Колумб вряд ли бы успел заняться книжной торговлей или составлением географических карт.

Во-вторых, у Бартоломео не было печатни, позволившей старшему брату иметь дополнительный заработок. Последняя четверть пятнадцатого века – робкое начало «тисненых

книг». Первая испанская типография появилась в Валенсии в 1474 году. За десять лет к ней прибавилось девять штук. Мастерские возникли в Барселоне, Севилье, Саламанке, Медине-дель-Кампо, Саморе, Бургосе, Мурсии, Толедо, Вальядолиде. Просвещенные люди знали эти типографии. Печатни Колумбов среди них не обнаружили. Осенью 1487 года Бартоломео жил в Лиссабоне, в феврале следующего года переехал в Англию, где пытался убедить Генриха VII принять проект Христофора.

В-третьих, с двадцати трех лет Бартоломео занимается делами старшего брата, выполняет его поручения, разъезжает по городам и странам, пропагандирует идею пересечения Атлантики, ищет богатых покровителей. У Бартоломео нет времени на издательскую деятельность.

В-четвертых, дальнейшие события показывают младшего брата Колумба как хорошего моряка, смелого воина, опытного администратора. Вероятно, легенда о печатне Колумбов возникла для того, чтобы скрыть истинные занятия братьев до женитьбы Христофора.

В-пятых, в самый тяжелый период жизни Колумб уедет за куском хлеба в монастырь Рабиды, не будет заниматься трудом, недостойным дворянина. Откуда у мещанина спесь? Она объясняет поведение Христофора в отношении Беатрис, но противоречит занятию книжной торговлей. Мне не верится, что такой человек ходил по домам мелким коммивояжером.

Несмотря на перечисленные возражения, я допускаю мысль, что Колумб мог попробовать себя в роли торговца книгами. Этому способствовало его увлечение Беатрисой, желание изменить свою жизнь. Зимой мы видим Христофора уже в Севилье, занятым обычными делами.

Родственники девушки хорошо относились к капитану. Кузен Беатрис, Диего де Арана станет верным соратником адмирала в первом плавании к берегам Америки.

* * *

В 1487 году Колумба постиг еще один удар. Христофор узнал, что Жуан II, по его картам и расчетам, послал в Атлантический океан экспедицию Фернана Дулмо разыскать Остров семи городов, разведать дорогу в азиатские страны. Капитаны не преодолели страха с вековыми предубеждениями против плаваний вдали от берегов, вернулись ни с чем. Испанские и португальские корабли привыкли ходить вдоль побережья. Потеряв землю, кормчие испытывали беспокойство, стремились приблизиться к материкам. Дорога на запад казалась путем в Преисподнюю. «А вдруг придется возвращаться через водяную гору?» – сверлило в сознании обывателей.

Узнав о поражении Дулмо, что служит подтверждением вероятности отправления Жуаном два года назад первой экспедиции на запад, Колумб в начале 1488 года пишет порту-

гальскому королю письмо с напоминанием о себе и своих замыслах покорения Атлантики. Монарх дважды попробовал найти легендарные острова-базы на пути к азиатскому материку, может быть, в третий раз он пригласит для этого автора проекта?

Король не замедлил с ответом, подписал 20 марта 1488 года послание Колумбу, направленное в Севилью, где тот находился уже несколько месяцев. Жуан назвал Христофора «нашим особым другом» (*posso especial amigo*), заверил в безопасном въезде и выезде из португальских владений. С такой «охранной грамотой» Колумб мог смело отправиться в Лиссабон. Жуан не совершал попыток расправиться с обидчивым родственником португальских вельмож ни раньше, ни после описанных событий. Однако Христофор не спешил, опасался, как бы Фердинанд с Изабеллой не обиделись на его отъезд.

Вместо Португалии в конце марта Колумб едет в Валенсию, куда по пути в Гранаду прибыл королевский двор. Капитан тщетно пытается добиться встречи с монархами, полагая, что приглашение Жуана повысит его шансы на успех. Напрасная затея! Кастильским правителям нет дела до итальянца. Из Валенсии королевская чета переезжает в Мурсию. Колумб вынужден следовать за ней.

Мурсию основали арабы в начале VIII века на месте древнего иберийского поселения в долине реки Сегура, неподалеку от юго-восточного побережья Средиземного моря.

Город славился художественными ремеслами, шелкоткачеством, выделкой парчи, ювелирным искусством. Великолепный христианский собор, построенный двадцать лет назад, украшал старинную мавританскую крепость. В ожидании встречи с монархами Колумб томился в Мурсии до середины июня.

Королевские советники из месяца в месяц обнадеживали капитана, уверяли, будто монархи помнят о нем, но не обещали аудиенции, не давали разрешения на выезд из страны. Если бы Колумб не имел в Португалии влиятельных родственников при дворе Жуана, то сидел бы до старости в Испании как почетный гость и опасный человек, способный оказать ценные услуги соперникам кастильцев.

Иное дело – Бартоломео. Брат Христофора держится в тени, легко покидает страну. Если бы он работал в печатне, то жил в Севилье или другом городе, занимался делами, но Бартоломео ничего не держит на месте, он помогает брату. Братья правильно оценили сложившуюся ситуацию: монархи не говорят ни да ни нет, следовательно, – надо искать иные варианты решения проблем. Встреча с Жуаном нужна Колумбам, она повысит их вес в глазах испанцев или даже закончится соглашением. Не дожидаясь «благословения» супружеской четы, они готовят встречу с португальским королем. Бартоломео из Англии пишет письма в Лиссабон, где у него сохранились старые связи. Если Жуан не даст положительного ответа на главный вопрос, – быть или не быть экспеди-

ции на запад, Бартоломео продолжит склонять Генриха VII к участию в заморском походе.

В июне Фердинанд с Изабеллой соизволили отвлечься от войны и через уполномоченных обнадежили Колумба расплывчатыми обещаниями, привязали ко двору очередной выплатой пособия в три тысячи мораведисов. Вместе с тем монархи позволили капитану посетить Лиссабон, выразили надежду увидеть его следующей весной. 18 июня Колумб получил деньги и засобиравшись в дорогу.

В 1488 году Жуан всерьез думал об экспедиции на запад. Разочаровавшись в своих капитанах, король вспомнил о Колумбе, решил с его помощью найти дорогу в Азию. Корабли Фернана де Ульмо и Афонсо ди Эштрейто с шестимесячным запасом продовольствия уже больше года плавали в океане, экспедиция Бартоломеу Диаша не подавала вестей. Моряки осторожно высказывали предположение, что Ульмо исчез на западе Атлантики, а Диаш погиб на юге Африки. Осенью в Лиссабоне сложились благоприятные условия для реализации замыслов Христофора. Он выехал в Португалию.

Жуан надеялся, что годы скитаний по Испании отрезвили Колумба, снизили его непомерные требования высоких должностей, но он ошибся, был неприятно удивлен произошедшими в итальянце переменами. Из милого учтивого придворного, вызывавшего расположение к себе у незнакомых людей, Христофор превратился в замкнутого, набожного, высокомерного человека. Колумб уверовал в свое предна-

значение, ему казалось, будто Святая Троица избрала его проложить морской путь в Азию. Это деяние представлялось Колумбу столь грандиозным, что просить меньше за свои услуги выглядело унижением идеи. Христофор не отказался от требований, торговался за каждую должность и процент в распределении прибылей.

Переговоры затягивались, а между тем в столицу неожиданно вернулся Бартоломеу Диаш. На полях книги Пьера де Айи Колумб сделал запись (маргиналия №23) о знаменательном событии:

«В 1488 году, в декабре месяце, прибыл в Лиссабон Бартоломеус Дидакус (Бартоломео Диаш), капитан трех каравелл, посланных королем Португалии в Гвинею для открытия земель, и сообщил светлейшему королю, что прошел 650 лиг, 450 на юг и 250 на север, вплоть до мыса, названного им Доброй Надеждой, лежащего в Агесинбе (Эфиопии). По астролябии определили, что он расположен в 45 градусах за экватором на расстоянии 3100 лиг от Лиссабона. Это плавание он описал и запечатлел из лиги в лигу, составил морскую карту, которую я видел воочию, и вручил ее светлейшему королю, а я при всем этом был».

Я. Свет сделал к записи адмирала соответствующие замечания:

«Колумб допустил ошибки в этом сообщении о плавании Диаша. Южную оконечность Африки Диаш назвал мысом Бурь, в мыс Доброй Надежды ее переименовал Жуан II.

Мыс этот лежит не в 45, а в 34 градусах к югу от экватора. Он него до Лиссабона не 3 100 лиг, а 2 100 лиг. Наконец, на «север», то есть вдоль восточного берега Африки (который сперва следует на восток, а затем отклоняется к северо-востоку), Диаш продвинулся не на 250, а на 160–170 лиг.

Любопытно, что расстояния, приведенные в маргиналии №23, в полтора раза превышают истинные дистанции. Весьма возможно, что португальцы сознательно преувеличили длину пройденного ими пути, чтобы ввести в заблуждение своих конкурентов, и этими неточными сведениями воспользовался Колумб».²⁹

* * *

Сегодня все знают: Бартоломеу Диаш первым обогнул Черный континент, открыл дорогу в Индию. Современники капитана восприняли его поход иначе. Если бы пятьсот лет назад я сказал, что Диаш открыл дорогу в Индию, мне бы никто не по верил. Не поверил и Колумб. Вы обратили внимание на то, как буднично адмирал сделал запись? Он фиксирует пройденный путь с конечной точкой маршрута. Если бы Диаш в глазах соотечественников воплотил мечту нескольких поколений моряков, то неужели Христофор так сухо пометил бы на полях книги результаты плавания? Для Колум-

²⁹ Свет Я. Колумб. М.: Молодая гвардия, 1973. С. 177.

ба подвиг старого товарища – лишь этап в продвижении португальцев к заветной цели, который не лучше предшествующих экспедиций. С точки зрения моряков, Диаш не заслужил большой похвалы, так как прошел значительно меньше Кана, выполнил только половину задания.

Тридцатишестилетний Бартоломеу Диаш отправился в плавание на трех кораблях. Первым командовал он сам, вторым – известный моряк Жуан Инфанти, третьим – брат командира Дьогу Диаш. Главным кормчим эскадры назначили опытного гвинейского морехода Педру Алинкера. Главной целью похода считалось открытие южной оконечности Африки. «Следовать вдоль берегов Африки до самого мыса, где она кончается», – гласил королевский приказ. Далее, если представится случай, велено пробраться в царство священника Иоанна, который по слухам был христианином, торговал с азиатскими странами. До сих пор нет доказательств того, что перед командами судов ставилась задача достижения Индии. Это подтверждается тем, что для похода выбрали используемые для каботажных плаваний маленькие суда водоизмещением в пятьдесят тонн. Из-за своеобразной конструкции обводов корпусов их называли «круглыми кораблями». Они имели широкий развал бортов, позволявших нести прямое парусное вооружение. Четырехугольные паруса располагались при ветре с кормы перпендикулярно килю судна. При боковых ветрах реи с парусами поворачивали у мачты в сторону воздушных потоков. Наиболее эффективно

прямые паруса работали на попутных ветрах, против ветра их не использовали. Две экспедиции Кана позволили сделать вывод: прямые паруса за экватором служат лучше косых.

Благополучно достигнув устья Конго, экспедиция Диаша пошла на юг вдоль материка. У двадцать девятой параллели в гавани, названной Ангра-душ-Волташ, Бартоломео оставил грузовое судно под охраной девяти солдат и на двух кораблях поплыл дальше.

Вскоре португальцы попали в бурю, тринадцать дней дрейфовали по штормовому океану на юг вдоль побережья. Земля скрылась с глаз. Командующий не растерялся, велел не зарифлять паруса, использовать силу ветра. Диаш правильно рассудил, что рано или поздно материк должен закончиться где-то там, куда их несет.

Буря не утихала. Похолодало. При иных обстоятельствах команды не позволили бы кормчим уходить далеко от берега, но сейчас не имели выбора, безропотно тащились за ветром и волнами, пока не вклинились в зону западных ветров. Стало совсем холодно. Вокруг утлых кораблей простирался открытый океан с пенными гребнями валов, черными грозowymi тучами. Люди отчаялись, считали себя погибшими.

Когда шторм утих, командир приказал следовать на восток. Португальцы плыли к матерiku день, второй, третий... Земля не показывалась на горизонте. И тогда Диаш повернул корабли на север. 3 февраля 1488 года они вошли в зеленую бухту с низкими берегами, на которых пасся рогатый

скот. Кормчие не подозревали, что в бурю обогнули Африку, оставили позади южную оконечность континента. Аборигены заметили корабли, в страхе убежали в горы. Португальцы назвали гавань Пастушеской бухтой (Байа-душ-Вакейруш), пополнили запасы продовольствия, залили бочки чистой пресной водой.

Далее эскадра направилась на восток, достигла бухты Сан-Браш (Моссел), откуда перешла вдоль берега в залив Алгоа. Неподалеку от гавани моряки обнаружили островок, на котором воздвигли каменный крест, и назвали его островом Креста. Отсюда берег материка поворачивал к северо-востоку, что свидетельствовало о том, что португальцы находятся на пути в Индию. Главная цель похода была достигнута, эскадра справилась с задачей. Впереди ожидало долгое рискованное плавание в поисках пресвитера Иоанна или дороги в Индийский океан. Окрыленный успехом командующий хотел плыть в Азию, команды судов думали иначе.

По законам флота участники экспедиции имели право просить капитанов устраивать собрания, заслушивать их предложения для принятия соответствующих решений. Это не считалось бунтом, если команды не выходили из повиновения. В соответствии с традициями Диаш созвал общий сбор, на котором изнуренные моряки заявили, что не пойдут дальше, так как приказ короля выполнен и «раз земля тянется к востоку, значит, мы прошли большой мыс, а потому лучше повернуть обратно, отыскать его». Матросы с офице-

рами были правы: их посылали найти и нанести на карту этот мыс, а не плыть в неизвестные азиатские земли. Для похода к Индии требовались иные корабли, другое снаряжение, охрана и прочее, чего не имела эскадра Диаша. На «круглых кораблях» размещали только мелкокалиберные пушки для острастки туземцев.

Командующий долго уговаривал людей продолжить плавание на северо-восток, соблазнял сказочными богатствами, славой и почетом, ожидавшими первопроходцев, пугал гневом короля, которому не понравится поведение моряков. Спутники Диаша твердо стояли на своем. По флотской традиции командир велел каждому члену экипажей дать письменный ответ. Все высказались за возвращение в Лиссабон. Командующий был вынужден согласиться с мнением соотечественников при условии, что трое суток они продолжают плавание вперед, дабы удостовериться в сделанном открытии, узнать, в какую сторону изгибается берег.

Диашу не хватило трех суток, чтобы полностью обогнуть южную оконечность Африки. Он дошел до устья большой реки и назвал ее в честь своего соратника, капитана второго судна, Риу-ди-Инфанти, однако ни у кого не оставалось сомнений в том, что кормчие не ошиблись с выводами. Португальцы пошли назад разыскивать безымянный мыс. Биограф мореплавателя Барруш сохранил для потомков описание похода. Когда корабли плыли мимо падрана на острове Креста (в заливе Алгоа), Диаш «испытывал такое чувство горечи,

такую скорбь, словно расставался с любимым сыном, обреченным на вечное изгнание; он вспоминал, с какой опасностью для себя и подчиненных прошел долгий путь лишь затем, чтобы поставить каменный столб, а самого главного Бог не дал ему совершить».

Экспедиция приблизилась к «великому, знаменитому мысу, скрывавшемуся сотни лет». Из воды торчали темные скалы с острыми плоскими вершинами, словно обрезанными ударами сабли. Ничего необычного или вызывающего восхищения тут не нашли. Корабли обогнули далеко вдающийся в море острый мыс, двинулись на северо-запад. В память о пережитом двухнедельном шторме португальцы называли его Торментозо (мысом Бурь).

24 августа 1488 года суда возвратились в залив Ангра-душ-Волташ, где их встретили три изможденных скелета. Один из них не пережил радости встречи с товарищами, скончался от потрясения на руках друзей. За семь месяцев транспортное судно пришло в негодность, умерло шесть человек.

В эскадре не хватало здоровых людей, способных привести его хотя бы в Сан-Жоржи-да-Мина или к устью Конго. Командующий приказал снять с баржи ценные вещи, прочее сжечь.

В Сан-Жоржи-да-Мина Диаш принял на борт золото, добытое в руднике и полученное губернатором от туземцев, после чего vyplыл в Лиссабон. Флотилия Диаша бороздила во-

ды океана шестнадцать месяцев и семь дней. Это было самое длительное плавание в истории Португалии XV века. Родственники и друзья участников экспедиции считали их погибшими.

* * *

За успехи Бартоломеу Диаш получил обычную плату капитана. Жуан переименовал мыс Бурь в мыс Доброй Надежды. Современники короля утверждали, будто монарх сделал это в ожидании великих открытий.

Возвращение Диаша разрушило планы Колумба. «Пропавшая экспедиция» привезла открытие, изменившее намерения Жуана. Отныне он свяжет свои надежды с освоением восточного пути в Индию. Христофор стал ему не нужен. Зачем искать дорогу на западе, когда Черный континент приоткрыл тайны? Осталось подняться на север, выйти в Индийский океан.

Жуан охладел к «особому другу», прервал переговоры. Колумба выдворили из Португалии, чтобы не выведал государственных тайн заморских колоний.

В истории португальских географических открытий наступил застой на девять с половиной лет. Что помешало Жуану II закончить дело? Почему в первые годы правления короля экспедиции в Африку снаряжались одна за другой, и вдруг почти десять лет ни одно судно не попыталось прой-

ти по следам Бартоломеу Диаша? Лишь через два года после смерти Жуана новый властитель отправит в Индию Васко да Гаму.

Ответить на эти вопросы нелегко. Нельзя сказать, будто Жуан в последние годы правления был занят только спорами с Кастилией и мятежными вассалами. Король не отступился от замыслов покорения восточных стран, собирал сведения о торговых путях, взаимоотношениях с соседями. Сам факт, что в 1489 году Жуан не предпринял попытки закрепить успех последней экспедиции силами двух-трех кораблей, свидетельствует о разведывательной миссии Диаша, стремившегося на свой страх и риск достичь Индии. Жуан понимал: без тщательной подготовки тут не обойтись. Нужны сильные союзники в борьбе с арабами. Здесь мы приближаемся к одной из причин, обусловивших перерыв в продвижении португальцев к желанной цели.

Кто мог стать союзником? Вопрос звучит риторически, ибо маленькая Португалии не имела друзей. Кастилия ненавидела «младшую сестру», часто воевала с ней, мечтала покорить, как мавританскую Гранаду. Генрих VII не вмешивался в распри иберийских народов, не думал о мировом господстве на морях. Французы косо смотрели на южных соседей, пиратствовали в их водах. Ганзейские купцы плавали по северным морям, пользовались услугами посредников в торговле с южными странами. Итальянцы поддерживали арабов, строили крепости на побережьях Индийского оке-

ана и Красного моря, снабжали оружием туземцев, обучали стрельбе из пушек. Оставался мифический христианский пресвитер Иоанн, создавший в центре Африки сильное государство, которое никто не видел. Окруженный язычниками пресвитер мог согласиться с предложением Португалии о совместной борьбе с врагами. Два года назад Жуан отправил к нему тайных послов.

Вы не забыли о сухопутной экспедиции Перу ди Ковильяна и Аффонсу ди Пайвы, выехавшей из Лиссабона 7 мая 1487 года? Пора вернуться к ней, вспомнить об отважных путешественниках.

Выдавая себя за торговцев медом, с невероятнымиключениями португальцы пересекли Европу, добрались до Александрии, самого крупного города на земле. Болотистый климат Нижнего Египта плохо повлиял на здоровье разведчиков. Они заболели жестокой лихорадкой и чуть не умерли в многолюдном городе. Оправившись от болезни, европейцы переехали в Каир, где познакомились с арабскими купцами из Феса и Тлемсена. С новыми друзьями Пайва и Ковильян отправились в Тор на побережье Аравийского полуострова. Там они надеялись получить важные сведения о торговле с индийскими заморинами. По раскаленным пескам португальцы пересекли пустыню с купеческим караваном, совершили двухмесячное плавание по Красному морю. Через пролив Баб-эль-Мадеб (Ворота слез) они добрались до Адена. Обессиленные утомительным переходом и трудным

плаванием, путешественники еле держались на ногах.

После отдыха в Адене португальцы решили ускорить выполнение поручения, разделили деньги, отправились каждый своей дорогой.

Ковильяну предстояло посетить Индию, Пайве – проникнуть в Эфиопию, заключить договор с пресвитером Иоанном. Сего дня кажется смешным, как в конце XV века португальцы придавали большое значение в борьбе за господство в южных морях союзу с Иоанном.

Легенда об индийских христианах возникла в эпоху апостола Фомы, проповедовавшего в азиатских странах. Европейцы привыкли к ней, считали составной частью божественных сказаний. На протяжении тысячи лет легенда не имела подтверждений, серьезные люди скептически относились к существованию в Индии христианского государства. В 1122 году в Риме произошло странное событие: в город прибыл патриарх Иоанн Индийский. Достоверность визита не вызывает сомнений. Сохранилось письмо аббата собора Сен-Реми, сообщившего о встречах со священником. Патриарх приехал в Византию для получения паллиума архиепископа с подтверждением занимаемого им поста, доставшегося ему от умершего предшественника. В Византии Иоанну сказали, что столица мира находится в Риме. Патриарх собрался в дорогу и вместе с возвращавшимися домой римскими послами прибыл в Италию. Иоанн подробно рассказал папской курии о своей стране и обычаях народа.

«Главным городом там является Хулна, расположенный на Физоне, одной из четырех рек Рая. Это огромный город, окруженный гигантскими стенами и населенный правоверными христианами. За стенами находится гора, окруженная очень глубоким озером, а на вершине горы – храм Святого Фомы. Вокруг озера в честь двенадцати апостолов воздвигнуто двенадцать монастырей. Храм Святого Фомы доступен только раз в году, когда озерная вода расступается и позволяет паломникам к нему приблизиться».³⁰

Письмо аббата отличается от рассказа патриарха мелкими деталями, свидетельствующими об ином источнике информации. По словам священника, храм Святого Фомы окружен не озером, а рекой, высыхающей в течение восьми дней до праздника и столько же после него. В засушливый период ребенок переходит ее вброд. Все христианское население Индии стекается в храм.

Визит Иоанна в Рим перевернул представления европейцев о распространении Евангелия. Рассказы патриарха способствовали возникновению легенды, будто в центре Азии лежит крупное христианское государство. Этому способствовало «Письмо пресвитера Иоанна», сохранившееся в списке 1177 года. Знаменитый гость адресовал послание византийскому императору Мануилу, а по иным источникам – римскому императору Фридриху и Папе. До нас дошло во-

³⁰ Райт Д. К. Географические представления в эпоху крестовых походов. М.: Наука, 1988. С 249–250.

семьдесят рукописных текстов документа.

«Иоанн заявляет, что богатством и мощью превосходит всех царей света. Под его властью находятся три Индии и гробница Святого Фомы. Его царство простирается через пустыню Вавилона до Вавилонской башни, оно состоит из семидесяти двух провинций, каждая из которых управляется царем. Пресвитеру Иоанну подчинены амазонки и брамины. Чтобы пересечь его территорию в одном направлении, требуется четыре месяца. Сколь далеко она тянется в другом направлении, не ведомо никому. "Вы сможете определить размеры нашей территории и нашу силу только в том случае, если вам удастся сосчитать число звезд на небе и песчинок в море". В этом царстве, изобилующим молоком и медом, много удивительного: течет одна из рек Рая; здесь реки приносят золото и драгоценные камни; здесь собирают перец; здесь находится источник юности; и здесь же — таинственное песчаное море, в которое впадает каменистая река, а за ним обитают десять еврейских племен, которые хотя и имеют собственных царей, тем не менее подчинены могущественному христианскому правителю. В одной из провинций вблизи тропического пояса имеется много саламандр, "червяков", которые не могут жить без огня и которые создают вокруг себя хризолит наподобие того, как это делают шелковичные черви.

С особым удовольствием разглагольствует пресвитер об огромном богатстве своей страны, о добродетельности ее

обитателей, ибо среди них нет ни лжецов, ни прелюбодеев и вообще не существует никаких пороков или преступлений, об их милосердии и христианском благочестии. Каждый год вместе со своим войском царь совершает через кишащую змеями Вавилонскую пустыню паломничество к гробнице пророка Даниила».³¹

Рассказ о посещении Рима патриархом Иоанном и переведенное с латыни на европейские языки «Письмо пресвитера Иоанна» послужили основой для фантастического описания Индии с легендарной христианской страной. Одно из них хранится неподалеку от Вены в монастыре Святого Креста. Подобные рукописи имели широкое хождение по Европе.

Интересно отметить, что послание предназначалось византийскому императору, но Папа Александр III в том году ответил «великому царю индийцев, священнейшему из священнослужителей» Иоанну. Папа сообщил патриарху, что узнал о нем от своего лекаря, магистра Филиппа, коему выпала честь беседовать с выдающимися и почтеннейшими людьми его царства. Александр III отправил в загадочную страну магистра Филиппа объяснить пресвитеру догматы истинной католической веры. С тех пор начались поиски Иоанна, его могущественного царства.

Подтверждения существования далекой христианской страны появлялись в Европе из года в год. Имя Иоанна ча-

³¹ Там же. С. 255–256.

сто встречается на Востоке, отчего патриарха соотносили с разными воинственными царями. Рассказы переписывались в монастырях, хранились в исторических хрониках. Мы не задержимся на них.

После Крестовых походов люди убедились, что в Индии нет государства Иоанна, и перенесли его в Африку, где с античных времен в Абиссинии жил христианский народ. Путаница в сознании людей, отождествлявших азиатскую Индию с африканской Эфиопией, способствовала распространению нелепицы. Генрих Мореплаватель всю жизнь пытался отыскать на Черном континенте царство пресвитера Иоанна. Жуан II велел послу Аффонсу ди Пайве добыть точные сведения о таинственной стране. Разведчик вышел из Адена и бесследно исчез.

* * *

Ковильян устроился на идущее в Индию арабское судно. Арабы плавали на быстроходных маневренных парусниках дао. Отличительным признаком кораблей служил длинный заостренный форштень, переходящий в киль и ахтерштень. Соотношение длины и ширины корпуса судна не превышало 4: 1. Максимальная ширина развала бортов приходилась на среднюю часть дао, где крепилась наклонная вперед главная мачта с трапециевидным парусом на длинных реях. Паруса изготавливали из направленных наискось двух

половин. Дао водоизмещением 150–400 тонн имели две-три мачты.

Ковильян достиг Малабарского побережья, высадился в Каннануре, узнал все о торговле пряностями. Затем поехал в главный купеческий центр «полуденной Индии» Каликут. Обилие судов в гавани Каликута поразило Ковильяна. Там стояли богатые китайские и японские джонки, крупные индийские данги, мелкие дони, бателлы. На берегу шла бойкая торговля благовониями, дорогими тканями, изделиями искусных ремесленников. Из Каликута португалец поплыл на север на маленьком судне, не отходившем далеко от берега, посетившим все встречные порты. Разведчик закончил путешествие на острове Гоа. Этот порт на индийском побережье значил не меньше Лиссабона в Португалии или Севильи в Испании. Ковильян общался с арабскими, гемузскими, венецианскими купцами, выводывал тайны восточной торговли.

В Гоа он сел на корабль, поплыл на запад, посетил Ормуз, а на восточноафриканском побережье – славившуюся золотым рынком Софалу. Драгоценный металл добывали во внутренних районах материка и по караванным тропам доставляли в гавань. После Софалы путешественник заехал в сомалийскую Зейлу и через Красное море возвратился в Каир. Ковильян мог с триумфом отправиться на родину. Для последующих экспедиций в Индию его путешествие имело такое же значение, как открытие Диашем мыса Доброй На-

дежды.

В Каире Ковильян должен был встретиться с Пайвой. Условленный срок давно миновал, но товарищ не вернулся из Африки. Ковильян ждал его несколько месяцев. Время шло, Пайва не показывался. По обоюдному соглашению разведчики имели право в одиночку возвращаться в Португалию, чтобы незамедлительно передать королю полученные сведения. Когда оговоренные сроки истекли, Ковильян засобирался домой. Тут к нему неожиданно пришли два ученых еврея, посланных Жуаном с новыми инструкциями, значительным количеством денег. Король запретил агентам возвращаться на родину, пока не посетят пресвитера Иоанна. Союз с христианской страной в центре арабского Востока стал необходим Португалии для выхода в Индийский океан. Ковильян сел за стол, подробно описал королю все увиденное и услышанное в путешествии до Гоа. Сообщения тайного агента о морских путях, дорогах через материк, селениях, крепостях, торговле, товарах португалыцы использовали при подготовке экспедиции Васко да Гамы.

Из Каира Ковильяну пришлось вместо Лиссабона держать путь в Эфиопию (Абиссинию), где, по слухам, находилось царство пресвитера. Там действительно с древнейших времен жители исповедовали христианскую религию, мало похожую на европейскую. По образу жизни и нравам аборигены были истинными африканцами. Абиссинский негус (правитель) не знал о существовании «братьев» на соседнем ма-

терике и очень удивился приходу португальца. Ковильян передал монарху письма Жуана с текстом договора о сотрудничестве. Царек с удовольствием выслушал содержание посланий и без лишних переговоров подписал соглашение. Ковильян праздновал победу, рассчитывал на двойную награду в Португалии, однако негус оказался чересчур осторожным, не позволил гостю покинуть Абиссинию. Туземец боялся, что Ковильян покажет врагам дорогу в страну. Разведчик очутился в плену у царька, не имея возможности сообщить о том на родину.

В 1494 году умер «драгоценный» союзник Португалии, на престол Абиссинии взошел новый негус. Ковильян воспрянул духом, запросился домой. Монарх выслушал заморского гостя, приблизил ко двору, назначил правителем области. Ковильян получил вместо свободы неограниченные полномочия в чужой стране вдали от семьи. Потеряв надежду вернуться на родину, разведчик завел вторую семью, окончательно обосновался в Африке. Только в 1520 году, когда из Лиссабона к негусу прибыло посольство, Ковильян встретил соотечественников, поведал монаху Франсишку Алваришу о своих скитаниях по Индии и Африке. Ковильян передал португальцам поистине бесценные сведения, к сожалению, уже сильно устаревшие, оказал посольству помощь в качестве советника, переводчика, проводника по незнакомым землям. Ковильян умер глубоким стариком в Абиссинии, так и не увидев родины.

Две безуспешные экспедиции на запад Атлантики, плавание Бартоломеу Диаша на юг, путешествие Перу ди Ковильяна на восток определили характер взаимоотношений Жуана II с Колумбом. Король сделал выбор и не сворачивал с пути до смерти. Он будет целенаправленно готовить завоевание азиатского побережья, копить силы для вторжения в Индийский океан. Сделать это наскоком было нельзя.

Вторая причина, по которой Жуан не спешил продолжить открытия, заключалась в успешной колонизации Африки. Черный континент приносил прибыль, о которой мечтал принц Энрике. Золотой рудник на гвинейском берегу давал драгоценный металл, корабли привозили слоновую кость и рабов. Португалии пришлось подумать о защите освоенных земель, а на это требовались значительные средства. Страна вышла на рубеж, где пришлось остановиться, навести порядок в делах. Осложнение отношений с Испанией и Францией вынудило короля усилить форты на африканском берегу, заложить новые корабли. В Португалии произошли значительные перемены, возводились дворцы, соборы, монастыри. Африканское золото вкладывалось в реконструкцию городов. Куда уж тут до походов на запад!

Неудача с поисками епископа Иоанна поколебала веру в легендарные земли Бразилии, Антилии, Острова семи го-

родов, островов Брендана. «Зачем снаряжать корабли на поиски человеческих заблуждений? Лучше благоустраивать жизнь на Иберийском полуострове!» – решил практичный Жуан. Раздосадованный Христофор вернулся в Кастилию, где возобновил поиски богатых покровителей.

Глава VIII

Возвращение в Испанию

Зиму 1489 года Фердинанд с Изабеллой провели в Вальядолиде. Они слышали о возвращении Дияша и понимали, что португальцы уверенно движутся к намеченной цели, а Испания увязла в войне с Гранадой, топчется на месте. Впрочем, не надо преувеличивать открытия последней экспедиции. Семьдесят два года португальцы шли от Сагриша до южной точки Африки, сколько лет они будут идти от нового мыса до Индии? Простейшие сопоставления показывали: на это потребуются многие годы. Фердинанд с Изабеллой не спешили. Кастильские шпионы донесли им о переговорах Жуана с Колумбом, об отказе короля снарядить корабли, о холодном прощании, быстром отъезде генуэзца. Знали испанские монархи и о неудачном посольстве Бартоломео в Англию. Осенью прошлого года Генрих VII отверг проект Колумбов. Оставалась Франция, где на троне сидел малолетний Карл VIII, коему по возрасту не было дела до заморских открытий, а регенты и советники занимались своими делами, боролись за влияние на Головастика, как его с усмешкой называли придворные. Фердинанд с Изабеллой обиделись на настырного моряка, не сидевшего смиренно в ожидании их решения, предлагавшего свои услуги иностранцам. Супруги не приняли Колумба в Вальядолиде, не обнадежили скорым

согласием. Он посеял в них раздражение и сомнение.

В эпоху феодальной раздробленности в Европе возникли частные флоты, занимавшиеся торговлей, перевозкой грузов, пиратством, за плату участвовавшие в сражениях. Усиление абсолютизма наложило отпечаток на вольные флотилии, хозяева судов вели себя с оглядкой на королей. Если древние финикийцы плыли куда хотели, не думали о политических последствиях путешествия, то зашедшая далеко на юг или на север испанская купеческая эскадра могла вызвать международный скандал. Частные флотилии старались быть незаметными, не заплывать дальше оговоренного пространства, не заниматься географическими открытиями. Морская торговля и оплата перевозки грузов приносили судовладельцам крупный доход.

Именитые гранды не гнушались общаться с капитанами и кормчими, охотно давали деньги на строительство и оснащение кораблей.

Одним из них был Энрике де Гусман, герцог Мединасидония, владевший устьем Гвадалквивира и обширными территориями в междуречье Одьеля и Рио-Тинто, где лежал монастырь Рабида. В годы правления Кастилией брата Изабеллы, герцог был значительно сильнее и богаче сюзерена. В своих андалусских владениях он пользовался неограниченной властью, вел себя самодержцем. Изабелла отобрала у соперника часть земель, лишила привилегий, заставила признать свое верховенство, но и после этого герцог обладал доходом в три

раза превышавшим королевскую казну, составлявшим ежегодно 20 миллионов мораведи.

За прошедшие пятнадцать лет королевская чета навела порядок в финансовых делах, в несколько раз увеличила поступления в бюджет, однако война и непомерно разросшийся чиновничий аппарат съедали наличные деньги. Герцог Мединасидония считался самым богатым человеком в Испании.

Между Гибралтарской скалой, взятой Изабеллой у дон-Энрике, и Канарскими островами простираются воды залива Кобыл, в котором герцог держал свой флот. Лучшие капитаны Палоса, Уэльвы, Сан-Лукарде-Баррамеды водили корабли Мединасидонии в Средиземное море, к берегам Африки, в Северную Европу. Дон Энрике прекрасно разбирался в вопросах торговли, интересовался географией, астрономией. В 1487 году в лагере под Малагой он познакомился с Колумбом, ожидавшим заключения комиссии Талаверы. Идея генуэзца понравилась герцогу. Он мог снарядить суда, но коль за дело взялись правители страны, считал недопустимым посягать на их интересы.

Прошло два года. Европейские короли не захотели вложить деньги в проект Колумба. В лучшем случае моряка обнадёживали неопределёнными обещаниями с мелкими денежными подачками. Христофор вспомнил о частных флотилиях и в январе 1488 года приехал к Мединасидонии. Дон Энрике хорошо принял капитана. Два месяца они говорили

о тайнах Атлантического океана и азиатских странах, подсчитывали стоимость экспедиции в Индию, ожидаемые прибыли. Герцог колебался. Он не боялся потерять два миллиона мораведисов (через пять лет на вторую экспедицию Колумба дон Энрике займет Изабелле пять миллионов), но не хотел ссориться с королевской четой. Расширять границы Испании стало привилегией монархов. Новые земли должны принадлежать короне. Мединасидония отверг предложение гостя, ограничился незначительной материальной помощью. От дон-а Энрике Колумб переехал к арагонскому герцогу Мадинасели, графу Луису де ла Серде, ведущему свой род от рано умершего сына короля Альфонса Мудрого (1252–1282). Наследники Альфонса оттеснили от престола предков де ла Серды, после чего корону захватил незаконнорожденный Энрике II, прародитель Изабеллы. У герцога Мадинасели имелось больше прав на Кастильский престол, чем у правящей королевы. В его жилах текла голубая кровь Альфонса Мудрого, а не бастарда Энрике II.

Дон Луис имел гавани и корабли. Он жил неподалеку от Кадиса в принадлежавшей ему гавани Пуэрто-де-Санта-Мария, считавшейся одним из лучших портов страны. Доходы графа вдвое уступали прибылям дон-а Энрике, но позволяли снарядить экспедицию.

По характеру герцог Мадинасели был независимым человеком, считал свой род ущемленным потомками самозванца. В марте он встретился с Христофором и увлекся проектом.

Два месяца они обсуждали детали похода, торговались из-за прибыли, выбирали типы судов, способных пересечь океан, советовались с кормчими и астрологами, сверяли карты. До подписания соглашения оставалось совсем немного, как вдруг все расстроилось.

Королевская чета узнала о вояжах Колумба, переговорах с магнатами. Герцог Мадинасели хотел истратить три-четыре тысячи дукатов на снаряжение трех кораблей с годовым запасом продовольствия. Через доверенных лиц Фердинанд с Изабеллой дали понять вассалу, что не позволят воспользоваться плодами открытий. Опасаясь прогневать королеву, обескураженный дон Луис в последний момент отказался от проекта, но не скрыл от друзей, что сделал это не по своей воле.

Оживленная деятельность братьев Колумбов за пределами страны, поддержка герцогов Мединасидонии и Мадинасели плана Христофора подтолкнули кастильских королей к ответным действиям. В мае 1489 года они вызвали капитана ко двору. Андалусским властям предписывалось предоставить бесплатный приют Кристобалью Колону по пути в Кордову, в ставку монархов. В середине месяца он простился с дон Луисом, покинул Пуэрто-де-Санта-Марию. Отправляясь ко двору, капитан не сомневался, что получит эскадру.

Колумб вернулся в Кордову, где его ждала Беатрис с годовалым сыном Фернандо. Семья молодой женщины радостно приняла незаконного родственника. Все желали ему успе-

ха, молили Господа смилостивиться над грешным капитаном, дать ему корабли. Всевышний не услышал просьб Беатрис, не помог ей и Христофору. Гранадская война вспыхнула с новой силой, Фердинанду с Изабеллой пришлось копить деньги на оплату армии и снаряжения. Властители отложили план генуэзца до лучших времен, с головой ушли в насущные дела. За хлопоты и беспокойства капитан получил очередное пособие.

Заканчивалось лето, начиналась осень. Схлынула жара. Вечерами семья Беатрис собирались в уютном патио, обсуждала планы Колумба. Молодые сыновья Родриго де Араны мечтали последовать за Христофором в необъятные дали океана. Глава семейства советовал «зятю» обратиться за помощью к состоятельным итальянским банкирам. Но кто отважится без согласия монархов вложить деньги в эскадру, если даже герцоги не посмели вызвать гнева Изабеллы?

Христофор пришел в отчаяние. Он потерял в Испании еще один год и ничего не добился. Фердинанд с Изабеллой ведут себя подобно собакам на сене: сами не едят и другим не дают. Под влиянием придворных король вроде бы склоняется к положительному решению, но расчетливая королева одергивает его, указывает на сомнительность и несвоевременность предприятия. Изабелла все просчитала наперед.

Историки утверждают, будто главная причина длительной канители с походом заключалась в отсутствии денег, будто монархи испытывали хронический недостаток средств на

оплату военных действий. Действительно, в следующем году Изабелла заложит валенсийским и барселонским банкирам свои драгоценности.

Я возьму на себя смелость заявить, что королевская чета могла собрать Колумбу нужную сумму, но сознательно не делала этого. Если бы монархи дали согласие на поход, сразу бы появились люди, способные вложить средства в рискованное, но выгодное дело. Вспомним герцога Мадинасели! Сохранилось письмо дона Луиса кардиналу Педро Гонсалесу де Мендосе, в котором он сообщает, что хотел отправить Колумба в путь на трех-четыре кораблях, да раздумал, опасаясь гнева королевы. Нашлись бы и другие желающие первыми вкушать азиатского пирога. Дело не в деньгах, дело в войне, но взглянуть на нее надо с иной стороны.

Что произойдет, если Колумб достигнет индийских берегов? Фердинанд и Изабелла по-разному отвечали на вопрос. Король говорил: слава, богатства, дешевые пряности, рабы. Королева зрела в корень: соперничество с конкурентами, защита открытых земель, разорительные войны на суше, морские сражения с корсарами всех стран. Арагон и Кастилия не готовы к такому развитию событий, не могут закрепить за собой водные маршруты и колонии. Война с Гранадой веригами висит на ногах. Колонизация Азии – целый этап в развитии страны. Его следовало начать после завершения предыдущего периода, высвободив армию и флот, накопив достаточное количество денег.

У Колумба нет времени ждать, когда в стране сложится благоприятная ситуация для заморских исследований. Убедившись, что королевская чета опять отложила на год подготовку экспедиции, он собирается уехать из Испании, попытаться уговорить «опекунов» юного Карла VIII отправить в Азию французские корабли. Это трудно сделать. Правители Кастилии связали капитана выплатами денег, обязали подчиняться своим желаниям. В прошлом году они отпустили моряка в Португалию посетить родственников покойной Фелипы, на сей раз у него нет серьезной причины для поездки во Францию. Отъезд без согласия монархов равнозначен измене, Фердинанд с Изабеллой прервут отношения с Колумбом, будут вправе поступить подобно Жуану II, – отправить на запад другого капитана.

Христофор нашел мудрое решение проблемы. Он послал брата во Францию к дочери покойного короля Людовика XI Анне де Боже, старшей сестре молодого Карла VIII, а сам в ожидании ответа остался в Кордове.

* * *

Возможно, именно в этот двухлетний период Христофор зарабатывал на жизнь книжной торговлей. Мы говорили, что в те годы в Испании возник десяток мелких печатней, казавшихся современникам крупными. Знаменитая севильская типография выпускала в год 5–7 книг тиражами по 100–200

экземпляров, с большим трудом расхोдившихся по стране. Первые сто книг раскупались довольно быстро, вторая сотня долго залеживалась в крохотных лавчонках при издательствах. Кастилия не имела специальных книжных магазинов. Книги распространяли по заказам. Торговцы обходили дома состоятельных горожан, показывали списки вышедших в стране и за рубежом рукописей. Люди выбирали нужные тома, давали задаток. Коммивояжер привозил заказанные книги или географические карты.

Большинство испанских книг печаталось на латинском языке, предназначалось для образованных читателей. В связи с успехами мореплавания возникла мода на географию и астрономию, пользовались спросом итальянские издания Цицерона, Вергилия, Горация, Тацита, Тита Ливия, Страбона, Птолемея, Марко Поло. Венецианские, болонские, римские, флорентийские печатни задавали тон в полиграфии.

В поисках товаров и заказов продавцы книг разъезжали из города в город, из страны в страну. Вероятно, Колумб был мелким коммивояжером, потому что не мог позволить себе странствовать по Европе. Два года вынужденного сидения в Кастилии, общение с книгами приучили моряка много читать и еще больше думать. Христофор перечитывает свои старые книги, делает пометки, свидетельствующие о напряженной умственной работе. В раздавленной инквизицией Испании Колумб обращается к Богу.

Особое место в деятельности Христофора занимает изго-

товление географических карт. Я допускаю мысль, что он торговал картами, но не верю, будто рисовал. Картографическое искусство было даром истинных художников. Колумб красиво писал, но мы не знаем, как рисовал. До нас дошло несколько рисунков мореплавателя на полях вахтенного журнала, по которым нельзя судить о художественных способностях адмирала. Ученые по традиции «заставляют» Христофора составлять и продавать географические карты, поэтому мы кратко опишем их.

Прообраз современных карт возник позже того периода, когда Колумб сидел в Кордове с Беатрис, искал средства для жизни. Его младший товарищ и единомышленник Мартин Бехайм, совершивший путешествие в Африку с Дього Каном, в тот момент трудился над изготовлением первого глобуса – «земного яблока» и закончил работу в 1492 году. А пока географические карты мало отличались от средневековых планов. Характер использования рисунков определял особенности картографического искусства. Картами полагалось украшать жилища богатых горожан, они служили пояснением к популярным книгам.

Прежде всего, поражает неточность карт. Очертания морей и континентов не соответствуют современным представлениям о географии Земли. Античные греки и мусульмане первого тысячелетия делали карты значительно лучше своих последователей. Греческие карты погибли в потоке столетий. Незнание языка Аристотеля не позволило европейским

ученым воспользоваться наследием древних греческих географов. Мусульмане многое переняли от греков. Запад считал мавританскую культуру чуждой и враждебной идеологии христианства, уничтожал арабские рукописи, отчего погибли бесценные свитки с очертаниями берегов. Лишь единицы попали в руки средневековых европейских картографов. Приблизительное изображение Земли объясняется отсутствием конкретных знаний, особым отношением к работе. Точность не являлась целью составителей карт, они сильно удивились бы, если бы вы упрекнули их в том, что неправильно изображены даже хорошо известные реки и моря. Карты представляли собой схематические чертежи, на которых в общих чертах наносились очертания земной поверхности. Рисовальщики сознавали, что искажают пространство. Они гордились не точностью расположения географических объектов относительно друг друга, а красотой работы.

Мастера украшали холодные геометрические очертания цветными миниатюрами, занимательными рисунками, вписывали легенды, использовали приятные для глаз линии и составы красок. Географическая карта XV столетия представляла не топографический чертеж, по которому человек получал представление о расстояниях, высоте, местонахождении, характере местности, а художественное произведение. Другим Колумба не пришло бы в голову по настенной карте подсчитывать протяженность пути от Генуи до Лиссабона. Для этого в XIII веке возникли чертежи – портуланы.

Насущные проблемы мореплавания потребовали от европейцев точных знаний побережья Средиземного моря. Капитаны и кормчие принялись по кусочкам составлять подробные изображения береговой линии, соответствующие современным географическим картам. Это привело к революции в картографическом искусстве.

Портуланами назывались компасные карты для торгового плавания, указывавшие истинное положение стран по магнитной стрелке, детально повторявшие очертания береговой линии, имевшие сетки вместо меридианов и параллелей. Их рисовали на дорогой плотной бумаге, чаще на китайской, славившейся белизной, качеством поверхности листа. Встречались портуланы, выполненные на телячьем и козьем пергаменте растительными и минеральными красками. Концы карт украшались разноцветными кистями, лентами, восковыми и сургучными печатями капитанов. Пергамент сворачивали трубочкой, завязывали тесьмой, скрепляли замочками.

Индийские и китайские моряки рисовали портуланы горячими красками на шелковых полотнах, накручивали на деревянные палочки или металлические стержни, хранили в искусно вышитых нитками и мелким жемчугом чехлах. Главные особенности портулан: изображение линейного масштаба, подробность очертания берега, наличие от 8 до 22 линий компасной сетки для прокладки курса. Линии расходились из точек, называемых розами ветров, которых могло на-

считываться до 16 штук. Розы ветров располагались вокруг изображаемых объектов. Портуланы чертили без учета сферической поверхности Земли, схемы показывали профессионалам конкретные участки мореплавания.

Географические карты, предназначенные для широкого круга лиц, служили иным целям, имели специфические особенности: преувеличенные масштабы отдельных районов за счет уменьшения соседних, неправильное расположение объектов относительно друг друга. Первый недостаток был умышленным, второй – неизбежным следствием предыдущего.

Преувеличения выделяли важные области. Например, Палестина, о которой имелось много исторических хроник и рыцарских романов, соответствовала размерам прочей части Азии. Никто не считал такое соотношение земель точным изображением действительности. Это же касается и городов, чьи планы часто помещали на картах. Столицы государств занимали огромные территории.

Неправильное расположение географических объектов объяснялось несколькими причинами: неосведомленностью мастера, стремлением втиснуть крупную копируемую карту на ограниченный лист бумаги, представлениями об овальном или округлом мире. Нередко массив суши изображался прямоугольным, повторял края листа. Иногда делалась приписка, что если бы размеры полотна были больше, то остров или материк выглядели бы иначе. Представления об округ-

лом мире заставляли художников рисовать острова маленькими кружочками, равномерно расположенными в морях и океанах. На немецких картах острова помещались в бухтах побережий, что позволяло придать суше плавные очертания.

Схематический характер карт отразился на технике мастеров. Они стремились к симметрии, прямым линиям, чертили кривые отрезки с помощью циркулей. Океан рисовали в виде ровной круглой ленты одинаковой ширины. Реки текли по линейкам, изгибались по окружностям.

В картографическом искусстве существовали свои особенности. Восток помещался наверху листа. Это объяснялось влиянием античных римских карт, закрепленным церковной традицией. По мнению священников, сад Эдема с источниками вод находился на востоке. Где же ему быть, как не во главе листа?

В использовании красок соблюдали условности. Моря и реки покрывали голубыми, зелеными цветами. Интересно отметить, что современные ученые утверждают, будто в древности люди плохо различали эти цвета, называли Средиземное море зеленым. Красное море обязательно обозначалось красным цветом. Горы могли быть красными, желтыми, ярко-зелеными.

Каждая географическая карта мира имела традиционные символы, обозначающие особенности ландшафта, имевшие условный характер. Сегодня на картах символам придают вид, напоминающий рельеф, открывающийся с крыла само-

лета. На старых картах горы, леса, города изображались видимыми сбоку. Для пояснения деталей пользовались легендами с историческими и любопытными сведениями. В символах, виньетках, легендах заключались различные сюжеты.

Интерес к атмосфере выразился в образах ветродуев, сидящих на мешках с воздухом в углах картинки. Вдоль краев полотна писали названия ветров.

Рыбы, киты, сказочные существа населяли океаны. Моря имели форму узких каналов с прямыми берегами. Ширина рек значительно преувеличивалась, порою достигала размеров морей. Водные потоки пересекались, разделялись, соединяли моря и океаны. Истоки европейских и азиатских рек помещались у горных хребтов. Озера имели форму лукович, с впадающими или вытекающими из них реками.

Горные хребты обозначались зубчатыми линиями, вершины – пирамидами с характерной для местности растительностью. В редких случаях разные типы земной поверхности имели цветное обозначение. Обычно писали на материках: «пустынные и песчаные» (*deserta et arenosa*), «необитаемые», «болотистые» и т. д.

Замки, башни, церкви знаменитых городов, Александрийский маяк, Вавилонская башня помещались в красочных виньетках. В морях рисовали корабли. Двенадцать апостолов делили между собой поверхность Земли. Адам и Ева со змием стояли в центре полотна. Грифоны, кинокефалы, тениноги, загадочные существа украшали Индию и Африку.

Такова краткая характеристика карт эпохи Колумба. Если он участвовал в изготовлении полотен, то в качестве советника, специалиста в области географии.

* * *

Минул год. Гранада упорно сопротивлялась. Королевские войска не могли одолеть последний оплот мавров на континенте. Бои проходили с переменным успехом. Фердинанд с Изабеллой все силы вкладывали в подготовку армии, повышение эффективности управления землями, изыскание средств на выплату жалования солдатам.

Инквизиция давала правителям крупный доход. Томас Торквемада расширил структуру организации, создал семнадцать чрезвычайных местных трибуналов, ввел институт фамилиарес и фискалов – светских сотрудников, занимавшихся осведомительством, провокациями, провидением аутодафе, на которых они появлялись в плащах с капюшонами, скрывавшими лица. Фискалы не подчинялись юрисдикции светских судов, действовали безнаказанно, получали долю с конфискованного у еретиков имущества. Среди фискалов имелись представители всех сословий. Нередко под капюшонами прятали лица известные писатели, государственные деятели. Число «родственников» поражает воображение. В Толедо их насчитывалось 805 человек, в Сантьяго – 1009, в Сарагосе – 1215, в Барселоне – 905. Общее число

осведомителей первого уровня превышало 15 тыс. человек. Доносительство стало неотъемлемой частью жизни общества, поощрялось Церковью. Святые отцы внушали верующим, будто доносы являются богоугодным делом, пропуском в райскую обитель. Тайна исповеди исчезла, священников обязывали сообщать о врагах Господних в трибуналы. За сокрытие сведений они подвергались суду. Доносчиков щедро награждали, их имена хранили в секрете. Особенно поощрялись разоблачительства родственников и друзей, отчего эти лица получили название – фамилиарес, а также доносы слуг на хозяев, подчиненных – на начальников. Инквизиция вербовала доносчиков даже среди евреев и мусульман, заставляла сообщать о единоверцах.

По данным секретаря инквизиции Льоренте, за восемнадцать лет Томас Торквемада сжег живыми 10 226 еретиков; 6 860 – фигурально, то есть в изображениях, по случаю их смерти или из-за отсутствия; 97 321 человека подверг позору, исключил со службы на общественных или почетных должностях. Общий итог варварских казней достиг 114 400 уничтоженных семейств. В это число не включены лица, из-за связи с осужденными разделившие их несчастья.³²

Деньги осужденных текли рекой в королевскую казну, но их не хватало, чтобы сломить упорство голодной Гранады. Только на следующий год правителям удалось обложить столицу области войсками, попытаться взять ее измором. В на-

³² Григулевич И. Р. Инквизиция. М.: Политиздат, 1985. С. 238.

чале лета 1491 года началось строительство боевого стана, города-крепости, получившего название Санта-Фе (Святой Веры). Восемьдесят дней ушло на осуществление замысла. К осени в лагере собрались все силы Кастилии и Арагона, придворные и знаменитые люди, желавшие первыми поздравить монархов с победой. Ожидания оказались напрасными, Гранада сражалась.

Колумб бродил среди гостей Санта-Фе. Главный эконом Кастилии Алонсо де Кинтанилья выдал ему вспомоществование. Семидесятилетний старик оценил выгоды проекта Христофора, но был не в силах помочь ему в данный момент. Изабелла занималась войной. Она верила в тонкое чутье и огромный опыт финансиста, но мавры спутали планы, грозили затянуть сопротивление на неопределенное время. Главный эконом Кастилии сыграл значительную роль в подготовке экспедиции. Кинтанилья родился в семье обедневшего астурийского рыцаря, рано начал придворную карьеру. В юности он служил пажом, затем наставником наследного принца Энрике. Когда подопечный вступил на престол, учителю исполнилось тридцать пять лет. Кинтанилья хорошо изучил бездарного, слабоумного короля и поэтому переметнулся на сторону Изабеллы. В 1474 году он искусно захватил сеговийский замок Алькосар, ставший центром объединения сил под знаменами претендентки на кастильский престол. После победы Изабеллы Кинтанилья проявил себя талантливым экономистом, способным делать деньги из воз-

духа, находить доходные статьи; разработал план союза городов – «Святой Эрмандады», послуживший опорой Изабеллы в борьбе с могущественными феодалами. По опыту португальцев, финансист надеялся с помощью Колумба наполнить государственную казну. Через Алонсо де Кинтанилью Христовфор познакомился с самыми влиятельными аристократами страны.

Здесь нужно задуматься над тем, почему ближайшие сподвижники правителей хорошо приняли безвестного капитана? Неужели потому, что он вызвался отправиться в Индию западным путем? Этого было недостаточно для того, чтобы перед Колумбом открылись двери могущественнейшего князя испанской Церкви, толедского архиепископа, прима-са Кастилии, кардинала Педро Гонсалеса де Мендосы, называемого современниками «третьим королем Испании», а также казначея арагонского королевства Луиса де Сантанхеля, будущего генерального инквизитора Диего де Десы, камергера короля Хуана Кабреры, семьи командора Гутьеры де Карденаса, находившейся в родстве с монархами. Имелся волшебный ключик, помогавший нищему итальянцу. Считалось, будто Колумбу покровительствовали геновские банкиры. Это бесспорно, но представляет видимую часть айсберга. Продвигавшие капитана таинственные силы скрыты в глубине.

Глава IX

Тайные покровители

Ответ на вопрос я нашел в книгах по истории христианской Церкви, не имевших отношения к развитию мореплавания. Меня заинтересовал вопрос: почему итальянец поплыл через Атлантику на испанских кораблях с португальскими крестами на парусах? Попробуйте ответить на него. Берусь утверждать, что вряд ли сделаете правильное предположение.

Начинать надо издалека, с эпохи крестовых походов, с тамплиеров – рыцарей Храма³³. Первое упоминание о них встречается у французского историка Гийома де Тира, писавшего между 1175 и 1185 годами. К тому времени европейские армии семьдесят лет назад покорили Святую землю, создали Иерусалимское королевство («Землю за морем»), а тамплиеры уже существовали более полувека, поэтому некоторые сведения Гийома вызывают сомнения у специалистов. Оставим в стороне спорные вопросы, рассмотрим историю хранителей Святого Грааля.

Орден Нищих Рыцарей Христа и Храма Соломона основан в 1118 году. В него вошло девять человек. Дворянин из Шампани Хуго де Паэн явился с товарищами во дворец ко-

³³ Temple – по-французски «храм».

роля Иерусалима Балдуина I – младшего брата Готфрида Булонского, девятнадцать лет назад освободившего от мавров Гроб Господень. Балдуин радушно принял соотечественников. Хуго де Паэн сообщил ему, что орден организован для охраны путей и дорог, защиты паломников. Видимо, существовали секретные задачи, вынудившие Балдуина предложить рыцарям, давшим обет бедности, целое крыло роскошного королевского дворца. По мнению исследователей, такой сверхзадачей являлись раскопки лабиринта под храмовым комплексом, поиски несметных сокровищ древнего Иудейского царства. Судя по тому, что после деятельности друзей Хуго де Паэна возникла легенда о Святом Граале, тамплиеры нашли один из двадцати четырех кладов, упомянутых в «Медной рукописи». Ее обнаружили в пятидесятых годах двадцатого столетия на берегу Мертвого моря у селения Кумран среди пяти сотен свитков начала новой эры.

Таинственный орден за девять лет существования не принял в свои ряды ни одного человека. До сих пор остается тайной, чем они занимались это время. Вряд ли девять человек обеспечивали охрану паломников или несли регулярную службу во дворце с телохранителями Балдуина. Официальный летописец короля Фульк Шартрский умолчал о деятельности тамплиеров. Создается впечатление, что существовала тайна организации и работы ордена. Тем не менее, слава о тамплиерах распространилась по Европе. Духовные власти с уважением отзывались о рыцарях, превозносили их христи-

анские добродетели. В 1128 году аббат Клервосский, святой Бернар выпустил трактат, восхвалявший тамплиеров.

Годом раньше (в 1127 году) почти все девять рыцарей вернулись в Европу, где благодаря Бернару их встретили как героев. В январе 1128 года Церковный совет в Труа признал тамплиеров военно-религиозным орденом, вручил его основателю Хуго де Паэну титул Великого мастера. Тамплиеры стали воинами-монахами, солдатами-мистиками, сочетавшими строгую дисциплину монастыря с военным усердием. Святой Бернар помог храмовникам разработать правила поведения, положил в основу устав цистерцианского монашеского ордена, в котором играл главную роль.

Рыцарей обязали принести обет целомудрия, бедности, послушания. Им полагалось стричь волосы, но запрещалось брить бороды. Последнее ограничение служило отличительным признаком ордена в ту пору, когда знатные мужчины брились. Рыцарям надлежало носить белые плащи или одежды, чтобы «восхвалять Творца чистой, белой жизнью». Это стало их привилегией. «Никому не дается право носить белые одежды или иметь белые мантии, за исключением Рыцарей Христа», – гласило заключение Церковного совета. Устав ордена отражал управленческую иерархию, правила поведения на полях сражений. Находящимся в плену храмовникам запрещалось просить пощады, предлагать за себя выкуп, они обязывались сражаться не на жизнь, а на смерть. Отступить разрешалось лишь в случае троекратного превос-

ходства врагов.

Через десять лет ученик святого Бернара, Папа Иннокентий II издал буллу, освобождавшую тамплиеров от клятвы верности светским и духовным властям, за исключением главы католической Церкви. Тамплиеры превратились в независимую международную империю.

В 1128 году Хуго де Паэн прибыл в Англию ко двору Генриха I. Монарх с большим почтением принял Великого мастера. Признание Англией тамплиеров стимулировало расширение ордена. Со всех концов Европы к главе храмовников потянулись молодые люди, желавшие вступить в ряды священного братства. Они вносили в казну крупные пожертвования в виде денег, товаров, недвижимости, земельной собственности. Хуго де Паэн переписал в пользу ордена все свое имущество, требовал того же от подчиненных.

Тамплиеры стремительно богатели. Не прошло и года, а они уже владели поместьями во Франции, Англии, Шотландии, Фландрии, Испании, Португалии. Через десять лет у рыцарей появились земли в Италии, Австрии, Германии, Венгрии, Палестине и на Востоке. Активная финансовая деятельность храмовников способствовала росту богатств. Они объявили ростовщичество богоугодным делом, запрещали членам ордена тратить общественные деньги даже на выкуп из плена своих вождей. Тамплиеры имели право только приобретать.

В 1146 году рыцари приняли расширяющийся на концах

красный крест патэ и сопровождали с ним короля Франции Людовика VII во втором Крестовом походе. Благодаря воинскому искусству, дисциплине тамплиеров поход в Землю обетованную не закончился разгромом европейской армии. В своем возвращении домой Людовик видел заслугу храмовников, закрепил за ними репутацию безрассудно храбрых, жестоких, надменных воинов, оказавшихся самой организованной силой союзной армии.

В последующие сто лет тамплиеры обрели поистине безграничное влияние. Королевский парламент Англии регулярно приглашал на заседания Мастера храмовников, считал его главой всех религиозных обществ, настоятелей и аббатов страны. Английские короли жили в командории ордена, поддерживали тесные отношения с Мастерами. Ни одно крупное политическое дело в Европе или на Ближнем Востоке не обходилось без участия тамплиеров. Монархи подчинялись авторитету тамплиеров. Храмовники установили связи с мусульманским миром, пользовались услугами гашишинов (ассасинов) – фанатичных слуг пророка Мухаммеда.

Храмовники предоставляли в долг властителям крупные суммы денег, сделали своими кредиторами почти всех королей Европы и правителей мусульманского мира. Рыцари разместили командории в Европе и на Ближнем Востоке, создали современное банковское дело, обеспечили купцам за скромный процент быстрый и безопасный перевод денег. Золото переводилось из одного города в другой посредством

шифрованного векселя. В любой части Европы и за ее пределами торговец мог получить свои деньги в ордене. Парижская командория стала центром европейских финансовых операций.

«Тамплиеры занимались не только обменом денег, но и обменом идей. Используя свои прочные связи с исламской и иудейской культурами, они действовали как “клиринговая палата» для новых идей, новых философских концепций, новых наук. Как выяснилось, Рыцари Храма обладали монополией на самые прогрессивные разработки своего века, на лучшее, что могли произвести оружейники, кожевники, каменщики, военные архитекторы и инженеры. Тамплиеры внесли ощутимый вклад в развитие топографии, картографии, навигации. У них были свои собственные морские порты, судоверфи, флот (как коммерческий, так и военный), который одним из первых стал использовать магнитный компас. Тамплиеры как орден военный нуждались в умении врачевать, вскоре они оказались знатоками в использовании лекарственных средств. Орден учредил свои собственные больницы, со своими лечащими врачами, чье использование экстрактов из плесени дает основание предполагать, что они понимали воздействие на организм антибиотиков. Опережая свой век, тамплиеры совершенно иначе, чем их современники, относились к некоторым заболеваниям. Например, они рассматривали эпилепсию не как “одержимость бесом”, а как болезнь, которую можно держать под

контролем».³⁴

В 1185 году умер король Иерусалима Балдуин IV. Орден достиг расцвета. Вместе с тем в нем появились симптомы внутреннего разложения: высокомерие членов, коррупция, жестокость, отлученные от Церкви люди. Тамплиеры принимали всякий сброд, имевший богатства и высокие титулы. Дурная слава о храмовниках распространилась по Европе. После смерти Балдуина, Великий Мастер Жерар де Рифор вознамерился захватить власть в Земле обетованной. Это чуть не привело к гражданской войне европейского сообщества Палестины. Перемирие с сарацинами было разорвано, возобновились военные действия. В июле 1187 года Рифор возглавил христианскую армию в Хиттинском сражении, где потерпел сокрушительное поражение. Через два месяца неверные взяли Иерусалим и по существу уничтожили объединенные силы христиан.

Тамплиеры терпели поражения. К концу 1290 года почти вся «Заморская земля» находилась под контролем мусульман. В мае следующего года пала последняя цитадель христианства – крепость Акра. Тамплиеры вывезли на галерах женщин с детьми и остались на неминуемую гибель. На судах не хватило места для мужчин. В обороне Акры рыцари показали чудеса героизма, подтвердили репутацию лучших европейских воинов. Тяжело раненый Великий мастер

³⁴ Бейджент М., Лей Р., Линкольн Г. Святая кровь и Святой Грааль /Пер. с англ. В. Скобей. М.: Крон-Пресс, 1997. С. 53.

сражался на стенах крепости и погиб в бою. Подстать ему дрались рядовые рыцари, предпочитали смерть постыдному плену. Акра пала, став памятником доблести тамплиеров.

С потерей Святой земли орден утратил смысл существования, ведь официально его главная задача заключалась «в охране дорог, путей и паломников». Однако по всему миру были разбросаны крепости, гавани, войска тамплиеров, не желавшие смириться с поражением. Тамплиеры выбрали в качестве верховной командории остров Кипр, начали готовиться к отражению сарацин, грозивших захлестнуть Европу. Пока рядовые рыцари мечтали о походе на Иерусалим, руководство ордена обратило взоры на европейский материк. Ближайшее окружение Великого мастера понимало, что война на Востоке проиграна, нужно обосновываться на французских или немецких землях, что неизбежно вызовет сопротивление местных правителей. Следовало тщательно взвесить возможные последствия экспансии во Францию или Германию.

В Германии существовал мощный духовно-рыцарский орден, основанный в Палестине в конце XII века. Тамплиеры сами способствовали учреждению Тевтонского, то есть Немецкого, ордена, руководили его организацией, разработкой устава. Первую половину XIII века малочисленные тевтонцы активно помогали храмовникам в военных действиях на Ближнем Востоке, затем сообразили, что рядом с домом лежат необъятные богатые земли народов Восточной Евро-

пы. Во второй половине столетия Тевтонский орден создал независимое княжество Орденштат (Земля ордена) на территории от Пруссии до Финского залива и России, объединившее почти все балтийские земли. Громадное государство обладало абсолютным суверенитетом, никому не подчинялось, имело собственные законы, систему управления. Продвижение тевтонцев к восточным границам христианского мира вдохнуло новую жизнь в заурядный орден, привлекло к нему массу рыцарей, сделало мощной силой, остановленной войсками Александра Невского на Чудском озере.

Если бы не героическое сопротивление псковичей и новгородцев, то северная Россия оказалась бы под властью германских племен. Тамплиеры понимали: дорога в Германию для них закрыта. Тевтонцы не потерпели бы присутствия на юге страны сильного соперника. Это могло привести к войне, гибели храмовников, изрядно потрепанных в Палестине. Не желая вторгаться во владения Тевтонского ордена, тамплиеры обратили взоры на французские земли Лангедока.

* * *

Лангедок – вотчина французских катаров или альбигойцев, названных по городу Альби на юге страны. Мироззрение катаров соответствовало морали тамплиеров. Катары проповедовали нищенство, воздержание в пище и одежде, осуждали половую распущенность, выступали за «деше-

вую» Церковь, простые обряды, отмену десятины, запрещение церквам и монастырям владеть землей. В религиозном плане катары распространяли по Европе дуалистические воззрения Востока, с которыми тамплиеры познакомились в «Земле за морем». Католическая Церковь боролась с катарами на протяжении нескольких веков, устраивала крестовые походы против еретиков.

Позиции ордена в Лангедоке до краха правления европейцев в Палестине были довольно прочными. В руководстве командорий числилось больше катаров, чем истинных католиков. Знать разделяла взгляды катаров, поддерживала храмовников. Альбигойцы враждовали с королем Франции и Римским Папой. Катары с радостью приняли тамплиеров в надежде, что те помогут им в борьбе за независимость. В 1209 году начались двадцатилетние Альбигойские войны. Напутствуемые папской Церковью северные рыцари обрушились на юг страны, чтобы искоренить зловерные ереси, поживиться богатыми землями. Римская Церковь провозгласила поход «крестовым». В гражданской войне севера и юга тамплиеры сохраняли нейтралитет, но Великий мастер осудил Альбигойский поход, заявил, что он не может считаться святым, так как в действительности был лишь один настоящий Крестовый поход против сарацин. По существу, храмовники осудили Папу, коему давно перестали подчиняться, выступили на стороне катаров. Храмовники помогали еретикам, защищали их оружием.

Альбигойские войны ослабили южную знать, усилили тамплиеров, превратили в неподвластных французскому королю хозяев Лангедока. Местные дворяне толпами вступали в ряды храмовников, постепенно усваивавших еретические идеи. Разгромив катаров, северяне создали себе более мощного врага, хорошо организованного, обладавшего силой, превосходившей «крестовое воинство». Командории тамплиеров распространились по Франции и за ее пределами.

Королевская власть не желала мириться с присутствием в стране опасного соперника. Помимо острова Кипра, ордену принадлежали 9 тыс. замков. Тамплиеры имели привилегии, не платили пошлины на съестные припасы, налоги, десятины, их дома и церкви предоставляли людям право убежища, рыцари пользовались личной неприкосновенностью наравне со священниками, освобождались от феодальных повинностей и присяг. Епископам запрещалось отлучать храмовников от Церкви, судил их только Рим.

Задолжавший тамплиерам полмиллиона ливров Филипп IV тщательно готовился сокрушить ненавистный орден. Он имел опыт борьбы с еретиками. В поисках денег для войны со своими феодалами, а также фламандцами и англичанами, король конфисковал имущество евреев, выгнал их из страны. Поводом для разгрома ордена послужила ересь, вывезенная катарами с Востока и унаследованная тамплиерами. Пользуясь поддержкой своего ставленника Папы Кли-

мента V, бывшего архиепископа Бордо, Филипп тайно расслал по стране приказы сенешалям в назначенный срок на рассвете в пятницу 13 октября 1307 года арестовать всех тамплиеров, конфисковать их имущество. Удар не застиг врасплох храмовников. Они были заранее предупреждены или почувствовали надвигавшиеся гонения. Накануне арестов командории получили приказ засекретить информацию о традициях, ритуалах ордена. Огромные богатства рыцарей ускользнули от рук врагов, исчезли в хранилищах и соседних странах, где до сих пор не обнаружены. Тайна Святого Грааля осталась неразгаданной.

Арестованных храмовников пытали и судили, прочие рассеялись по командориям соседних стран. Франция наполнилась ужасными слухами, перешедшими на страницы литературных произведений. Мы не будем задерживаться на этой особой теме. Филипп безжалостно уничтожал храмовников, просил Папу запретить деятельность ордена. В 1312 году орден официально распустили без обвинительного приговора. Через два года Великого мастера с куратором Нормандии сожгли на медленном огне. По подсчетам историков, упразднение ордена принесло королю 12 млн ливров, однако этому нет неопровержимых доказательств. Многие специалисты считают приведенную цифру чрезвычайно завышенной.

Филипп боялся мести ордена, уговаривал христианских монархов поступить подобным образом. Английский король Эдуард II отказался выполнить просьбу своего тестя, высту-

пил в защиту тамплиеров. Под давлением Папы и Филиппа он все же формально осудил храмовников. Незначительное число арестованных рыцарей без пыток и казней приговорили к легким наказаниям. Земли тамплиеров по частям передали ордену госпитальеров Святого Иоанна, в который вошло большинство храмовников.

В воевавшей с Англией Шотландии папскую буллу не обнародовали, орден не распустили. Французские и английские тамплиеры вступили в шотландские командории. В 1314 году они приняли участие в битве при Баннокберне на стороне Роберта Брюса. Именно в Шотландии после гибели Джона Клаверхауса в 1689 году, на его теле нашли Великий Крест ордена Храма, изготовленный накануне разгрома тамплиеров.

В Германии храмовники бросили вызов приспешникам французов, угрожали взяться за оружие. Перепуганные власти объявили их невиновными, но орден расформировали. Тевтонцы и госпитальеры с радостью приняли в свои ряды прославленных «воинов Христа». В Лотарингии герцог княжества не позволил Папе притеснять тамплиеров, посоветовал рыцарям сбрить бороды, снять белые плащи, возвратиться к светской жизни.

В Испании храмовники отказались признать себя виновными, с оружием в руках отстаивали независимость. Затем группами и целыми командориями вошли в состав других орденов.

После расследования деятельности тамплиеров португальцы приняли соломоново решение: переименовали их орден в Рыцарей Христа, послуживший опорой королевской власти. Великим мастером ордена был принц Генрих Мореплаватель, направивший энергию воинов на освоение Африканского побережья. Орден Рыцарей Христа стал элитарной духовной военно-морской организацией Португалии. Молодые капитаны стремились попасть в ее ряды. Знаменитый красный крест патэ тамплиеров перешел на паруса португальских каравелл.

* * *

Зачем я подробно описал историю тамплиеров? Во-первых, они явились предшественниками португальских Рыцарей Христа, унаследовавших с крестом всю их идеологию, объединившую страстное служение Богу с меркантильными интересами. Во-вторых, Колумб имел к ордену прямое отношение. Его тесть (отец Фелипы) занимал среди Рыцарей Христа высокое положение.

Но это еще не все! Исследования современных ученых показывают, что над тамплиерами и Рыцарями Христа возвышалась могущественная тайная организация, способствовавшая их рождению и гибели – Сионский Приорат. Сопричастность к этим орденам лучше волшебного ключика открывала двери королевских покоев, охраняла жизнь «из-

бранников Христа». Благодаря родству не просто с доном Перестрелло, а влиятельным рыцарем Христа, неизвестный капитан получил доступ к секретным королевским архивам. Вероятно, Христофор пользовался покровительством ордена, членом которого был Жуан II. Поэтому король вежливо обращался с Колумбом, не посягал на его жизнь, когда тот переехал в Испанию. Магеллана за это пытались убить.

Продолжим далее наши рассуждения.

Куда из Лиссабона направился Христофор?

На юг Испании в монастырь Рабиды, где раньше хозяйничали тамплиеры и их последователи.

Неужели это случайное совпадение?

– В соседней Уэльве жила свояченица Колумба, у которой он оставил малолетнего сына, – ответите вы.

Считалось, будто встреча моряка с настоятелем монастыря состоялась по воле провидения: то ли Колумб устал нести ребенка, то ли Диего заболел, потребовалась помощь. Первое утверждение вызывает у меня скептическую усмешку. Представьте мужчину с семилетним крепышом на руках, шагающего из Палоса по берегу реки! Написавший это плохо представлял возраст сына Колумба. Второе – возбуждало сомнения. До конечной цели Христофора осталось меньше двух часов пути. Зачем задерживаться в Рабиде, объяснять монахам теории строения Земли, излагать план пересечения Атлантики? Для этого итальянец выбрал неподходящее время. Оставим вопрос без ответа. Человек способен совершать

трудно объяснимые здравым смыслом неожиданные поступки.

О посещении Колумбом уединенного монастыря можно забыть, но осенью 1491 года он бросил дела в Санто-Фе, помчался в Рабиду. Вы чувствуете? Здесь скрывается тайна.

* * *

Вернемся к действительности. Испанцы осаждают бастионы Гранады. Предводитель мавров Боабдиль плюет со стен на шлемы рыцарей, грозит карой Аллаха. В ставке Фердинанда и Изабеллы присутствуют знаменитые люди обоих королевств, знакомые с Колумбом, благоволящие к нему, способные оказать значительные услуги. И вдруг разочарованный капитан без позволения монархов покидает двор, уезжает в Рабиду второй раз рассказать монахам о своих планах. Почему не в Кордову, где его ждет Беатрис с малолетним сыном?

Поступок Колумба получил бы простое объяснение, если бы в Уэльве заболел Диего, и Виоланта Мулиарт срочно вызвала отца, который по пути в город «случайно» зашел в Рабиду. Но нет, историки упорно твердят о материальных лишениях, вынудивших мореплавателя искать приюта в монастыре. Позвольте, а как же процветающая печатня, о которой вы пишете в статьях и монографиях? Куда делось пособие, выплаченное летом Христофору казначеем Изабеллы?

Где генуэзские купцы и орды богатых покровителей, о коих исписаны сотни страниц? Вы противоречите себе! Придется признать: либо это высосано из пальца, и мы имеем дело с нищим безвестным моряком, либо найти иные причины, побудившие Христофора отправиться к устью Рио-Тинто, где происходят загадочные события.

В монастыре Колумб встречается с новым настоятелем монахом Хуаном Пересом, сменившим Антонио де Марчену. По неизвестным причинам пост главы Рабиды являлся чрезвычайно почетным, позволявшим священнику именоваться исповедником королевы. Трудно представить, будто настоятель Рабиды хотя бы изредка навещался в северные города и летние военные лагеря для беседы с госпожой, не посещавшей уединенную обитель. С 1485 года советником Изабеллы в делах религиозной политики был доминиканец Диего де Деса, окончивший Саламанкский университет и через несколько лет возглавивший его самую престижную кафедру богословия. Он же – настоятель Сан-Стефанского монастыря, наставник наследного принца Хуана с годичным жалованием в сто тысяч мораведи. Куда уж до него простому монаху Хуану Пересу! Да видно монахом он был не простым.

Как шесть лет назад в беседе с Марченой, Колумб рассказывает Пересу о планах, просит помощи. Настоятель Рабиды плохо разбирается в космографии, тянет с ответом. Чтобы по достоинству оценить предложение гостя, священник приглашает из Уэльвы эксперта – врача Гарси Фернандеса.

В 1515 году на суде старшего сына Колумба с королевскими чиновниками по поводу отцовского наследства Фернандес признается:

«Названный брат Хуан Перес, убедившись, сколь резонны соображения Колумба, послал за данным свидетелем (то есть за Гарси Фернандесом), с коим всегда и много, и от всей души вел беседы, — записал секретарь суда, — а поелику этот свидетель кое-что смыслил в астрономическом искусстве, попросил его переговорить с Христофором Колумбом, и свидетель нашел, что тот предлагает стоящее дело. А затем о тех открытиях они беседовали втроем. А после этого направили к королеве Изабелле (да будет свята ее память) человека с письмом от названного брата Хуана Переса, был же он ее исповедником. Письмо вручил королеве Себастьян Родригес, кормчий из Лепе.

Христофор Колумб остался в монастыре в ожидании ответа и дальнейших распоряжений королевы... Королева, наша госпожа, послала двадцать тысяч мораведи во флоринах, деньги доставил Диего Прието, житель города Палоса, и их передал с письмом к данному свидетелю и приказом вручил оную сумму Христофору Колумбу, дабы он мог достойно приодеться и купить скотинку (ездового мула), а затем явиться к Ее Высочеству. И названный Христофор получил двадцать тысяч мораведи и предстал перед Ее Высочеством»³⁵.

³⁵ Свет Я. Колумб. М.: Молодая гвардия, 1973. С. 125–126.

Показания врача подтверждают другие свидетели по делу сына Колумба. Хуан Родригес Кабесудо заявил, что «у него названный Адмирал нанял мула для монаха, который должен был отправиться ко двору для переговоров». ³⁶

Вот уж поистине чудеса! Колумб покидает ставку монархов, едет в Рабиду к монахам с просьбой устроить ему встречу с королевой! Хуан Перес посылает гонца к Изабелле, и та тотчас отправляет Колумбу двадцать тысяч мораведи, чтобы он немедленно возвратился в Санто-Фе, предстал перед ее очами! Ни родственники, ни друзья властителей, ни высокопоставленные чиновники не могли решить проблемы, которую легко устранил полуграмотный настоятель Рабиды. Попутно замечу: из показаний врача видно, что Колумб не собирался посетить Уэльву, не торопился встретиться с сыном и свояченицей, а спокойно дожидался ответа Изабеллы в нескольких милях от родственников. В ноябре 1491 года Христофор получил деньги и с Хуаном Пересом отправился ко двору.

Если бы я не знал о существовании тайных религиозных обществ, имевших колоссальное влияние на судьбы людей, в том числе и королей, то поверил бы в чудо. Видимо, за скромным настоятелем Рабиды скрывались очень влиятельные силы, способные заставить монархов принять посланников. Это они направили Колумба из Лиссабона в Рабиду, и о них вспомнил капитан, в отчаянии слоняясь между пала-

³⁶ Там же.

ток Санто-Фе. И уж конечно, это не генуэзские банкиры или придворные короля. Не пройдет и года, как Христофор поднимет паруса с алыми крестами патэ – священным символом тамплиеров, Рыцарей Христа, Сионского Приората.

* * *

Колумб прибыл в Санта-Фе, но Гранада от этого не пала. Сохранялась главная причина неудач Христофора. Хуан Перес рьяно взялся за дело. Вторая половина ноября с декабрем прошли в закулисных хлопотах. Монах встречался с нужными людьми, уговаривал, убеждал. По вечерам друзья подсчитывали число сторонников и врагов. Недоброжелателей было значительно больше, зато единомышленники мореплавателя обладали влиянием на монархов.

По мановению волшебной палочки архиепископ Талавера, возглавлявший комиссию по делу Колумба, отвергнув проект капитана, изменил свое мнение, высказался в пользу Христофора. Вероятно, в данном случае важную роль сыграли таинственные рычаги, приводившие в движение сложные механизмы функционирования религиозных обществ. Талавера принадлежал к ордену иоаннитов (госпитальеров), принявших в свои ряды разгромленных тамплиеров.

Самым удивительным является тот факт, что в католической Испании в период расцвета инквизиции на стороне Ко-

лумба оказались крупнейшие представители национальной Церкви.

«Третий король Испании» – кардинал Педро Гонсалес де Мендоса, архиепископ Толедский и примас Кастилии, одобрил планы Христофора, хвалил достоинства капитана в кругу придворных.

Особенно горячо ратовал за Колумба будущий Генеральный инквизитор «всех королевств и владений» Фердинанда и Изабеллы, воспитатель принца Хуана доминиканец Диего де Деса. Злые языки говорили, будто его предки были галисийскими евреями, поэтому Деса всеми силами стремился показать себя преданным слугою Господа и Его помазанников – правителей страны.

Францисканцы Марчена и Перес, иоаннит Талавера, доминиканец Деса, кардинал Мендоса – члены религиозных орденов, подчинявшихся Папе и Сионскому Приорату. Создается впечатление, что осенью 1491 года в открытиях Колумба больше всех была заинтересована Церковь. Это не бредовая идея сумасбродного писателя. Давайте вспомнил историю развития христианства.

С первых лет апостольской деятельности учеников Иисуса, их главной задачей являлось распространение Евангелия, приобщение к истинной вере языческого мира. Вся последующая деятельность проповедников христианства сводилась к этому. Чем больше народа крестили Божьи посланники, тем выше считался их авторитет среди соотечествен-

ников. Постепенно христианство стало господствующей европейской религией. Окрепшая новая вера простерла руки на Восток к древнейшим иудейским святыням. Тысячи рыцарей отправились завоевывать Гроб Господень, насаждать христианство там, где оно возникло. Кровопролитные войны крестоносцев закончились поражением, очередная волна экспансии мусульманского мира в середине XV века докатилась до берегов Европы, затопила дороги на Восток.

Победы язычников не ослабили позиции христианской Церкви на континенте. Она возмужала, уничтожила многие ереси, собрала огромные богатства. Основные цели христианства, как и любой другой религии, остались неизменными. Проповедь веры новым народам, обращение в христианство язычников – главные апостольские задачи Церкви. За Атлантическим океаном находятся необъятные земли Индии, Китая, Японии. Их населяют миллионы потенциальных последователей Христа, которые внесут лепту в сокровищницу Церкви. Материальная сторона расширения религиозного влияния не меньше идеологической. Она заставляет думать о путях достижения целей. Поэтому священники солидарны с Колумбом, а монашеские и духовно-рыцарские ордена приняли активное участие в освоении Американского побережья. Если мы будем помнить об этом, то поймем мотивы поведения Колумба и Магеллана, их истинную веру в Иисуса Христа, навязчивые идеи крещения аборигенов вопреки здравому смыслу, пророческие видения и знамения,

убежденность в том, что выполняют предначертанную Господом священную миссию. Христофор считал церковников своими главными покровителями, ставил Марчену, Переса, Десу на первое место после Бога.

Заручившись поддержкой священников, Колумб нашел сочувствие среди приближенных монархов. Главный счетовод Кастилии (министр финансов) Кинтанилья зимой находился в Бургосе, но его коллега – казначей арагонского королевства Габриель Санчес, присутствовал в ставке и благожелательно отнесся к предложению капитана. Он убедил Фердинанда серьезно подумать о походе на запад. Мнение Санчеса разделял хранитель дворцовой казны короля Луис де Сантанхель – банкир, крупнейший откупщик, имевший тесные связи с купеческим и ростовщическим капиталами. Камергер двора Хуан Кабрера помогал финансистам создать благоприятное мнение у монарха о замыслах Колумба. Он был другом Фердинанда, пользовался его доверием.

В окружении Изабеллы главную роль играли командор Гутьерре де Карденас, стольник, хранитель ее казны, мажордом принца Хуана и его супруга Тереса Энрикес, кузина короля. Без их участия Изабелла не принимала решений.

Не трудно заметить, что более половины перечисленных придворных по роду деятельности занимались денежными делами, заботились о благосостоянии монархов, изыскивали средства для пополнения казны. Эти четыре чиновника (добавим к ним Кинтанилью) осуществляли почти все выпла-

ты королевской казны. Ученым надо проверить, не принадлежали ли они к элитарным испанским орденам? С большой долей уверенности могу предположить утвердительный ответ.

Четыре высокопоставленных священника и четыре крупнейших финансиста страны поддерживали планы Колумба. Неужели это случайное стечение обстоятельств, соединенное с трезвым расчетом деловых людей? Разве в Англии, Португалии, Франции хуже считали деньги?

Кстати, о Франции... Вы не забыли, что уже два года младший брат Христофора прозябает при дворе Анны де Боже, тщетно пытается уговорить молодого Карла VIII дать корабли для заморских открытий? Головастик не желает слушать итальянца. Никто не в силах помочь Бартоломео повлиять на короля. Только слабая надежда вынуждает посланца Христофора жить в стране в ожидании счастливого случая. Вероятно, будет натяжкой связать неудачу Колумбов во Франции с разгромом тамплиеров, но замечу – здесь орден был уничтожен, объявлен врагом Церкви и короля.

Глава X

Соглашение в Санто-Фе и подготовка к плаванию

Второго января 1492 года пала Гранада. Боабдиль капитулировал с условием, что мусульман не будут преследовать, согласился выплатить крупную контрибуцию, использованную испанцами на погашение долгов. Колумб принял участие в торжественной процессии, вошедшей в крепость. Завершилась одиннадцатилетняя война, потребовавшая напряжения сил всего народа, пришло время подумать о житейских делах. В середине месяца собрался Королевский совет для обсуждения предложения Колумба. Казалось, решение заранее подготовлено. Почетные гости, такие как папский легат, генуэзский прелат Алессандро Джеральдини, познакомились с Христофором, по достоинству оценили выгоды от проекта. От имени главы католической Церкви Джеральдини благословил соотечественника на великие дела. В последний момент тщательно спланированное действо чуть не завершилось провалом.

После разумных доводов Сантанхеля, выступившего в защиту капитана, одобрения Мендосы, Десы, Санчеса, кто-то из членов Совета вспомнил о заключении комиссии Талаверы, высказал сомнения. Ему возразил командор Карденас,

но королева задумалась. Придворные поняли, что Изабелла не спешит принять положительного решения. Приободрившиеся противники Колумба принялись наперебой ругать сумасбродные идеи.

Король безмолвно наблюдал за склокой, думал о том, что в любом случае платить придется жене, так как дело итальянца проходит по кастильским ведомостям. Изабелле полагалось первой дать ответ, а Фердинанду согласно кивнуть в нужный момент. Камергер Кабрера убедил его оказать капитану содействие.

По мере роста количества протестов, васильковые глаза Изабеллы обретали глубину. Когда сторонники генуэзца рьяно возражали хранителям кастильской казны, в них вспыхивали искорки, что служило признаком раздражения. Нет смысла пересказывать речи придворных, читатели легко представят, что они могли сказать. Королева резко приподняла голову, разговоры прекратились. Все ждали ее решения.

– Я вижу, – мягко сказала женщина приятным низким голосом, – члены нашего Совета разошлись во мнениях относительно просьбы сеньора капитана дать ему корабли для плавания через океан. Нам нужно подумать, спросить у Господа совета, – закончила она, обворожительно глядя в сторону священников.

Фердинанд нахмурил брови и согласно кивнул.

– Мы вернемся к предложению капитана в другой раз, –

добавила королева, приветливо улыбаясь раздосадованному Христофору.

Последняя фраза Изабеллы дала надежду сторонникам Колумба на положительный исход обсуждения проекта, но отодвинула его на неопределенное время.

Что затормозило принятие окончательного решения?

Пустая казна. Деньги Боабдила быстро закончились, новые поступления не предвиделись. Толпы солдат в ожидании выплаты жалования бродили по Санта-Фе. Следовало рассчитаться с победителями и потом пускаться в сомнительные авантюры.

Начались закулисные переговоры с монархами. Обе стороны (приверженцы и противники моряка) склоняли властителей к нужному им решению. Уточнялись требования Колумба, размеры оплаты услуг. Это тоже не способствовало скорому решению вопроса. Итальянец запросил слишком много. Он желал стать вице-королем новых земель, передать по наследству высокий титул. Фердинанд понимал, что в удобный момент легко нарушит соглашение, лишит Колумба дарованных привилегий. Изабелла задумывалась над каждым пунктом договора, выторговывала уступки. Христофор упорствовал, это раздражало даже его сторонников. Королева боялась повторить ошибку договора с завоевателями Гран-Канарии. В 1480 году она с мужем подписала соглашение с Альфонсом де Квинтаниллом и Педро Фернандесом

Каброном, в котором не оговорила королевские права на новые земли.

Прошла неделя напряженных ожиданий. По утрам Колумб просыпался в надежде получить согласие монархов, по вечерам засыпал в отчаянии от проволочек. Королева, пославшая ему два месяца назад двадцать тысяч мораведи на дорогу в Гранаду, не соглашалась. Шла игра, каждый преследовал свои интересы. К концу второй недели Колумб принял рискованное решение. Капитан блефует – заявляет Сантанхелю, что отказывается от переговоров, отправляется в Кордову, откуда намерен уехать во Францию. Он устал, он семь лет добивался в Испании осуществления своего замысла.

Если бы казначей Фердинанда, которому Изабелла доверяла больше своего, знал об истинном положении Бартоломео при дворе Карла VIII, то не пошел бы к королеве, но он не догадывался о неудачах брата Христофора. Однако возможно, Сантанхель сознательно участвовал в игре Колумба, сам предложил ему такой вариант. Как бы то ни было, Христофор садится на мула и медленно движется на север, а влиятельный финансист приходит к Изабелле и в последний раз пытается уговорить ее принять предложение итальянца. Можно лишь догадываться, какие аргументы Сантанхель использовал в беседе. Вероятно, они были не такими порядочными, как пишут историки, потому что королева приняла сторону мужа, согласилась удовлетворить требования Колумба.

Чем она рисковала? Несколькими миллионами мораведи – суммой не великой за сокровища Индии. Придворный знал о беспринципности своего хозяина, убедил Изабеллу в том, что будущие звонкие титулы генуэзца не спасут его от суда, если окажется опасным соперником монархов.

За Колумбом послали придворного алыгвазила, нагнавшего беглеца у моста Пинос, в 12 километрах от лагеря Санта-Фе, и возвратившего его в ставку королевы. Не далеко уехал будущий адмирал! Видать, выбрал для бегства плохого мула или знал, что обязательно задержат. Мне трудно поверить, что человек, девять лет боровшийся за осуществление мечты, мог прервать переговоры в самый благоприятный момент, поехать во Францию, где пришлось бы начинать все сначала. Кстати, бегство в стан врага (Франция находилась на грани войны с Испанией) не красило Колумба.

* * *

Христофор возвратился, но еще долго длились споры о процентах в прибылях, о правах итальянца в Индиях. В феврале, марте, начале апреля специальная комиссия торговалась с капитаном, заломившим баснословную цену за будущие открытия. Можно понять желание моряка стать дворянином, адмиралом, вице-королем, но разве такие титулы и должности передают по наследству?

В истории мореплавания имелись случаи, когда адми-

ральский титул переходил от отца к сыну. В период расцвета средиземноморских городов в Генуе жил род Андреа Дориа, прославленный отважными капитанами. Их имя звучало проклятьем для пиратов и врагов Генуэзской республики. «Громи Дориа!» – кричали горожане обидчикам. Благодарная республика позволила отцу передать свой титул сыну, а тому – своему сыну. В Испании со средних веков этим правом пользовался адмирал Кастилии. С Бенедетто Заккариа страна знала двух Бокканейра, шесть Пессаньо, династию Энрикес. Колумб хотел приравнять свой будущий титул Адмирала Моря-Океана к званию адмирала Кастилии со всеми привилегиями. Когда юристы предоставили Христофору неполный список прав адмирала Кастилии, он сослался на старые документы, заполнил пробелы. С 1399 года все морские дела и договоры страны находились в ведении адмиралов Кастилии, получивших эту привилегию в результате ослабления централизованной власти. Адмирал Кастилии имел право на одну треть грузов кораблей, покидавших гавани империи, и любой прибыли флота.

Такой же большой властью в стране пользовались вице-короли арагонских владений, управлявшие областями в Испании и Италии. Колумб потребовал себе прав, как у адмиралов Кастилии и арагонских вице-королей. Он хотел совместить две самые высокие должности. К доходам адмиралов Кастилии Христофор присоединил доходы вице-королей и получил 55 % ожидаемой прибыли. Это было настоящим

грабежом короны. Изабелла не могла согласиться с намерением капитана.

Чиновники соглашались признать потомков Христофора дворянами, но отказывались создать целую династию адмиралов и вице-королей. Колумб не уступал ни одного пункта из предъявленных требований. «Если королева согласилась, почему слуги не торопятся закрепить волю монарха?!» – возмущался Колумб. Он не знал, что правители велели доверенным людям сломить упорство генуэзца, а сами занимались иными делами.

31 марта Католические Короли издали беспрецедентный указ об удалении из страны евреев. Под страхом смертной казни их обязали в трехмесячный срок перейти из иудаизма в христианство или покинуть Испанию. Двести тысяч человек объявили врагами Господа и монархов, вознамерившихся построить Царство Божие на землях Кастилии и Арагона. Независимо от пола и возраста, арестованные после второго августа «враги» Иисуса подлежали смертной казни. Кардинал Мендоса и доминиканец Деса обсуждали с королевской четой положительные и отрицательные стороны изгнания сынов Моисея.

К середине апреля Фердинанд с Изабеллой убедились в бессмысленности затягивания переговоров с Колумбом, велели нотариусам подготовить «Капитуляцию» (как называли перечень разделов документа от латинского слова «capitulos») в соответствии с зимними договоренностями. 17

апреля 1492 года в Санта-Фе королевская чета подписала соглашение с итальянцем.

«Их Высочества, как господа Морей-Океанов, жалуют отныне названного дона Христофора Колумба в свои Адмиралы всех островов и материков, которые он лично благодаря своему искусству откроет или приобретет в морях и океанах...» – говорил текст документа.

Моряк становился вице-королем будущей империи с правом передачи власти по наследству. Колумбу и его потомкам позволялось вершить суд, назначать на должности угодных лиц, получать десятую часть со всего, что будет найдено и добыто в новых землях, а также восьмую часть прибылей от торговли с ними. Учитывая все выплаты, Христофор получал на 10 % меньше своих кастильских предшественников. Адмиральский титул переходил по мужской линии от наследника к наследнику. Старший сын Диего назначался пажом к принцу Хуану с годовым жалованием в 9 400 мораведи. Четырнадцатилетнему подростку предстояло вслед за отцом стать адмиралом и вице-королем.

По традиции сыну вице-короля полагалось находиться рядом с наследником престола. Пажи вырастали ближайшими сподвижниками будущих монархов. Мне трудно поверить, будто сын ткача по мановению волшебной палочки очутился в кругу молодых герцогов и графов. Это походит на детские сказки последующих времен. Высшая знать страны восприняла бы присутствие в своих рядах выходца из итальянских

низов как оскорбление достоинства потомственной испанской аристократии, не позволила бы королеве возвеличить сына гемуэца. Изабелла нашла бы тысячу причин, по которым наследник вице-короля без королевства воспитывался бы у тетушки в Уэльве или в монастыре Хуана Переса. Но королевская чета приняла Диего. Казначей Кастилии командор Гутьерре де Корденас 8 мая выдал ему первую «зарплату». Здесь тоже скрывается тайна. Возможно, скромный монах из Рабиды был настолько силен, что убедил властителей пренебречь мнением знати, или адмирала не возвели во дворянство, а восстановили в прежних правах, о которых знало окружение Фердинанда и Изабеллы. На мой взгляд, последнее предположение более вероятно. Я допускаю мысль, что человек, называвший себя Христофором Колумбом, родился в Испании, принадлежал к элитарному ордену, имевшему большую силу внутри страны и за ее пределами. Далее мы вернемся к этому вопросу, я постараюсь подтвердить сказанное словами самого мореплавателя.

Одновременно с «Капитуляцией» монархи подписали верительную грамоту Колумба, предназначенную монгольскому Великому хану. Из нее мы узнаем, что податель сего документа отправлен властями Испании на трех каравеллах в индийские земли для свершения дел во имя славы Господней. В соответствии с традицией, заложенной с тринадцатого века католической Церковью и европейскими правителями, писавшими азиатским владыкам, она составлена на ла-

тинском языке. Испанцы придавали особое значение дружбе с Великим ханом. Потомки Чингисхана казались им богатыми и сильными.

В Европе знали о попытке Хубилая в 1281 году завоевать Японию. Племянник Чингисхана собрал сотни китайских и корейских джонок, посадил в них 150 тысяч воинов и отправил на остров. Японские рыбаки заметили в туманной дымке зари на горизонте бесчисленное количество кораблей. Такой гигантской армады еще никто не видел. Японцы не успели подготовиться к отпору врага, были убеждены в своей неминуемой гибели. Когда монголы подплыли к берегу, налетевший штормовой ветер погнал суда в море. Джонки переворачивались и тонули. Природа пришла на помощь изумленным японцам. С тех пор жители островов прозвали ветер «божественным», а монголы не пытались поработить их.

Военный или хотя бы торговый союз с Великим ханом, способным посадить на суда невообразимое количество воинов, представлялся кастильцам гарантией успеха в освоении азиатских земель.

30 апреля Фердинанд с Изабеллой утвердили пожалования Колумбу, велели начать подготовку экспедиции в Палосе, расположенном рядом с монастырем Рабида во владениях герцога Мединасидонии.

Палос – городок междуречья Одьеля и Рио-Тинто с населением в три с половиной тысячи жителей, из которых шестьсот человек числились домовладельцами. Маленький Палос знала вся страна. Отсюда уходили корабли в Средиземное море и Атлантический океан. Палосские моряки плавали в Лиссабон, Лондон, посещали Канарские и Азорские острова, знали побережье Африки, ходили в Гвинею. Население города строило, чинило, оснащало корабли, составляло основы команд, отправлявшихся в дальние дали. Порою занятия горожан выходили за рамки закона, напоминали зону свободной торговли или пиратскую вольницу. Палосцы ловили рыбу, развозили товары по Европе, грабили португальскую Африку, добывали слоновую кость, продавали черных рабов, топили встречные суда. Так поступали многие моряки. Правители смотрели сквозь пальцы на их деятельность, пока не возникали ссоры с соседними народами. Город и часть земель вокруг него принадлежали герцогу Мединасидонии, четыре года назад собиравшемуся послать Колумба в Азию. Хозяевами Палоса также считались граф Миранда и братья де Сильва. Заключив с Христофором соглашение, королевская чета выкупила у них половину города, чтобы иметь морскую базу на юге Испании.

Монархи не случайно выбрали Палос. Город славился

опытными моряками, в нем жили друзья Колумба. В часе ходьбы от Палоса лежала обитель Хуана Переса. Настоятель Рабиды хорошо знал жителей гавани. За старую вину перед монархами палосцы были обязаны ежегодно снаряжать для казны две каравеллы сроком на три месяца. По одной версии, они получили наказание за отказ шесть лет назад послать корабли на помощь союзнику Изабеллы неаполитанскому королю, по другой – за прошлогодний грабеж португальских кораблей. Мне кажется, выбрать Палос в качестве опорной базы подготовки похода посоветовал королеве Мединасидония, предоставивший ей значительную ссуду для Колумба. Снаряжение заморской экспедиции во владениях герцога приносило ему определенные выгоды.

За три месяца на двух каравеллах в Азию не сплавать, поэтому монархи выделили адмиралу на оснащение экспедиции один миллион сто сорок тысяч мораведи. По смете Колумба, это превышало половину нужной суммы. Недостающие деньги Христофору предстояло занять у банкиров, взыскать с жителей непокорного города.

В первых числах мая Луис де Сантанхель с богатым генуэзским банкиром-откупщиком Франческо Пинелли (Франсиско Пинело), натурализовавшимся в Кастилии и получившим звание почетного жителя Севильи, собрали деньги для Колумба и вручили архиепископу Талавере. Пинелли устроил Изабелле заем у герцога Мединасидонии. Друг Пинелли, в прошлом флорентийский купец Джанотто Джеральди (Ху-

аното Берарди), ссудил Христофору 500 тысяч мораведи, которые тот обещал вернуть после возвращения экспедиции. Еще 340 тысяч мораведи королева велела выплатить жителям Палоса в ходе снаряжения каравелл. Таким образом, половину средств на организацию похода выделили итальянские банкиры. Это послужило поводом для разработки генуэзской версии происхождения Колумба. А почему не испанской, ведь прочие деньги дали арагонцы и кастильцы?

Простившись с королевской четой, 12 мая Колумб выехал из Санта-Фе в Рабиду. По дороге Христофор заехал в Кордову навестить Беатрис с малолетним сыном, пригласить ее кузена Диего де Арану принять участие в плавании. Родственник с радостью согласился помочь адмиралу. Не имевший морской специальности Арана мог пригодиться на берегу. Через неделю с деньгами и монаршими указами Колумб прибыл в обитель Переса. В среду 23 мая он стоял в палосской церкви Святого Георгия перед горожанами со свитком в руке.

Закончилась торжественная месса. Городской нотариус принял из рук адмирала указ, вышел к амвону, громким голосом прочитал повеление венценосцев. Эхо гулко вторило словам под сводами здания, пахло ладаном и воском, ярко горели свечи.

– Сеньор Фернандес, – спросил народ нотариуса, – вы не ошиблись? Их Величества приказывают нам в десятидневный срок предоставить дону Христофору Колумбу три ко-

рабля и без промедления укомплектовать их командами?

— Здесь так написано, — заверил чиновник, шаря близорукими глазами по толстой желтоватой бумаге с красными печатями на тонких шнурах.

— Этого не может быть, — возразили моряки. — Мы обязаны снаряжать два корабля, а не три.

— Вы хотите, чтобы я еще раз прочел именной указ королей Кастилии и Арагона? — обиделся нотариус.

— Сеньор Фернандес правильно прочитал документ, — пришел к нему на помощь Колумб. — Их Величества велели мне не откладывать выхода из гавани на поздний срок. Я думаю, хватит месяца, чтобы оснастить корабли, завербовать матросов.

— Он приехал грабить нас, — послышался тихий голос в толпе.

— Наверное, третий корабль дон Христофор снарядит за собственный счет, — ответили ему.

— Мы обязаны предоставить донье Изабелле каравеллы на три месяца, а вы собираетесь плавать не меньше года, — смелее заметили гостю. — Откуда нам взять деньги на вашу долгую опасную экспедицию?

— Я привез полтора миллиона мораведи. Этих денег достаточно на покрытие издержек. Вам заплатят звонкой монетой, а не долговыми расписками, — пояснил Колумб.

— Сколько вы обещаете платить морякам?

— В соответствии с должностями: шкиперам и кормчим —

две тысячи мораведи в месяц, старшим матросам – тысячу, младшим – шестьсот шестьдесят шесть. Всем членам экипажа дадут трехмесячный аванс.

– Немного за путешествие на тот свет, – усмехнулись в толпе.

– Португальцы пятьдесят лет искали земли на западе, но не нашли. Почему вы думаете, будто вам повезет больше их?

– Я уверен... Я знаю, – поправился Христофор, – там есть земля.

Он с жаром принялся доказывать выгодность и безопасность заокеанского плавания, описывать несметные богатства Востока, ожидавшие прихода испанских моряков. Народ молча слушал чисто выбритого седого сорокадвухлетнего гостя, украшенного звонкими титулами, смотрел на его высокую крепкую фигуру, начавшую полнеть, но сохранявшую величественную осанку, и не верил ему.

– Там нет земли, – заявили горожане. – Даже если вы проплывете год или два, то все равно ничего не найдете.

Христофор попытался повторить, развить свои доводы, но его перебили:

– Никто не отважится отправиться с вами в океан, – прошамкал пожилой человек из первых рядов.

– Почему? – удивился Колумб.

– Мы не знаем вас, – пояснил старик. – Люди привыкли идти на службу к известным капитанам, а не к путешествующим на мулах любимцам королей.

В церкви засмеялись.

— Он нанял у меня скотинку на поездку в Гранаду, — подтвердил Кабестудо, помогавший гостю Рабиды в последнем путешествии.

— Я плавал по Средиземному морю, сражался у мыса Сан-Висенте, ходил в Северные моря, спускался за экватор... — повысил голос Христофор. Лицо его зарумянилось, на широком лбу выступили капельки пота.

— Мы не видели, — усомнились в толпе.

— Вы не верите мне? — растерялся адмирал.

— Почему вы не остались в Италии, Англии, Португалии?

— Я предлагал Жуану послать корабли на запад. Он выбрал путь на юг. А король Англии не захотел выслушать меня, — оправдывался Христофор.

Чем больше он уступал народу, тем смелее раздавались возражения. Колумб прекратил спор, предложил желающим записываться в экспедицию.

— Нам нужно подумать, — решили люди и вышли из церкви.

Священники с членами городского совета поджидали Колумба у дверей.

— Сеньор адмирал, — вежливо обратился к нему мужчина в дорогой одежде, — мы дадим корабли, но не соберем команды. Советую вам обратиться за помощью к братьям Пинсонам. Матросы уважают мнение капитанов, пойдут за ними на край света.

Настоятель Рабиды согласно кивнул.

– Предложите Пинсонам долю прибыли, – добавил второй член совета.

* * *

Хуан Перес тоже советовал адмиралу привлечь к участию в экспедиции Пинсонов, но глава семейства Мартин Алонсо находился в плавании, возил на продажу в Рим атлантические сардины, а без него Франсиско и Висенте отказывались вести переговоры. Колумбу пришлось одному взяться за дело, осмотреть выделенные городом суда.

Далекий от морского дела человек потребовал бы у магистрата крупные быстроходные корабли, но Колумб знал, что для похода в неизвестные земли нужны иные суда, приспособленные к каботажным плаваниям по мелководью среди скал и отмелей. Когда дорога хорошо изучена и опасные участки тщательно нанесены на карты, в плавание отправляются тяжелые боевые корабли с солдатами на борту. Для исследования юга Африки Бартоломеу Диаш выбрал три маленьких «круглых корабля», оправдавших свое предназначение. Колумб последовал примеру товарища, взял «малые суда».

«Малыми судами» в Испании считали каравеллы с широким развалом бортов, отчего португальцы называли их «круглыми». Большая ширина палубы обеспечивала остой-

чивость на волнении, позволяла взять много груза, нести значительное парусное вооружение, вдвое или втрое превосходившее по площади полотнища галер, равного размера с каравеллами. Первые парусники принца Генриха Мореплавателя имели одну или две мачты с косыми парусами, крепившимися с помощью выгнутых гафелей под углом к мачтам в диаметральной плоскости судна. К концу XV века характерные для Средиземноморья косые (латинские) паруса в атлантических походах заменили прямыми, лучше работающими при попутных ветрах. При этом значительно усовершенствовали конструкцию мачт. Паруса стали натягивать с помощью перекадин-реев поперек корпуса судна. Квадратные полотнища позволили вдвое увеличить площадь парусности. Соответственно ей возросла нагрузка на мачты, увеличился вес материи. Мачты начали делать толще и прочнее, собирать из нескольких кусков дерева, соединять толстыми обручами. К первому ряду парусов добавили второй – марсели. Мачты стали «двухэтажными». Второй «этаж» образовывала съемная стенга, прикрепленная к основанию на конце мачты. Тысячи лет люди знали прямые паруса, но лишь в эпоху Великих географических открытий они получили широкое применение. К традиционным двум мачтам добавили третью, в носу судна сделали бушприт, на котором крепили нижние концы косых парусов (кливеров) или рею прямоугольного блинда, висевшего под ним над водой. К основным парусам при хороших устойчивых ветрах добавляли ко-

ые лиселя (бонеты), привязанные к концам реев. Улучшения конструкции корпуса и парусного вооружения позволили поднять скорость каравелл до 20–25 км в час.

У нас нет точных сведений о кораблях Колумба, но это не помешало специалистам по судостроению написать десятки прекрасных книг о каравеллах адмирала, реконструировать знаменитые корабли. Если внимательно сопоставить размеры каравелл Колумба из справочников, то приходишь к выводу, что везде они разные, противоречат друг другу. Например, как может тридцатиметровый корабль обладать одинаковой грузоподъемностью с двадцатиметровым судном, если у них равная ширина бортов? Неужели специалисты не замечают ошибок? Мы не будем оспаривать описание кораблей великого мореплавателя, заметим лишь одно: они имеют весьма приблизительное отношение к подлинным судам, на которых он вышел в океан.

О флагманском судне экспедиции точно известно, что адмирал называл его «нао», оно ходило медленнее других, имело на вооружении грот с двумя лиселями, фок, блинд, бизань. На рисунке Колумба виден флагман с высокими палубными надстройками. Это все, но это не мало, чтобы представить размеры и конструкцию «Санта-Марии».

«Нао» по-испански означает – корабль. Так кастильцы называли большие каравеллы с широким массивным корпусом, с надстройками на носу и корме порою в несколько этажей. В соседних странах подобные корабли именовали «ка-

ракками». Между ними нет особого различия, поэтому судостроители часто называют их «каравеллами».

«Санта-Мария» имела три мачты с реями и бушпритом. Гротмачта несла стеньгу с марселем. Это позволяет допустить, что каравелла с одним «двухэтажным» парусом имела длину более двадцати метров, но меньше тридцати. Именно такие цифры встречаются в различных справочниках. Соотношения длины и ширины «нао» находились между 3:1 и 4:1. Значит, ширина флагмана составляла 7–8 м. Судно данных размеров обладало осадкой в 3 м, водоизмещением в 200 т. Экипаж корабля насчитывал от 40 до 90 человек. Вооружение могло быть любым, но не слишком мощным, ведь речь идет о торгово-разведывательном судне. Следовательно, оно имело 10–15 различных пушек: бомбард, стрелявших каменными и чугунными ядрами, а также фальконетов, используемых для ближнего боя. На корме «Санта-Марии» находилась двухъярусная надстройка. Нижний ярус (тольда) служил кладовой для блоков, канатов, якорей, прочего снаряжения. На втором этаже (тольдильи) располагалась адмиральская каюта. В передней части судна имелся матросский кубрик с наблюдательной площадкой.

«Пинта» и «Нинья» были меньше флагмана. Это видно по рисунку Колумба на полях рукописи и по рассказам очевидцев. По утверждениям некоторых исследователей, «малые суда» адмирала не имели второго ряда парусов и крытых палуб. Действительно, «Пинта» с «Ниньей» не имели марсе-

лей. Что же касается палуб, то открытые рыбацьи баркасы не выдержали бы океанских штормов. «Пинта» с «Ниньей» благополучно пережили две ужасные бури. Следовательно, они имели палубы с надстройками на корме. Длина «Пинты» – 20 м, ширина – 7 м, осадка – 2 м, водоизмещение – 140 т, экипаж – 65 человек. «Нинья» имела длину в 17 м, ширину – 6 м, осадку – 1,9 м, водоизмещение – 90 т, экипаж – 40 человек.

О том, насколько разнятся цифры источников, можно судить по Малой энциклопедии парусников. Составители сборника приводят описание «Ниньи» на половину больше указанного. По их мнению, максимальные размеры каравеллы составляли: длина – 27 м, ширина по ватерлинии – 7,6 м, осадка – 2,7 м, водоизмещение от 100 до 200 т. «Санта-Мария» шириной более 9 м могла иметь длину в 32 м. По словам авторов, ее водоизмещение соответствовало «Ниньи», самой маленькой каравеллы флотилии – 200 т. Подобные нелепицы часто встречаются в книгах.³⁷

О количестве офицеров и матросов на кораблях Колумба мы поговорим в другой главе.

* * *

Заканчивался срок, отведенный монархами Палосу для

³⁷ Парусники / Пер. со словар. Ш. Гуляша; ил. П. Певного. Минск: Лилът, 1996. С. 125–127.

подбора кораблей. Три судна покачивались на воде у деревянной пристани. Хозяева каравелл выходили на пустые палубы, осматривали крепление канатов, отвечали на усмешки горожан.

– Эй, Хуан, – кричали зеваки владельцу «Санта-Марии», добровольно сдавшему корабль в аренду Колумбу, – далеко собрался?

– Не твое дело, – угрюмо глядя на соседние каравеллы, огрызнулся худой де ла Коса, выходец из селения Сантоньи близ Сантандера.

Ему доставалось больше хозяев «Пинты» и «Ниньи», коих городской совет принудил к участию в экспедиции.

– Сколько заплатил тебе сумасшедший адмирал? – высунулся вперед оборванец.

– Достаточно для замаливания грехов, – наклонившись через борт и разглядывая собравшийся народ, лениво ответил моряк.

– Ты знаешь, что на твое роскошное судно итальянец завербовал первых матросов?

– Нет, – признался Хуан.

– Скоро их пригонят сюда, и к твоим заботам добавится обязанность присматривать за колодниками!

– Чего ты несешь? Какие колодники?

– Смертники из нашей тюрьмы.

– Не врешь? – изумился моряк.

– Провалиться мне на этом месте! – оборванец топнул но-

гой по доскам настила.

– Кто они? – спросил де ла Коса.

– Ты слышал, как в ноябре прошлого года Торрес убил в драке глашатая?

– Они напились и повздорили?

– Моряк зарезал служителя магистрата. Судьи приговорили его к виселице. Пока они раздумывали, к какому светлому празднику приурочить казнь, трое матросов попытались освободить дружка, но не рассчитали силы и угодили за решетку.

– Соучастие в побеге считается тягчайшим преступлением, – добавил сосед.

– Судьи приговорили Могера, Искьердо, Клавихо к смерти, ждали случая вывести на позорище, – продолжил первый.

– Как дону Христофору удалось вызволить их из тюрьмы? – заинтересовался де ла Коса.

– Наша святая королева, да продлит Господь ее дни, позволила иностранцу брать преступников из тюрем, записывать на корабли.

– Изабелла сомневается в том, что итальянец наберет здесь нужное количество моряков?

– Выходит так, – сообразил оборванец. – Хорошую компанию приготовил тебе адмирал!

– Лучше плыть с ними, чем с тобой, – плюнул хозяин флагмана в сторону причала. – Шел бы подальше, пока вши не перепрыгнули на корабль.

– Погоди! Настанет время, пожалеешь о своей глупости! – погрозил нищий.

– Не пугай меня. В контракте все предусмотрено: в случае гибели судна, королевская казна выплатит мне полную стоимость.

– Если не утонешь... – усмехнулся нищий.

– Рано или поздно все умрем, – вздохнул де ла Коса. – Вот ты ненароком оступишься с причала – и поминай, как звали!

Оборванец с опаской поглядел на волны, лизавшие зеленые столбы основания пристани, и отодвинулся от края.

– Что он сказал? – заметил де ла Косу вышедший из каюты смуглый Кристобаль Кинтеро, хозяин «Пинты».

– Чепуху, – пожал плечами шкипер. – Предупредил, будто скоро на палубу «Галисийки» («Санта-Марии») придут матросы.

– Неужели адмиралу удалось нанять желающих отправиться в плавание? – не поверил Кинтеро.

– Четыре приговоренных к смерти колодника, – мрачно сообщил моряк.

– Тогда нам придется долго стоять без дела, – покачал головой сосед.

– Почему? – не понял де ла Коса.

– Где же итальянцу набрать сотню преступников? – улыбнулся Кинтеро. – Только смертники согласятся заменить свой приговор рискованным плаванием к неизвестным землям.

– Это точно, – согласился де ла Коса.
– Или мы, коих заставила судьба, – добавил Кинтеро.
– О, Дева Мария! – поднял руки к небу де ла Коса. – Не дай погибнуть в пучине, вызволи из беды!

* * *

Обозы с провизией и снаряжением потянулись к стоявшим в гавани кораблям, но разгружать их было некому. Хуан Перес уговаривал горожан принять участие в экспедиции. Люди уважали настоятеля монастыря, слушали, кивали головами, потом расходились по делам, не спешили в магистратуру записываться в экипажи. Опытные кормчие, боцманы, мастера корабельного дела выжидали, поглядывали друг на друга, словно кто-то первым должен был отбросить сомнения, предложить иностранцу свои услуги.

Колумб ежедневно приходил в здание городского совета, беседовал с членами эрмандады, проверял счета и документы, справлялся о делах по набору моряков. Если первое шло без задоринки, щедро оплачивалось из королевской казны или предоставлялось Палосом в счет погашения долга, то второе не двигалось с мертвой точки. Казалось, будто существует заговор темных сил против замыслов генуэзца. В действительности все было проще. Люди не хотели идти в море с незнакомым человеком, о котором на улицах и в матросских кабаках рассказывали странные истории. Говорили, будто

Колумб жил в Португалии, где породнился с королем, но после смерти жены поругался с ним, бежал в Испанию. Обиженный Жуан уничтожит экспедицию, если корабли случайно зайдут в португальскую зону. Он сочтет это за пиратство, будет вправе казнить моряков лютой смертью. Их не спасет заступничество Фердинанда с Изабеллой.

Если бы королевская чета четко обозначила в документах цели экспедиции, то поубавилось бы сплетен и страхов. Монархи туманно высказались о задачах похода, объявили о наборе моряков, которые отправятся «в некую страну, что лежит в море-океане, для неких дел, выполняемых на нашей службе». Приезжий адмирал хранил молчание. Людская молва по-своему объяснила скрытность Колумба. Не так вербовали моряков местные капитаны, народ привык знать все о предстоящем плавании, быть уверенным в выгоды предприятия. Большое значение имело имя капитана. От командира зависел успех плавания. Матросы гурьбою шли к одному капитану и сторонились другого. Но командующий флотилией до сих пор не назвал имена соратников, командиров каравелл. Разве можно записываться в загадочную экспедицию к неведомому капитану?

В начале июня глашатай объявил о привилегиях пожелавшим отправиться в поход: «Настоящим указом мы гарантируем безопасность всем и каждому в отдельности из тех, кто плавает совместно с вышеозначенным лицом. Ни их телу, ни имуществу не может быть нанесен ущерб, также они не мо-

гут подвергаться штрафу за преступление, совершенное до сего дня, каким бы оно ни было тяжелым». Правители страны обещали морякам льготы в торговле, снижение налогов. Народ одобрил намерение Католических Королей, но не воспользовался им. Лето – горячая пора. Ежедневно уходят в море рыбацьи баркасы, швартуются у причалов купеческие корабли. Работы хватает, с голоду не умрешь.

Пообещав хорошо кормить и после возвращения из похода выплатить премии, Колумб попытался убедить палосцев принять участие в экспедиции. Это тоже не помогло, возымело обратный эффект. Люди подумали, что если много сулят, то зовут на опасное дело, способное закончиться гибелью кораблей. За две недели Христофору удалось собрать вместе с колодниками и своими слугами два десятка человек. Он понял, что так дело не пойдет, и уехал в Рабиду дожидаться возвращения из Рима Мартина Алонсо Пинсона.

Прославленный капитан приплыл в Палос в середине июня и на следующий день встретился с Колумбом под сводами монастыря в присутствии Хуана Переса.

Три человека, от которых теперь зависела судьба экспедиции, за массивным дубовым столом трапезной потягивали розовое вино, приглядывались друг к другу. Разговор шел о пустяках: о ценах на рыбу, о делах в Риме и вокруг папского престола. Святой отец вежливо спрашивал, Мартин отвечал, Христофор смотрел на моряка, думал о том, что такой человек способен за жечь людей верой в благополучный исход

предприятия. Пе ред ним сидел креп кий, коренастый мужчина во цвете лет с резкими чертами лица, сильными мозолистыми руками. В трудные минуты плаваний он тянул канаты, стоял у руля. Колумб слышал от горожан, что Мартин знает толк в навигации, безошибочно определяет миграцию косяков сельди и сардин, чует за версту добычу, владеет мечом, стреляет из пушек. Рыбак, купец, работорговец – Мартин Алонсо Пинсон вобрал в себя характерные черты испанских капитанов южного побережья. Его интересы выходили за границы залива Кобыл, Мартин плавал в Африку, к Азорским островам, интересовался западной частью Атлантического океана. В прошлом году в Риме он приобрел у «одного великого космографа», служившего в библиотеке Папы Иннокентия VIII, карту мира с «точным» обозначением земель Антилии, Бразилии, Острова семи городов. Вероятно, ее изготовили португальцы, по тому что Мартин Бехайм закончил в 1492 году составление «земного яблока» (глобуса) и поместил эти земли в том месте, где они имелись на карте Пинсона. Палосский капитан меч тал до плыть до них и не ожидал, что его опередят. Не зная о том, Христофор соби-рался пригласить Мартина на правах простого капитана.

– Вы сказали, в Италии зреет смута, города враждуют между собой? – обратился к моряку настоятель монастыря.

– Да, святой отец, – с сожалением покачивая головой, подтвердил Мартин.

– Это в то время, когда надо отвоевать у агарян Гроб Гос-

подень! — возмутился монах.

— У Папы нет денег для организации Крестового похода, — сообщил Мартин.

— Мы возьмем их за морем! — горячо воскликнул Колумб. — Там лежат несметные сокровища. Бог поможет нам обратить их на праведное дело!

— До богатых земель далеко, — заметил моряк, почувствовав, что они затронули главную тему.

— Вы правы. Это не легкий труд, но осуществимый, — согласился адмирал. — Их Величества избрали меня для почетной миссии.

— Я слышал о том, — вставил Мартин.

— Мне предоставлены большие полномочия, — продолжил Христофор. — Я хочу предложить вам принять участие в плавании к Азиатским берегам.

— В какой должности?

— Капитана каравеллы.

— Благодарю за доверие, но прежде, чем дать согласие, я бы хотел познакомиться с вашими планами и целями экспедиции.

— Я расскажу вам о них, — пообещал адмирал и принялся объяснять моряку географию Земли, протяженность Атлантического океана и прочее, о чем говорил в Испании на протяжении семи лет.

Старший Пинсон внимательно слушал, не перебивал, не задавал вопросов. Многое он знал, о многом догадывался.

Марчена и Перес говорили ему о замыслах Колумба, но не посвящали в тонкости проекта, хранившихся в тайне. И вот сейчас итальянец сам раскрывал ему детали похода, не сомневаясь, что капитан примет предложение.

– Вы закончили? – спросил Мартин, когда Христофор замолчал и устало откинулся на спинку стула.

– Да, – выдохнул адмирал, поднося к пересохшим губам бокал с вином.

– Вы забыли упомянуть о моем заработке, – напомнил моряк.

– Капитаны получают в три раза больше кормчих, – повторил Христофор.

– Это я слышал, но вы ничего не сказали обо мне.

– Разве вам мало?

– Вы собираетесь везти селедку в Италию или плыть в Индии через океан? – усмехнулся Мартин.

– Каковы ваши требования? – сухо осведомился адмирал.

– Половина обещаний королевы, – заявил моряк.

Перес с изумлением посмотрел на него, перевел взгляд на ошарашенного Колумба.

– Вы понимаете, чего просите? – подал голос монах.

– Да, святой отец, – без смущения произнес Мартин.

– Это слишком много, – запротестовал сраженный Христофор. – Такое не потребует ни один капитан!

– Потому что никто не осмелится отправиться с вами на край Земли, – пояснил моряк. – Сколько матросов за два-

дцать дней записались на суда?

Адмирал сокрушенно опустил голову.

– Среди них есть капитаны и кормчие? – продолжал Мартин – Ни одного! А я за месяц соберу моряков, подготовлю корабли к выходу в море.

– Нет, это слишком много, – повторил Христофор, обращаясь за помощью к священнику.

– Да, Да... – закивал Перес.

– Вы думаете? – улыбнулся Мартин. – Если я стану капитаном, мне придется вложить в вашу затею деньги, рисковать жизнью. За это вы предлагаете мне тройное жалование кормчего?

– Я согласен добавить, – сдался Колумб.

– Вы сделаете моих братьев капитанами других каравелл, – жестко произнес моряк.

– Что еще? – адмирал не поверил своим ушам.

– Это все, – подвел итог Пинсон.

– Вы хотите получить половину того, что обещали мне монархи, и должности капитанов для своих младших братьев? – уточнил Колумб.

– Да.

– А секретные карты вам не нужны? – с обидой в голосе промолвил Христофор.

– Нет.

– Почему?

– У меня есть своя.

– Откуда?

– Из архива Его Святейшества.

Колумб с Пересом удивленно переглянулись.

– Я могу сам оснастить корабли и осенью выйти в море, – победно закончил моряк.

– Короли Кастилии и Арагона вам не позволят! – заявил Христофор.

– Мы привыкли плавать там, где нам нравится, – ответил гость, поднимаясь из-за стола.

* * *

На следующий день Колумб отправился в дом Пинсонов для переговоров. Христофор понимал, что без помощи этой уважаемой в городе семьи ему не выйти в океан, а Мартин признавал непомерность своих требований, был заинтересован перспективами торговли с Азией, хотел принять участие в экспедиции.

В старом каменном особняке братья учтиво приняли адмирала, угостили вином, показали навигационные приборы, похвастались африканскими диковинками. Затем провели в просторную комнату, усадили под цветной географической картой, долго обсуждали условия договора. Обе стороны не уступали друг другу, но прониклись взаимным доверием и не сомневались, что постепенно придут к соглашению.

Торг длился четыре дня. Они сошлись на том, что Мар-

тин будет капитаном «Пинты», Висенте – капитаном «Ниньи», Франсиско – шкипером или маэстре (помощником капитана) старшего брата. За Колумбом осталась «Галисийка». От обычной платы капитанов отказались. Адмирал обещал Пинсонам крупные доходы, но какие – держали в тайне, дабы не дать повода для разговоров, повышенных требований прочих офицеров.

23 июня Мартин взялся за дело и сразу стал душой подготовки экспедиции. Он объехал междуречье, призывал опытных моряков записываться во флотилию. Из Могера, Уэльвы, андалусских городов Хереса, Пуэрто-Санта-Марии, Кадиса, Сан-Лукар-де-Баррамеды, Севильи потянулись в Палос матросы, желающие отправиться в плавание.

Марки из набора «Открытие Америки» с портретами Мартина и Висенте Пинсонов Испания 1930 г.

Весьма кстати подоспел второй указ королевы о льготах морякам, отправлявшимся с Колумбом. После него люди столпились на пристани в ожидании очереди встретиться с командирами. От желающих попасть на корабли не было отбоя. Капитаны выбрали лучших кормчих, боцманов, матросов, канониров, оружейников, плотников, конопатчиков, бондарей, парусных мастеров. Сто двадцать покорителей Нового Света! Благодаря многолетним изысканиям ученых, мы знаем имена восьмидесяти семи. Это люди разного

возраста и специальностей. В списке нет священников. Отсюда возникло убеждение, будто они не принимали участия в плавании. В это трудно поверить. Видимо, священники получали жалование по затерявшимся в архивах ведомостям. Если же на кораблях Колумба действительно не было монахов и капелланов, их обязанности выполняли люди, причастные к религиозным орденам.

Из известных нам членов экипажа четверо были иностранцами: португалец из Тавиры, генуэзец, венецианец, калабриец. Десять басков и галисийцев приехали с севера страны, прочие моряки родились в городах и областях Андалусии.

Одновременно с вербовкой велось оснащение кораблей. Здесь Пинсоны оказались незаменимыми. Они легко решали вопросы, ставившие адмирала в тупик. Мореходы вложили в дело свои деньги, помогли Колумбу получить от городских властей нужные средства. Десятки телег ежедневно подъезжали на пристани к кораблям, подвозили из деревень продукты, товары ремесленников. Строевой лес, канаты, смола, деготь, оружие толедских мастеров, дешевые колокольчики, погремушки, стеклянные четки, яркие хлопчатобумажные ткани непрерывным потоком текли через город в гавань, оседали в трюмах каравелл.

С раннего утра до позднего вечера раздавался стук молотков, скрип лебедек, поднимавших на палубы грузы. Слышалась соленая матросская речь. Моряки обживали кораб-

ли, делили скудные пяди пространства, чинили оборудование, меняли подгнившие доски, крепили на таях новенькие бомбарды. Прежде «Пинта» с «Ниньей» не имели орудий. «Пинту» построили в Палосе, где она получила название по имени хозяина, использовавшего ее в качестве торгового судна. «Нинья» родилась в устье Рио-Тинто на верфи гавани Ривера-де-Могер. Ее окрестили «Санта-Кларой», но чаще называли по имени хозяина – Хуана Ниньо. «Нинья» – по-испански значит «детка». Для каравелл XV века характерно двойное название: первое – в честь католических святых, второе – будничное, как прозвище живого человека. «Нинья» служила рыбацким баркасом, перевозила грузы. На поручнях каравелл, на железных вилках укрепили легкие фальконеты, в прорезях бортов – средние пушки. Тяжелые орудия достались флагману. Его заложили на севере, называли по имени области «Галисийкой». В историю открытия Америки она вошла как «Санта-Мария».

Существует две версии происхождения второго имени «нао» Колумба. Одни исследователи говорят, будто второе название судно имело от рождения, другие утверждают, будто адмирал переименовал «Галисийку» перед выходом в океан или в момент плавания по первым словам морской молитвы. Последнее утверждение вызывает сомнение. По старому матросскому поверью изменение названия судна в походе приводило к гибели экипажа. Впрочем, Фрэнсис Дрейк наперекор суеверию переименовал в пути «Пеликана» в «Зо-

лотую лань», принесшую пирату богатства и славу.

Отправляясь из Санта-Фе в Палос, Колумб предполагал потратить месяц на подготовку экспедиции, воспользоваться благоприятными восточными пассатными ветрами, но до конца июня был вынужден бездействовать. С приходом братьев Пинсонов дело ускорилося, однако планы выхода в море пришлось отодвинуть на конец лета. Христофор спешил, подгонял компаньонов. Ему помогали королевские чиновники, казначей Арагона Луис де Сантанхель. Колумб часто отправлял письма влиятельному сановнику. Сантанхель стал его другом. Возможно, их сблизило что-то еще: принадлежность к одному ордену или еврейская кровь далеких предков? Луис происходил из семьи маранов. Существует мнение, будто Колумб тоже имел иудейские корни, отчего скрывал настоящее имя.

Общими усилиями придворных, властей Палоса, монахов Рабиды, капитанов, кормчих, матросов, сотен неизвестных поставщиков, мастеров, простых рабочих к концу июля удалось закончить снаряжение флотилии, назначить выход в океан на первые дни августа.

Третьего числа, в пятницу, в день печали и скорби, когда закончился срок свободного выезда из страны евреев, под гром прощального салюта корабли покинули Палос. Эскадра спустилась по Рио-Негро к Рабиде, обогнула отмель Сальтес, вышла в море. Пятница считалась неудачным днем для начала плаваний, так как в этот день постились. Адмирал не

обратил внимания на плохую примету, он сильно спешил.

Глава XI

Переход на Канары

Дул крепкий северный ветер, флотилия уходила на юг. Впереди плыла «Пинта», за ней – «Санта-Мария». Маленькая «Нинья», с косыми парусами, еле поспевала за ними. Первые часы гонки выявили скоростные преимущества корабля Мартина Пинсона, тихоходность каравеллы его брата Висенте, тяжеловесность флагмана Колумба.

Каравеллы были хорошо приспособлены для плавания. Их строили из дубовых досок, обшивали внахлестку, ставили планширь – деревянные перила судового ограждения. Снаружи корпус усиливали бимсами – поперечными балками, связывавшими бортовые ветви шпангоутов. Бимсы служили основанием для палуб, придавали им жесткость, равномерно распределяли нагрузку на борта, продольные переборки, пиллерсы – вертикальные стойки. Корпуса каравелл с низкими бортами сходились в носовой части под острым углом. В годы Генриха Мореплавателя посредине верхней палубы крепили главную мачту, за которой помещали еще две меньших размеров. На них поднимали косые паруса, отчего корабли получили название «латинских каравелл». Почти одновременно с ними возникли суда с прямыми парусами, тоже получившие названия каравелл. Иногда говорят, будто корабли считали каравеллами не по типу судов-прототипов,

а от португальского слова «каравальо» – дубовый.

Я писал, что каравеллы с прямыми парусами потребовали замены рангоута – деревянных и металлических предметов парусного вооружения, предназначенных для крепления и несения полотнищ. Переднюю фок-мачту передвинули к носу, сделали бушприт – выступающий перед судном горизонтальный или наклонный брус. С помощью бушприта растягивали фок-мачту, поднимали треугольные паруса (кливера и стаксели). Под бушпритом опускали на нее прямоугольный блинд.

На юте (кормовой части палубы) «Санта-Марии» находилась двухъярусная надстройка, на баке (носовой части) располагался матросский кубрик. На носу каравеллы, в передней части кубрика, имелась наблюдательная площадка. Вторая площадка – габия (в буквальном смысле слова – «клетка») висела на грот-мачте посередине судна. Позднее ее называли «марсом», как парус второго этажа. В плаваниях на марсах сидели дозорные.

Палуба между ютом и баком (камбес) не имела надстроек. Здесь лежали лодки, коптила печь, сложенная из широких плоских кирпичей. На камбесе находились колодец для помпы, компас с ограждением, кнехты, вентиляционные и грузовые трюмные люки, пушки, тросы, бочки, прочее снаряжение. На открытом пространстве меньше двадцати метров, занятом вещами, жила и работала основная часть команды.

Куда из Палоса направилась флотилия? Вы думаете, пря-

мо на запад к сказочной Индии? Ошибаетесь! К лежащим на юге от Испании Канарским островам.

– Зачем? – спросите вы.

– Чтобы закупить свежее мясо, пополнить запасы воды, – ответят ученые.

Чепуха! – скажу я им.

Испанцы после Колумба привыкли опускаться до нужной широты, а затем по компасу, солнцу, звездам идти прямо на запад к намеченной цели, – поправят сведущие специалисты.

Увы, это тоже заблуждение, имеющее под собой прочное основание. На карте мира Тосканелли южная часть Японии лежит на широте Канарских островов, примерно на десяти градусах. За ней на этой широте расположены центральные области Индии. В соответствии с представлениями современников, следуя на запад от Канарских островов, Колумб мог достичь желанных берегов. Если бы корабли снесло на юг, то в конце первой половины пути они непременно наткнулись бы между шестидесятью градусами западной долготы на легендарный остров Святого Брендана. Это звучит убедительно. Спору нет: значительно легче идти сначала на юго-запад, потом строго на запад, чем от Геркулесовых столпов искать в безбрежном океане загадочную страну. И тут подают голос враги адмирала: «Вы забыли рассказать читателям таинственную историю, случившуюся с итальянцем на острове Порту-Санту», – напомнят они.

Придется исправить вину, поведать вам быль или легенду

еще об одном открытии Америки.

Это произошло в начале восьмидесятых годов, когда молодой счастливый Христофор в доме брата жены изучал архивы семьи Перестрелло, строил планы покорения Атлантики. Ветры и течения вынесли к острову изъеденный морским червем старый полусгнивший корабль с раздутыми от цинги моряками. Один из них говорил в бреду о несмолкаемом пении ярких райских птиц, о чудесных незнакомых животных, темнокожих туземцах. Португальцы не обратили внимания на слова, подумали, что матрос видел их в Африке. Колумб заинтересовался предсмертными видениями больного. Судно пришло с запада. Следовательно, моряк говорил о неизвестных землях в океане.

Среди спасенных людей находился умиравший от истощения и болезни кормчий. Он так ослаб, что не мог вымолвить ни слова. Колумб велел отнести пилота к себе домой, бережно ухаживал за ним. Кормчий лежал в бессознательном состоянии. Постепенно он начал выздоравливать. Окрепнув, моряк поведал доброму хозяину о своих приключениях. Пилота родом из Уэльвы, портового город на юге Испании, звали Алонсо Санчесом.

Корабль Санчеса в сильную бурю сбился с пути. Морские течения южнее Канарских островов подхватили судно и понесли на запад к неизвестному острову. Через месяц моряки увидели цветущую землю с теплым, мягким климатом, населенную добродушными аборигенами. Европейцам почуди-

лось, будто земля сама рождала плоды, вода снабжала туземцев рыбой. В густых тропических лесах порхали чудесные разноцветные птицы. Путешественники назвали встретившийся остров Земным Раем. В подтверждение слов кормчий показал Христофору карты и записи. Остров лежал далеко на западе от материка в неизведанной части Атлантического океана!

На обратном пути каравелла Санчеса опять попал в шторм, отбросивший ее на север, где пилоты обнаружили мощные течения в сторону Европы. Воспользовавшись ими, моряки взяли курс на восток. Возвращение домой оказалось более продолжительным, чем предполагали друзья кормчего. Кончились продукты, начались болезни. Люди умирали от голода и цинги. «На западе в море Мрака есть обитаемые богатые земли», – утверждал Алонсо.

Вскоре испанский кормчий неожиданно умер, унес в могилу тайну неизвестного острова, вынесших к нему течений. Он скончался в доме Колумба, дневники с расчетами пилота достались Христофору. Смерть изможденного моряка, чудом достигшего земли, выглядела естественной и закономерной. Обычно две трети команды судов дальнего плавания болели цингой, от которой умирало до половины матросов и офицеров. О смерти Алонсо Санчеса не вспоминали до тех пор, пока Колумб не предложил Жуану II послать экспедицию на запад. Злые языки обвинили капитана в умышлен-

ном убийстве соперника с целью возглавить флотилию.³⁸

Я не берусь судить о поступке Колумба, ибо не знаю, был ли он в действительности. О морских течениях южнее Канарских островов, уносивших корабли на запад, знали плававшие в Африку португальские моряки. Принимая участие в гвинейской экспедиции 1483–1484 годов в Сан-Жоржи-да-Мина, Христофор слышал о них. Северное течение из моря Мрака к берегам Европы тоже было известно давно. Оно выносило к Азорским островам стволы незнакомых деревьев, обломки лодок с трупами краснолицых людей. Алонсо Санчес подтвердил то, что знали моряки. На карте Тосканелли на широте Азорских островов около пятидесятого градуса западной долготы находилась Антилия, в том месте, где плавал испанский кормчий. Многолетний опыт португальских моряков, собственные наблюдения Колумба позволили ему найти правильную дорогу на запад.

«Уже сам по себе выбор генерального курса – до Канарских островов на юг и далее на запад – был решением гениальным, – замечает Я. Свет. – Лучшей дороги из Испании в тропические области Нового Света не существует. От берегов Пиренейского полуострова к Канарским островам следует очень сильное Канарское течение. Сразу же к югу от этих островов оно круто поворачивает на запад и вливается в струю Северного Пассатного течения. Это течение в полосе

³⁸ Блон Ж. Великий час океанов / Пер. с фр. А. М. Григорьева. М.: Славянка, 1993. Т. II. С. 42.

восточных пассатов пересекает Атлантический океан в интервале между 25 и 10 градусами северной широты и доходит до берегов Кубы и Флориды. Но по Северо-пассатному пути возможно лишь одностороннее движение (конечно, для парусных кораблей, а не для паро- и теплоходов). В обратном направлении, от Антильских островов в Испанию, надо держать путь в зоне Гольфстрима, который пересекает Северную Атлантику с юго-запада на северо-восток и выносит корабли к Азорским островам. Именно так шел Колумб домой в 1493 году, вторично избрав единственно верную трассу. С той поры только так – туда через Канарские острова, обратно через Азоры – ходили решительно все корабли на линиях, связывающих Испанию с Центральной и Южной Америкой. Правда, в 1664 г. один упрямец решил пройти из Америки в Испанию по "южной" дороге, но вместо полутора месяцев он затратил на этот путь полтора года.

Колумб, таким образом, открыл кольцевые течения в Атлантике и тем самым предопределил всю систему трансокеанской навигации». ³⁹

* * *

Кренясь под ветром, каравеллы уходили на юго-запад. Впереди по-прежнему плыла «Пинта». Сильно раскачива-

³⁹ Свет Я. Колумб. М.: Молодая гвардия, 1973. С. 172–173.

ясь, «Санта-Мария» поспешала за ней. «Нинья» замыкала кильватерную колонну. Короткий киль флагмана и глубокая осадка не давали ему хорошей остойчивости, бортовая и килевая качка изматывали людей, впервые ступивших на палубы кораблей. Толмач Луис де Торрес, королевский постельничий Перо Гутьерес, полномочный инспектор короны Родриго Санчес де Сеговия лежали в матросском кубрике, изредка выползали на палубу опорожнить и без того пустые желудки. Не лучше чувствовал себя главный алыгвасил (*полицейский*) флотилии Диего Энрикес де Арана. Работы для этих «пассажиров» не было и в ближайшие дни не предвиделось. Их болезнь не мешала команде управлять парусами, вести каравеллу следом за Мартином Пинсоном. Последнее обстоятельство беспокоило адмирала, подрывало его авторитет. Флагманскому судну полагалось возглавлять флотилию, а оно еле успевало взойти на волны от форштевня «Пинты». По мнению моряков, оседлать волну соперника – значило получить преимущество в скорости. «Санта-Мария» не желала прибавить хода, только больше раскачивалась из стороны в сторону.

Расстроенный адмирал у поручней юта наблюдал, как внизу на камбесе боцман Чачу кулаками подгонял нерасторопных матросов. Для боцмана, как и для капитана, было делом чести обогнать «Пинту». Шлепая босыми ногами по палубе (*матросы на каравеллах обувались только в холодных северных широтах*), вахтенные дружно тянули канаты,

поднимали дополнительные паруса.

– Все в порядке! – пропел (*как полагается*) с марса в положенный час дозорный.

Юнга перевернул колбу с пересыпавшимся вниз песком, пробил склянки. Песка в колбе хватало на полчаса. Каждый раз юному моряку следовало ударить в колокол, чтобы все знали о ходе времени, подсчитали склянки до конца вахты. Восемь раз переворачивались песочные часы, восемь раз мелодичный звук растекался по судну, пока трудилась очередная вахта. Четыре часа, но как они изматывали моряков!

Суда, казавшиеся в гавани подготовленными к походу, на открытой воде преподносили сюрпризы. Ужасно скрипел, стонал рангоут. Вахтенные на ходу устраняли неполадки, оставшиеся после недобросовестных мастеров. Матросы подмазывали жиром трущиеся части такелажа, перевязывали бесчисленные узлы. Настроить парусное судно на ветер всегда было сложным, долгим делом. Если капитаны затевали гонки, работа команды усложнялась вдвойне. Обычно в первые дни всем морякам, от адмирала до юнги, хотелось узнать возможности своего корабля, его сильные и слабые стороны, поэтому вахтенные работали не за страх, а на совесть.

– Хорошо идут! – услышал Колумб голос кормчего Пералонсо Ниньо.

Христофор обернулся, увидел молодого моряка, смотревшего в след «Пинты».

– Думаешь, не догоним? – подошел к нему капитан.

– Да, сеньор адмирал. У Мартина матросы, как на подбор. В основном они жители Палоса, плавают не первый год, прекрасно знают ремесло.

– Чем хуже наши моряки? – с досадой спросил Колумб.

– Они не притерлись друг к другу, – пояснил Пералонсо, – спорят, шумят, тратят силы по пустякам.

– Мы набрали самых крепких парней, опытных в морской науке, – возразил Христофор.

– Этого недостаточно. Нужна команда, а не тридцать мастеров. Когда они научатся с полуслова понимать товарищей, ценить дружбу, тогда возникнет отличный экипаж.

– Чачу быстро вобьет в них дисциплину и желание трудиться, – улыбнулся капитан.

– Иногда кулаки мешают делу, – глубокомысленно заметил кормчий. – Боцман горяч, как все баски.

– Баски отличные моряки, – похвалил Христофор уроженцев севера.

– Остальные не хуже, – добавил Пералонсо.

– Что скажешь о «Ниньи»? – поинтересовался капитан.

– Легка на ходу, маневренна, мелко сидит, удобные косые паруса, – подходящее судно для прибрежного плавания. Боюсь, мы потеряем ее в океане.

– Почему? – спросил Христофор, разглядывая отставшую каравеллу.

– С косыми парусами при попутных ветрах ей не угнаться

за нами.

– Что-нибудь придумаем, – нахмурился капитан. – Согласуем систему сигнализации, договоримся о месте встречи.

– В океане? – усмехнулся кормчий. – Там не нужна способность «Ниньи» к лавировке.

– Советуешь сменить паруса? – догадался Христофор.

– Да.

– Как же мы будем исследовать неизвестные берега?

– До них далеко, – вздохнул Пералонсо, вообразив безмерность пути.

– Мартин тоже предлагал заменить паруса, – вспомнил командующий. – Впереди у нас есть неделя до Канар. Посмотрим, как покажет себя «Детка». Если пойдет медленно, поставим прямые паруса.

– Я слышал, у Мартина плохие отношения с хозяевами «Пинты»? – намекнул штурман на разговоры в Палосе.

– Братья Кинтеро со своим другом и совладельцем судна Гомесом Расконом не хотели отправляться в плавание. Городской совет заставил их выйти в море. Вопреки традиции, Мартин сделал шкипером каравеллы не ее хозяина, а своего брата Франсиско, чем оскорбил братьев Кинтеро. Они часто перечат ему.

– Младший Хуан идет боцманом у Мартина. Разве ему мало этого?

– Хуан доволен, а старший Кристоаль с Гомесом затаили обиду.

– Им мало процента с прибыли?

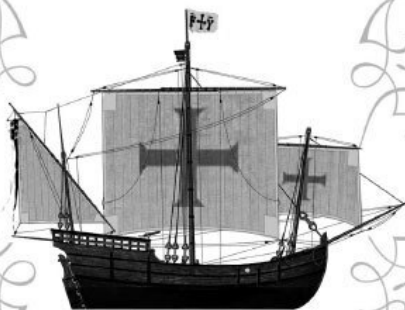
– Хозяева «Пинты» привыкли торговать сардинами. Доход с рыбного промысла кажется им менее рискованным.

– Братьев Кинтеро легко понять, – заметил кормчий. – Даже Хуан де ла Коса, добровольно предоставивший «Санта-Марию», боялся выходить в океан.

– Он сильно нуждался в деньгах, – признался Христофор. – Я заплатил за фрахт больше других нанимателей.

Santa Maria

La Pinta

La Nina

– Тогда понятно, почему он отправился в плавание.

– Хочет быстро разбогатеть.

– Или узнать дорогу в азиатские страны, – решил кормчий.

– Король не позволит ему самостоятельно торговать с Индиями, – заявил Колумб.

– Вы думаете, де ла Коса попросит разрешения? – улыбнулся Пералонсо.

– Капитана, самовольно отправившегося на запад, ожидает суровое наказание, – отчеканил Христофор. – Их Величества обещали мне строго соблюдать пункты соглашения.

– Если вы найдете дорогу к материку, будет трудно удержать от искушения сотни авантюристов, желающих торговать на свой кошт. Они ринутся в Индию, как мухи на мед.

– И найдут там виселицу. Меня не зря назначили вице-королем!

– Вы собираетесь жестоко наказывать провинившихся моряков?

– Я не позволю грабить Индию и соседние острова.

– Вам понадобится армия, десятки судов, надежные порты, прочные крепости. Ведь и португальцы стремятся найти удобный путь к материку.

– Нашим соперникам придется долго рыскать вдоль Африканских берегов, пока доберутся до Красного моря и Индийского океана.

– Бартоломеу Диаш обогнул материк, остался последний бросок.

– Ты в этом уверен?

– Да.

– А я – нет.

– Почему?

– Португальцы несколько раз достигали оконечностей Черного континента, но всякий раз он опускался на юг. Двадцать два года назад Кошта у Золотого берега повернул на север, привез счастливое известие в Лиссабон. Оно оказалось ложным. Так может произойти и с открытием Диаша.

– Вы полагаете, Африка срослась с Южной Землей?

– Не знаю. Я не спешу признать заслуги Бартоломео. Если бы король не сомневался в его открытии, то снарядил корабли в Индию, но он медлит, довольствуется прибылями с Гвинеи.

– Один поход в страну Великого хана обогатил бы Жуана больше золотых рудников в Сан-Жоржи-да-Мина, – сказал кормчий.

– Ты прав, – согласился капитан. – Стоять на пороге хранилища драгоценностей и не сделать последнего шага! Только серьезные причины вынуждают человека не сходить с места. Мы первыми откроем заветную дверь.

– Да, сеньор адмирал, – поддержал его кормчий.

Близился полдень. Корабли уходили на юг с туго надутыми парусами. При порывах ветра «Санта-Мария» резко кре-

нилась на правый бок, возвращалась в исходное положение, спешила вдогонку за «Пинтой». Ванты гудели от напряжения, скрипели мачты, звуки сливались в стремительную песню дальних странствий. Каравелла рвалась вперед, будто хотела унести людей в чистое голубое небо с белой дымкой на горизонте. Ровные серые волны со срывающимися пенными гребнями мягко подталкивали судно в корму, дробились о широкое перо руля, обшитое сосновыми досками. Птицы низко кружились над ноками мачт, с криками уносились в сторону невидимой земли. За кромкой колеблющейся синевы лежала Африка с Сеутой и Танжером, притягивавшими молодого принца Генриха Мореплавателя. Чуть в стороне, где желтело ослепительное солнце, проходила португальская трасса кораблей к западным берегам континента.

* * *

Шестого августа налетевший шквал развернул «Пинту» боком к волне, наклонил на левый борт, заполоскал паруса. Что-то оглушительно треснуло. Судно выпрямилось, ванты обмякли, полотнища беспомощно захлопали на ветру, дувшем сбоку и насквозь пронизывавшем каравеллу. Она замедлила ход, остановилась. Команде показалось, будто разлилась тишина, но скоро привычные звуки сменились новыми. Резкий скрежет металлических петель руля вторил глухим ударам волн по обшивке «Пинты». Ругались вахтенные.

Из кормовой надстройки вышел встревоженный капитан.

– Что случилось? – слышались голоса на палубе.

Мартин взглянул на мачты с колыхавшимися на ветру парусами и флагами, обернулся к шуму на юте.

– Что там у вас? – недовольно окликнул брата, спорившего с моряками.

– Руль сломался. Мы потеряли управление, – пожаловался Франсиско.

– Вели убрать паруса! – приказал Мартин высунувшемуся из трюма взволнованному кормчему.

– Вахта левого борта, распустишь шкоты! Вахта правого борта, подтянуть полотнища! – закричал Сарьмьенто.

Матросы кинулись выполнять команды, капитан направился к вахтенным, державшим в руках здоровенный румпель. Перо руля болталось из стороны в сторону.

– Баллер треснул, румпель выскочил из гнезда, – виноватым голосом сообщил моряк.

Мартин склонился над верхней частью руля, проходившей через отверстие в корме внутрь судна, и обнаружил широкую глубокую трещину. Гнездо, в которое вставлялась вращавшая основу руля длинная перекаладина, было сломано.

– Вижу, – недовольно пробормотал капитан, будто руль повредили нерадивые матросы.

– Плохая примета, – услышал он за спиной голос боцмана Хуана Кинтеро.

– Не каркай! – прикрикнул на него раздраженный Мартин. – Лучше бы рудерпирс починил перед тем, как сдавать судно в аренду!

– Ты все проверил, – обиделся боцман. – Эка невидаль: руль сломался! Такое часто случается на кораблях.

– Чини! – велел капитан, отворачиваясь от него.

– За полчаса управимся, – поддержал Франсиско младшего Кинтеро. – Жаль только, адмирал уйдет вперед – не догоним его.

– Еще неизвестно, кто первым придет на Канары! – сказал Мартин, с досадой поглядывая на покачивавшие судно волны.

«Пинта» медленно дрейфовала по ветру.

– Позовите плотника! – приказал боцман матросам.

– Паруса убрать или закрепить по-походному? – долетел с палубы голос кормчего.

– Оставь на реях, – распорядился Мартин. – Мы не задержимся здесь.

– Флагман потравил шкоты, замедлил ход! – пропел с марса дозорный. – «Санта-Мария» приближается к «Пинте».

Мартин вышел на палубу.

– Что случилось, капитан? – обступили его матросы.

– Ерунда, маленькая неполадка, – успокоил команду Пинсон. – Румпель вылетел из гнезда.

– Мы могли перевернуться, – испугался невысокий моряк.

– Вот было бы смешно утонуть в заливе Кобыл! – вос-

кликнул второй.

– Теперь жди неприятностей, – предрек третий.

– Не ной! – Мартин одернул палосца. – Не возвращаться же назад из-за сломанного руля!

– Сломать руль в начале пути... – занял матрос, но осекся под строгим взглядом капитана.

– Я верю божественным знамениям, а не человеческой глупости, – пояснил Мартин. – Если бы при шквале вахтенные ослабили румпель, баллер не треснул.

– Если бы он был новым, то простоял пару лет, – в тон капитану добавил веселый матрос и с упреком посмотрел на боцмана.

– Перестань! – оборвал его Мартин. – Нельзя ссориться по мелочам. Вы должны держаться друг за друга.

– Странные мелкие неприятности начались еще дома, – напомнили в толпе. – Надо найти причину.

– Сам разберусь, – пообещал капитан, наблюдая за подплывавшим к «Пинте» флагманом.

– Тяжело идут, – заметили матросы.

– Куда им спешить? У них полный трюм продовольствия да десятки бочек вина из расчета два литра в день на человека, – рассуждали рядом.

– Разве у нас меньше? – заспорили моряки.

– Столько же, – изрек Мартин. – У всех поровну! Если корабли потеряются в океане, никто с голода не умрет.

– Это хорошо, – обрадовались люди.

– «Нинья» нагоняет флагман, – уведомил с марса дозорный.

«Санта-Мария» быстро приближалась. На баке корабля появились фигурки матросов. Золоченая статуя Пречистой Девы сверкала на носу корабля, прямоугольные кресты алели на парусах. Белые флаги с зеленым крестом тянулись следом за ветром и волнами. Арагонские короны венчали концы креста.

Это были символы экспедиции. Такие же полотнища развевались над кораблями Пинсонов.

– Мартин, – позвал капитана Франсиско, – подойди сюда! Мы нашли кое-что интересное.

– В старом руле? – удивился командир.

– Да.

– Так говори! Чего молчишь?

– Ты должен это увидеть.

– Что там? – недовольно пробормотал Пинсон, направляясь к брату.

– Часть моряков устремилась за ним, прочие наблюдали за подходом судов.

– Вот, – шкипер ткнул пальцем в глубокую ссадину в головке баллера руля.

– Ну, и что? – не понял капитан.

– След топора, – предположил Франсиско.

Мартин нагнулся над баллером, внимательно осмотрел повреждение.

– Сделано над гнездом румпеля, – заключил капитан, – чтобы при большой нагрузке дерево треснуло и судно оказалось без руля.

– Чья затея? – зашумели пришедшие с капитаном матросы.

– Противников нашего плавания.

Пинсон выпрямился, строго оглядел собравшихся моряков.

– Я не хочу выяснять, чья вахта ударила топором по баллеру, – громко произнес капитан, чтобы слышали люди на палубе, – но клянусь Богом, если это повторится, утоплю злоумышленников! Вы знаете меня, я не нарушаю своих обещаний и никому не делаю поблажек, даже родному брату!

– Это не он, – хором заступились матросы за Франсиско.

– Знаю, поэтому легко сдержу слово.

– Придется укрепить баллер железными скобами, – сказал плотник, – на Канарах поставить новый. Этот не выдержит перехода через океан.

– Делай, как надо, – велел Мартин.

Он вышел из-под навеса и направился к борту встречать подплывавший флагман.

На «Санта-Марии» заполоскали паруса, она по инерции приближалась к «Пинте». В кильватере каравеллы плыла «Нинья». Мартин издали заметил на носу маленького судна синюю куртку брата. Висенте озабоченно смотрел вперед.

– Почему легли в дрейф? – спросил адмирал, когда кораб-

ли медленно расходились бортами.

– Сломался руль. Кто-то умышленно рассек баллер топором, – доложил капитан.

– Тебе нужна помощь?

– Сами управимся.

– Мы подождем вас рядом, потом продолжим гонки, – решил командующий.

– Теперь мне придется быть осторожным, – покачал головой Мартин.

– Не унывай! «Пинта» все равно пойдет быстрее нас, – подбодрил Христофор.

– Как у вас дела?

– Хлюпаем носом, ужасная качка.

– Переложите груз в трюме – болтанка уменьшится.

– Сделаем на островах. Удачи тебе! – помахал рукою Колумб, удаляясь от поломанной каравеллы.

Пинсоны взялись за дело. Моряки укрепили гнездо румпеля, надели на баллер металлические кольца, но все это выглядело ненадежным. Кормчие опасались шквалов. Оказаться в шторм без руля – значило подвергнуться смертельной опасности.

* * *

На следующий день ярко светило солнце, дул свежий северный ветер. Предвещая ухудшение погоды, над мачтами

проплывали высокие перистые облака. Легкое волнение океана колыхало корабли. Замедлив ход и выстроившись в колонну, они спускались на юг. Впереди плыл флагман. Сердце Колумба ликовало от радости. Сколько лет он мечтал возглавить флотилию, отправиться в Атлантику! Половину жизни! И вот мечта осуществилась. Каравеллы плывут к Канарским островам, откуда возьмут круто на запад, углубятся в неисследованные воды.

«Любая дорога начинается с первого шага, – гласит древняя мудрость. – Где и как она закончится – знает только Бог».

Христофор сделал первый шаг, не побоялся трудностей и опасностей пути. Происшествие на «Пинте» опечалило его, но не испортило праздничного настроения. Он не сомневался, что Мартин справится с кознями противников похода, выведет злодеев на чистую воду.

Господь велик и всемогущ. Как прекрасно Его творение! Небо и земля наполнены жизнью, море – ожиданием. Оно лишь приоткрыло свои тайны, поманило за горизонт, заронило в сердце надежду. Сколько каравелл устремлялись во все части света! Сколько поколений моряков шаг за шагом исследовали берега, устраивали поселки за тысячи миль от родной земли! Сколько драгоценных сведений приносили из экспедиций!

Колумб учел опыт предшественников, научился водить корабли, пользоваться навигационными приборами, прокла-

дывать путь по звездам. У него есть карты, расчеты, опытные матросы, хорошие суда. Есть все, чтобы завершить задуманное двадцать лет назад, когда читал о странствиях Марко Поло и шарообразности Земли. С юных лет адмирал видел ее в изгибающейся линии горизонта, в вырастающих из океана кораблях. Он не задумывался над тем, как на противоположной стороне планеты люди живут вниз головами, потому что знал: они живут и плавают, как Вседержитель ходит по небу.

По утрам и вечерам Христофор горячо молился, просил Господа помочь свершить благое дело. Молил, как апостолы просили Иисуса, дать силы сподобиться Ему. Колумб являл морякам пример кротости и смирения: первым опускался на колени, последним поднимался после молебна, громко распевал псалмы, вдохновенно читал Библию. Христофору казалось, что если бы он не стал капитаном, то надел монашескую рясу, отдал все силы служению Господу.

Пропев молитвы, матросы расходились по делам. Командующий оставался в блаженном состоянии, когда происходящее вокруг воспринимается проявлением Божьей воли, а поломка якоря на «Пинте» – посланным свыше испытанием.

Однако неприятности не закончились. То тут, то там возникали мелкие неполадки, будто вражья сила противилась замыслам Колумба. Суеверные моряки чинили снасти, меняли подгнившие доски, перешептывались по углам, говорили о домовых, предупреждавших о грядущих бедах. Домовые считались добрыми хозяевами каравелл, устранявши-

ми по ночам замеченные дефекты. Если они не справлялись с работой, то стуком крохотных деревянных молоточков и скрипом балок указывали людям ненадежные места. Домовые имели маленький рост садового гномика, обрамленное седыми волосами и бородой огненно-красное лицо, носили матросскую одежду, сшитую из старых парусин. Они прятались на палубе под якорной лебедкой или в укромном уголке. Во время шторма домовые наравне с матросами несли вахту на мачте. Когда их замечали праздно сидящими на рее, команды приходили в отчаяние. Это был знак, указывающий на катастрофу. В разных странах домовых называли по-своему, все моряки верили, что они живут на корабле и покидают его накануне гибели.

Ветер разогнал перистые облака, очистил горизонт. Серые волны посветлели, наполнились синевой. Из-за плохой центровки груза «Санта Мария» раскачивалась с носа на корму. Холодные брызги от форштевня летели на палубу, проникали в матросский кубрик, где на треугольном пространстве среди широких низких сундуков размещались десятки людей.

Посредине кубрика возвышались две квадратные деревянные колонны, поддерживавшие бушприт. Между ними висел горевший с вечера до утра фонарь. Днем свет проникал в кубрик через раскрытую дверь, ведущую на палубу. На малых судах ее заменяла глухая стена, а на потолке выпиливали дыру, закрытую просмоленным куском паруса. В

кубрик спускались через люк по доске с поперечными планками. Перелетавшие через фальшборт брызги стекали через отверстие в жилище моряков. Люди не обращали внимания на сырость, было хуже, когда при шторме вода хлупала под ногами. Вдоль стен крепились двухэтажные нары, на которых спали по очереди, сменившись после вахт. Под нарами и в проходе у колонн стояли сундуки с личными вещами членов экипажа. Чтобы сундуки не переворачивались от качки, не ползали по полу, их нижние части делали шире верхних. Хорошие матросские сундуки были водонепроницаемыми, имели на днище крючки. На сундуках сидели, играли в кости, спали по ночам, свернувшись калачиком.

Хотя на флагмане у грот-мачты имелась печь, первые дни питались всухомятку. Утром и вечером моряки получали нарезанные куски вяленого мяса, сала, сухари, сыр, масло, вино. Воду за едой не употребляли, на десерт лакомились коринкой – мелким черным сушеным виноградом.

Когда солнце тонуло в коричневатых водах Атлантики, зажигали сигнальные фонари. Колумб не зря плавал на португальских кораблях, он применил систему связи соседей. С помощью огней передавали приказы, предостережения. В дополнение к ним согласовали язык корабельных пушек, предупреждавших о близости земли, опасных рифах и отмелях. На крайний случай наметили на Канарских островах место встречи эскадры, если ее разбросает бурей.

Утро на корабле начинается с откачивания воды из трюма. За ночь она скапливается под пайолами, противно булькает, воняет от растворившейся в ней пропитки досок. Раньше это делали вручную, с появлением насосов неприятная работа облегчилась. Вахтенные матросы вставляли у коромысел, поднимали и опускали рычаги под монотонное пение товарищей. В этот момент иберийцы вспоминали о Господе и Деве Марии, северяне предпочитали народные баллады или непристойности, что часто бывало одним и тем же. В положенный час Франсиско спустился в трюм «Пинты» и ахнул от неожиданности. Вода вышла из-под пайолов, затопила часть трюма. Поднявшись на палубу, шкипер побежал к старшему брату.

– Что случилось? – вскочил с матраса потревоженный Мартин, живший с командой в кормовой надстройке каравеллы.

– Вода! Мы тонем! – с расширенными от страха глазами произнес Франсиско.

– Так уж и тонем? – нахмурился капитан.

– Пока нет, но вода в трюме поднялась до пояса, – выпалил шкипер.

Сон как ветром сдуло с Мартина.

– Вели вахтенным установить дополнительные помпы! –

сказал он брату.

– Я уже сделал, – пролепетал Франсиско.

– Тогда чего испугался?

– Я думал, кто-то специально сделал пробоину, чтобы мы не доплыли до островов.

– Ты в своем уме? – воскликнул Мартин. – Кто вздумает продырявить дно корабля, чтобы вместе с ним пойти ко дну?

– Не знаю, – развел руками шкипер. – Может быть, опять ударили по доскам топором?

Брат молча затянул шнуровку на куртке. Они вышли на палубу, где матросы дружно откачивали воду. Трюмные люки зияли дырами. Капитан заглянул в утробу корабля, понюхал воздух, поморщился и сказал:

– Позови хозяев этой старой лохани!

– Вместе с Расконом? – уточнил Франсиско.

– Да.

– Он только сменился.

– Тем лучше. Значит, неприятности произошли в его вахту.

– Или раньше... – добавил шкипер.

– Это определим по скорости просачивания воды, – решил Мартин.

Шкипер ушел. На востоке загорался солнечный день. Небо с крапинками звезд бледнело, наполнялось светом. Слабый ветер раздувал паруса, каравеллы медленно спускались на юг. Мерная зыбь вздымала корабли. На корме флаг-

мана в больших железных фонарях за стеклами желтели огни. Рядом с «Пинтой» плыла «Нинья».

– Черт возьми! – выругался матрос у помпы. – Обидно получить пробоину рядом с Канарами!

– Где ты видишь пробоину? – спросил товарищ.

– Кабы не дыра, так уже сушили пайолы, – пробубнил матрос.

– Сильно течет? – обернулся к ним Мартин.

– Угу, – пробурчал вахтенный, с красным от напряжения лицом. – Словно наскочили на риф.

– Какие тут рифы? До первого камня надо плыть два дня, – возразил товарищ.

– Доски разошлись, – предположил сосед и внимательно посмотрел на капитана.

– От топора? – усмехнулся матрос.

Мартин взглянул на него, покачал головой. Из кубрика вышли братья Кинтеро с дружкой Расконом.

– Ты нес вахту? – строго спросил капитан Гомеса.

– Я, – ответил тот недовольным голосом.

– Почему не заметил воду в трюме?

– Кто же знал, что судно дало течь? – оправдывался Раскон.

– Нет, он не виноват, – заступился за приятеля старший Кинтеро.

– Твоя работа? – капитан кивнул на открытый трюм, где хлюпала вода.

Кристобаль растерялся от неожиданности.

– Как ты смеешь! – поборол смущение Кинтеро. – Зачем мне топить собственное судно?

– Чтобы не плыть в океан, получить за него полную стоимость.

– Это чудовищная ложь, – возразил Хуан. – Брат никогда бы не сделал этого.

– А ты?

– Я?

– Да, – ты. Или он! – Мартин показал на Раскона.

– Никто из нас к этому не причастен! – с вызовом произнес боцман.

– Я не обвиняю вас, только спрашиваю, – поправился Мартин. – Вина Раскона в том, что не заметил пробоины.

Капитан нарочито подчеркнул последнее слово, что не понравилось владельцам каравеллы.

– «Пинта» сильно перегружена, – запинаясь, начал Кристобаль. – От веса бочек доски разошлись, пакля выпала из швов, вода хлынула в трюм.

– Сначала – руль, потом – течь. Что дальше? – Мартин перебил Кинтеро.

– Не знаю, – пролепетал Кристобаль.

– Я утоплю вас в трюме, – понизил голос капитан. – Мне наплевать на то: ваших рук это дело или нет. Вас обязали дать адмиралу хороший корабль, а не гнилую посудину! Я не хочу погибнуть в океане и не позволю мешать экспедиции!

– Это не мы! – повторил старший Кинтеро.

– Полезай в воду, ищи пробоину! – приказал Мартин. – К вечеру трюм должен быть сухим! Вы поняли меня?

Хозяева «Пинты» опустили головы, посмотрели в черную дыру трюма. Матросы у помп одобрительно загудели.

* * *

Весь день команда откачивала воду, искала повреждение. Братья Кинтеро исследовали обшивку. Капитан смотрел на них и думал, что если бы вредители пробили дыру, то, обесилев от трудов, заткнули ее через пару часов.

К вечеру хозяева корабля промокли до костей, продрогли, валились с ног от усталости, но из последних сил лезли в трюм, чтобы снять с себя незаслуженные подозрения. Мартин извинился бы перед ними за грубость, но след топора на баллере руля свидетельствовал о присутствии на корабле злоумышленников.

В довершение бед на закате дня второй раз сломалось рулевое устройство, словно кто-то задался целью погубить корабль, не пустить в плавание. Ночью над морем взошли крупные звезды, луна проложила путь на Канарские острова. Мерцающая серебряная дорожка уходила на юго-запад в сторону земли. По ней плыли силуэты «Санта-Марии» и «Ниньи». Не замечая чудной красоты, за ними тащилась раненая «Пинта».

Люди Пинсона разбились на команды и непрерывно вычерпывали воду, державшуюся выше пайолов. Наступившая темнота прервала поиски повреждения. Братья Кинтеро и Раскон заснули на палубе вместе со свободными от вахты матросами. Никто не упрекал их в несчастьях корабля. Починенный руль жалобно стонал, словно старый матрос жаловался на боль в суставах. Контролеры подсчитали убытки. Они оказались невелики. Продукты с товарами хранились в просмоленных бочках. Вода не проникла внутрь емкостей.

На следующий день Мартин отправился на флагман обсудить создавшееся положение. Христофор провел капитана в каюту, пригласил к себе королевских чиновников. Сложный вопрос требовал коллективного решения. В крохотной каюте адмирала помещались прикрытая темным куском бархата узкая постель, маленький стол, полки для бумаг и навигационных приборов, пара стульев, встроенный в стену шкаф для одежды. Плотно прикрыв дверь, руководители похода тихо вели беседу.

– «Пинта» нуждается в серьезном ремонте, – доложил Мартин.

– Вы надеетесь починить корабль в порту Канарских островов? – спросил полномочный инспектор короны, высокий, сухощавый аристократ Родриго Санчес де Сеговия.

– Да, ваша милость, – кивнул удрученный капитан. – Придется освободить судно от груза, вытащить на берег, осмотреть обшивку.

– На это уйдет много времени, – возразил королевский постельничий Перо Гутьерес.

Этот тучный придворный Его Величества с трудом помещался на стуле в тесном проходе.

– Я надеюсь на помощь матросов других кораблей, – ответил Мартин и в ожидании поддержки посмотрел на адмирала. Тот с озабоченным видом разглядывал свои руки.

– Сеньоры, – обратился к присутствующим в каюте пожилой нотариус флотилии Родриго де Эсковеда, – я плохо разбираюсь в морских делах, но мне кажется опасным плавание по океану на старой, наспех залатанной каравелле. Может быть, надо оставить ее на Канарских островах?

Адмирал нахмурился, прикусил губу.

– Пожалуй, вы правы, – поддержал нотариуса королевский постельничий. – Лучше иметь два надежных корабля и не думать о том, где разместить и чем кормить команду затонувшего судна.

– Я понимаю ваши опасения, – согласился с ними полномочный инспектор. – Что скажут моряки?

– Два корабля – не три. Это опасно, – пробормотал Христофор, занятый своими мыслями.

– Что вы сказали? – не понял Сеговия.

– Я? – удивился Колумб.

– Мы хотим знать ваше мнение.

– Бросив «Пинту» на Канарских островах, мы вдвое увеличим опасность плавания, – четко произнес Христофор.

– Как это? – испугался нотариус.

– Сейчас на случай поломки одного корабля есть два спасательных судна, способных принять на борт всю команду с частью груза и продовольствия. Без «Пинты» мы обрекаем себя на голодное плавание, сокращаем возможность помощи.

– Так делать нельзя! – запротестовал нотариус.

– Перегруженный корабль легко пойдет ко дну, – поддержал его постельничий.

– Нужно починить «Пинту» или поменять на новую каравеллу, – посоветовал нотариус.

– Правильно, – согласился постельничий, – давайте избавимся от старого судна и возьмем новое.

– Где мы найдем его? – усомнился Пинсон.

– На Канарах, – не растерялся постельничий.

– Вы думаете, там десяток каравелл ожидает нашего прихода? – усмехнулся Мартин.

– Десятка нет, а одна или две имеются.

– Сколько денег потребуется на замену «Пинты»? – спросил инспектор.

– Много, очень много, – неопределенно ответил адмирал.

– По закону, мы вправе возложить возникшие расходы на плечи жителей Палоса, выделивших короне непригодное к плаванию судно, – сказал нотариус.

– Сеньоры с уважением посмотрели на него.

– Мы можем потребовать от горожан возмещения причи-

ненного ущерба! – разошелся законник. – Из-за них мы чуть не утонули, промочили груз, ужасно устали.

– Будет вам... – инспектор прервал Эсковеду. – Нам никто не поверит. А вот о расходах за счет палосцев нужно подумать. Это хорошая мысль. Ваши полномочия позволяют в короткий срок решить вопрос?

– У меня есть предписание губернаторам островов и должностным лицам оказывать содействие экспедиции. Если на Канарах есть свободное судно, надо взять его вместо «Пинты». Мы дадим в залог корабль братьев Кинтеро, пока жители Палоса не возместят наши затраты, – решил инспектор.

– Разумно, – подхватил нотариус. – Я подготовлю документы.

– Чтобы перегрузить товары и продовольствие на другое судно, потребуется много времени, – напомнил чиновникам Пинсон. – Возможно, придется делать мелкий ремонт. Мы выйдем в плавание не раньше середины сентября.

– У нас нет выбора. В любом случае мы теряем три-четыре недели, – подсчитал Колумб.

– Где я возьму снаряжение для судна?

– Снимешь с «Пинты», – отрезал Христофор.

– Ты дашь мастеров?

– Выберешь с кораблей самых надежных.

– Я согласен, – сдался Мартин, представляя, какой огромный объем работ ему предстоит выполнить в месячный срок.

Глава XII

Исчезнувший материк

Девятого августа на горизонте показались зеленые Канарские острова. Тропические леса густо покрывали землю, поднимались на склоны холмов, опоясывали горные вершины. В древности Канары называли Счастливыми островами. Здесь высокие светловолосые гуанчи разводили скот. Приход европейских моряков вызвал у них сопротивление, затянувшееся на три столетия. В эпоху Колумба война то затухала, уступала место мирной торговле, то вспыхивала с новой силой. Испании принадлежали восточные и центральные острова. На завоеванных землях поселенцы сеяли пшеницу, рожь, ячмень, сажали бобы, возделывали виноград, выращивали мандарины, лимоны, апельсины. На самом крупном острове – Гран-Канарии правила вдова вассала королевы Кастилии, донья Беатрис де Боабилью. На Лансароте и Гомере имелись удобные гавани. Адмирал повел корабли к резиденции правительницы.

Эскадра подплыла к Гран-Канарии. Встречные ветры закрыли вход в бухту. Корабли бросили якоря на рейде. Шлюпка с кормчим «Санта-Марии» отправилась на берег. Пералонсо пробился сквозь ветер и высокую волну, вошел в гавань, пристал к деревянному молу, у которого покачивались мелкие суденышки. Это удивило испанца, ожидавшего уви-

деть здесь кастильские и португальские каравеллы. Посетив дом правительницы, Пералонсо вернулся на флагман.

– Сеньора Боабдилью покинула остров, – стряхивая с волос соленые капли воды, сообщил штурман, – уплыла на юг. На обратном пути она посетит португальские порты на африканском берегу. Слуги не знают, когда вернется донья Беатрис. С ней ушло единственное судно, способное заменить «Пинту». Других кораблей на островах нет. Нам придется до осени ждать правительницу.

– Вы привезли плохие вести, – промолвил инспектор де Сеговия.

– Если бы мы приплыли пораньше, то застали сеньору на Гран-Канарии, – добавил Пералонсо.

– Господь вынуждает нас чинить «Пинту», – произнес Колумб.

– Здесь? – скривил нос инспектор и презрительно посмотрел в сторону бухты.

– Да, – ответил адмирал. – На соседних островах нет складов с запасами леса, смолы, снаряжения.

– Причалы Гран-Канарии не приспособлены к длительной стоянке, – заметил Пералонсо. – Мне посоветовали увести корабли на Гомеру, где можно надежно укрыться от ветра, дешево купить у аборигенов свежее мясо.

– Я заходил на Гомеру, – вспомнил Колумб. – Там удобно отдыхать, но тяжело работать. Мы не вытащим судно на берег.

– Месячная стоянка на Гран-Канарии обойдется нам весьма дорого, – осторожно предостерег кормчий.

– Не стоит зря тратить деньги, – согласился инспектор, представлявший интересы кастильской казны. – Нас ожидают большие непредвиденные расходы.

– Предлагаете увести «Пинту» на Гомеру? – спросил командующий.

– Не знаю, что вам посоветовать, – заколебался инспектор. – Будет не легко возить по бурному морю смолу и доски с острова на остров.

– Оставим Мартина здесь, а сами уйдем на Гомеру, – сообразил Христофор.

– Это разумное решение, – поддержал адмирала Сеговия.

– Чачу! – позвал Колумб боцмана. – Вели матросам ждать меня в шлюпке! Я осмотрю «Пинту», – пояснил он инспектору. – Хотите посетить Пинсона?

– Нет, – отказался Сеговия, с опаской поглядывая на волны. – Я вам полностью доверяю, заранее согласен с вашим мнением.

– А вы? – адмирал предложил оправившемуся от морской болезни королевскому постельничему Перо Гутьересу.

– Я подожду вас с доном Сеговия, – отступил от него придворный Фердинанда, наделенный никому не ведомыми особыми полномочиями. Его послали с итальянцем в качестве глаз и ушей арагонского короля.

– В таком случае, я один переговорю с Пинсонами и вла-

дельцами «Пинта», – пообещал Христофор, направляясь к болтавшейся с подветренной стороны флагмана лодке.

Он проворно прыгнул в нее, велел матросам грести к каравелле. На ветру лодка замедлила ход. Моряки налегли на весла и вдоль волны пошли к судну. Брызги летели внутрь шлюпки, оставляли темные пятна на суконной куртке адмирала. Он сидел у кормы, глядел на приближавшийся корабль, сосредоточенно думал о делах. Моряки не осмеливались нарушить молчание командующего. Скрипели уключины, перекачивалась под пайолами вода, слышалось тяжелое дыхание людей. Крупные волны приподнимали суденышко на гребнях, швыряли в сторону, но оно упорно двигалось вперед, пока не стукнулось носом в обросшую водорослями обшивку каравеллы. Перегнувшись через борт, сверху на гостей смотрели матросы злополучного парусника. Колумбу спустили веревочную лестницу.

На палубе Христофор увидел грязь и беспорядок. Корабли первопроходцев не славились чистотой, а когда возникали неполадки, людям было не до мелочей. По следам на досках адмирал понял, что усилия помп не хватало для осушения трюма, команда ведрами вытаскивала воду. Он заглянул внутрь судна, увидел сырые бочки с подпорченным грузом. Над пайолами плескалась вода.

– Видать, вас сильно растрясло, если вход пошли подсобные средства, – распрямляя уставшую спину, сказал командующий Пинсонам.

– С утра началось... – промолвил Мартин. – Как попали в болтанку, так швы разошлись. Долго нам торчать на рейде?

– До вечера, – ответил Христофор, разглядывая усталых матросов.

– А потом?

– Когда ветер стихнет, войдете в гавань, станете у причала.

– Одни?

– Да. Мы уйдем на Гомеру.

– Зачем?

– Там нам будет удобнее.

– Что делать с кораблем?

– Придется чинить.

– Чинить? – недовольно переспросил Мартин.

– Здесь нет больших судов.

– Не успели выйти в море, а уже занимаемся ремонтом, – раздраженно зашумели в толпе.

– Потерпите, – обратился Колумб к экипажу, – отдохнете на островах в Атлантике, где нет зимы болезней.

– На Райских островах, – усмехнулись моряки.

– Я не хочу терять людей, но если кто-нибудь пожелает высадиться на Гран-Канарии, пусть вернет полученный аванс. Я никого не задержу. Мне не нужны трусы, испугавшиеся незначительной поломки.

– Если бы «Галисийка» потекла, он бы иначе заговорил, – пробурчали за спиной.

– Заменить руль и устранить течь – обычное дело для мо-

ряка! – не обращая внимания на ропот, бодро рассуждал адмирал. – Вы делали это десятки раз, так почему сейчас испугались работы? Вам нужна помощь? Я пришлю людей. Потребуются доски, смола, пакля для шпаклевки? Возьмете на берегу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.